

Мкрбчзз

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVI, вып. 3.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Кучумовъ Искеръ на Иртышѣ.
Члена-сотрудн. А. А. Дмитріева 257—272.

Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Публичному Музею гор. Минусинска Енисейской губерніи, и нѣсколько словъ о металлическихъ зеркалахъ, описанныхъ другими. Дѣйств. члена Н. Э. Катанова . 273—291.

Х р о н и к а.

Древняя башня въ городѣ Арскѣ, Казанской губерніи. Дѣйств. члена В. Л. Борисова 292—298.

М а т е р і а л ы.

А) Историческіе. Писцовая книга города Ланшева 7076 (1568) года съ предисловіемъ дѣйств. члена В. Л. Борисова 299—304.

Б) Этнографическіе. Народные спо-

собы «леченія» и заговоры противъ болѣзней въ Казанской губерніи. И. Чибрикова 305—308.

Б и б л и о г р а ф і я.

Литература археологіи, исторіи и этнографіи во второй половинѣ 1899 года (по газетамъ, вѣдомостямъ и нѣкоторымъ журналамъ, получаемымъ Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи). Дѣйств. члена Н. Э. Катанова 309—320.

Прибавленіе къ замѣткѣ объ изслѣдованіи С. Л. Пташицкаго. Н. П. 321.

Приложенія. Сказки казанскихъ татаръ и сопоставленіе ихъ со сказками другихъ народовъ. А. К. Насырова и П. А. Полякова 33—64.

Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Дѣйств. члена А. Е. Алекторовъ 1—64.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1900.

Вышелъ 1 мая.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 9
марта 1900 года.

Секретарь Общества *В. Борисовъ.*

Кучумовъ Искеръ на Иртышѣ.

Въ исторической литературѣ въ разное время появлялось много трудовъ въ видѣ отдѣльныхъ статей и цѣлыхъ монографій о борьбѣ Ермака съ Кучумомъ, о паденіи Сибирскаго царства, о русской колонизаціи за Ураломъ и т. д. Капитальный библиографическій трудъ В. И. Межова о Сибири можетъ дать вѣрное понятіе о количествѣ матеріаловъ и отдѣльныхъ изслѣдованій, касающихся вопроса о покореніи Сибири. Но во всей обширной литературѣ по этому вопросу доселѣ не было предпринято ни одного изслѣдованія о бывшей столицѣ Кучумова царства на правомъ берегу Иртыша, близъ нынѣшняго Тобольска. Тогда какъ описанію сохранившихся памятниковъ древняго Булгара на Волгѣ, древностей Крыма, Кавказа, Туркестана и другихъ мѣстъ прежняго тюркско-мусульманскаго господства посвящено не мало отдѣльныхъ работъ на разныхъ европейскихъ языкахъ,—объ остаткахъ Кучумова Искера или „старой Сибири“ на Иртышѣ можно встрѣтить лишь бѣглыя замѣтки, сдѣланныя мимоходомъ въ запискахъ разныхъ ученыхъ путешественниковъ по Сибири и немногихъ мѣстныхъ любителей старины. Изъ послѣднихъ только тобольскій археологъ *М. С. Знаменскій* посвятилъ внѣшнему описанію Искера небольшую брошюру ¹⁾, написан-

¹⁾ «Искеръ» Михаила Знаменскаго. Тобольскъ. 1891 г., съ 5-ю фотографіями. Послѣднія исполнены очень плохо мѣстнымъ тобольскимъ фотографомъ.

ную однако въ приподнятомъ тонѣ и требующую осторожнаго обращенія съ нею отъ читателя, никогда не издавшаго Искера.

Чѣмъ же объяснить такое забвеніе древняго Искера на Иртышѣ, бывшей столицы нѣкогда сильнаго хана Кучума и его царственныхъ предковъ изъ династіи Шейбанидовъ? Это забвеніе тѣмъ труднѣе объяснимо, что Искеръ стоялъ въ очень близкомъ разстояніи (не болѣе 16 верстъ) отъ главнаго пути изъ Европейской Россіи въ Сибирь, причемъ этотъ путь уклонился отсюда далеко къ югу лишь въ самое послѣднее время, съ проведеніемъ великой сибирской желѣзной дороги. При старомъ же направленіи главнаго тракта черезъ Тобольскъ каждый любознательный путешественникъ легко могъ видѣть остатки „старой Сибири“ на Иртышѣ, всего въ 16 верстахъ отъ города. Мы полагаемъ, что причиною забвенія стараго Искера было почти полное отсутствіе какихъ либо вещественныхъ памятниковъ его, объясняемое, въ свою очередь, характеромъ бывшихъ здѣсь древнихъ построекъ и самой мѣстности, нѣкогда занимаемой татарскимъ юртомъ.

Имѣвъ случай лично осмотрѣть эту достопамятную мѣстность 24 іюля 1894 г., я позволю себѣ познакомить читателей съ старымъ Кучумовымъ Искеромъ въ его прошломъ и настоящемъ. Не входя въ изложеніе общезвѣстныхъ обстоятельствъ взятія столицы Кучума Ермакомъ 26 октября 1582 года ¹⁾, остановимъ вниманіе преимущественно на топографіи этой мѣстности съ начала XVII вѣка до нашего времени и настоящимъ состояніи Кучумова городища. Имѣющіяся въ печати данныя объ Искерѣ мы сопоставимъ съ архивными описаніями, еще ожидающими своихъ издателей.

¹⁾ Новый пересмотръ «Сибирскаго вопроса» мною сдѣланъ въ статьѣ: «Роль Строгановыхъ въ покореніи Сибири» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1894 г. №№ 1 и 2 и затѣмъ въ V выпускѣ моей «Пермской Старины». Пермь. 1894 г., глава 3-я.

По преданіямъ, до сихъ поръ сохраняющимся среди жителей Тобольска и окрестныхъ поселеній, Иртышъ нѣсколько измѣнилъ свое теченіе около Искера со времени взятія его русскими 300 лѣтъ тому назадъ. Эти преданія гласятъ, что Иртышъ—въ переводѣ съ татарскаго „землерой“ (рыть землю)¹⁾—въ давнія времена имѣлъ теченіе нѣсколько сѣверо-западнѣе нынѣшняго своего русла и, постепенно подмывая свой правый высокій берегъ, принялъ недалеко отъ своего устья нынѣшнее направленіе. Такимъ образомъ на параллели Искера онъ уклонился къ юго-востоку по меньшей мѣрѣ на пол-версты за 200 послѣднихъ лѣтъ. Дѣйствительно, низменный лѣвый берегъ рѣки вполне допускаетъ возможность такого измѣненія ея русла при почвенномъ составѣ береговъ изъ песка и глины. Противъ самаго городища, за Иртышемъ, теперь широко раскинулись поемные луга, за которыми и сейчасъ указываютъ старое русло или „старицу“ Иртыша, гдѣ нынѣ находятся Араповы юрты, населенныя татарами. Вся нынѣшняя топографія мѣстности убѣждаетъ въ правдоподобности упомянутаго преданія, какъ увидимъ сейчасъ.

Уменьшеніе площади Кучумова городища замѣчено давно. Еще историкъ Сибири *Г. Ф. Миллеръ* полтора ста лѣтъ тому назадъ писалъ: „восточный высокій берегъ рѣки Иртыша имѣетъ на томъ мѣстѣ чрезвычайную вышину и оный берегъ почти вездѣ, гдѣ рѣка подлѣ горъ течетъ, отъ оной подмывается, отъ чего въ томъ мѣстѣ нѣкоторая часть горы отвалилась, такъ что сторона къ рѣкѣ Иртышу стоитъ почти перпендикулярно. . . *Внутреннее пространство* (городища) *круловато и поперекъ не болѣе 50 сажень содержитъ*. По сему заключить должно, что тамъ кромѣ хана и его фамиліи и служителей не многимъ другимъ знатнымъ татарамъ жить

¹⁾ «Иртышъ» едва ли можно называть татар. словомъ; это не два нарицательныя слова, а одно слово собственное (названіе рѣки), извѣстное и монголамъ: ~~Иртыш~~ «эрсисъ».

можно было, *развъ тогда оное мѣсто гораздо пространнѣе было, какъ и увѣряютъ, что нѣсколько земли . . . съ рѣчной стороны отъ подмыванія осыпалось* ¹⁾). Со времени Миллера прошло еще 150 лѣтъ, и площадь Кучумова городища, какъ обыкновенно называютъ теперь это урочище, за это время еще уменьшилась со стороны, обращенной къ рѣкѣ.

Если въ половинѣ прошлаго вѣка площадь, нѣкогда занимаемая Искеромъ, была уже столь ограничена, то какова же была она въ XVII вѣкѣ, т. е. въ первомъ столѣтіи по завоеваніи Кучумовой столицы русскими казаками въ 1582 году? Для рѣшенія этого вопроса мы располагаемъ нѣкоторыми данными, заслуживающими полного довѣрія. Въ 1675 г. чрезъ Сибирь проѣзжалъ въ Китай русскій посланникъ *Николай Спаарій*. Онъ ѣхалъ главной сибирской дорогой чрезъ Тобольскъ, Томскъ, Нерчинскъ и т. д., составляя по пути дорожныя записки, изданныя нашимъ Географическимъ Обществомъ въ недавнее время ²⁾). О бывшей столицѣ Кучума онъ говоритъ такъ: „и отъ села Абалакъ недалеко, версты съ 2, течетъ рѣчка малая, именемъ Сибирка, и чаеть, что отъ той рѣчки и царство Сибирское именовано, для того что *близъ рѣчки лежитъ пустой городокъ и шанцы Кучума царя Сибирскаго*, который владѣлъ въ то время, какъ приходилъ Ермакъ въ Сибирь; *и мѣсто то самое крѣпкое: островъ есть, однакожъ нынѣ лежитъ пусто*, только Тобольскія Татары для воспоминанія нечистые ихъ вѣры магмедскіе обновили прежь сего и нынѣ обновляютъ мечеть, въ которой по ихъ нечистой вѣрѣ приходяще дѣйствуютъ“. Изъ словъ Спаарія: „пустой городокъ и шанцы царя Кучума“ не трудно усмотрѣть, что и въ 1675 г. площадь Кучумова городища была

¹⁾ Г. Миллеръ: «Описаніе Сибирскаго Царства». СПб. 1750 г., глава II, § 88, стр. 134—136.

²⁾ «Путешествіе чрезъ Сибирь. . . . русскаго посланника Николая Спаарія въ 1675 г.» подъ редакціей Ю. Арсеньева въ «Запискахъ Импер. Русск. Географ. Общ.» по отдѣленію этнографіи. томъ X, выпускъ I. СПб. 1882 г., стр. 45.

уже не велика. Спаарій называетъ городище „островомъ“, чего не дѣлаетъ Миллеръ. Въ настоящее время городище окружено съ одной стороны Иртышемъ и съ двухъ другихъ—рѣчкой Сибиркой, текущей въ очень глубокой долинѣ; съ четвертой же стороны, съ приѣзда изъ Тобольска, городище имѣетъ болѣе пологій склонъ, который не омывается водой, почему и „острова“ болѣе не существуетъ. Тоже было, очевидно, и при Миллерѣ, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „Одна четвертая нижняя сторона (городища) по теченію рѣки Иртыша немного полога, такъ что съ той стороны и всходъ былъ, какъ и теперь сіе мѣсто съ той же стороны сперва видно, ежели кто для смотрѣнія изъ Тобольска выйдетъ. Оно видится съ дороги *на небольшой круглой горкѣ, которая въ разныхъ уступахъ укрѣплена тройнымъ валомъ съ находящимися при томъ рвами*, изъ которыхъ одинъ валъ другого выше“. Спаарій, очевидно, полагалъ, что самый нижній изъ этихъ рововъ, до занятія города русскими, былъ гораздо глубже, соединялъ Сибирку съ Иртышемъ и былъ наполненъ водою, почему все Кучумово городище онъ и назвалъ „островомъ“. Вполнѣ возможно допустить, что 250 лѣтъ тому назадъ едва замѣтный въ наше время ровъ былъ гораздо глубже и обозначался явственнѣе. Во всякомъ случаѣ оба приведенныя описанія Кучумова городища Спаарія и Миллера очень точны и для ихъ времени правильны, въ чемъ мы убѣдились при личномъ осмотрѣ этой мѣстности въ 1894 году.

Теперь обратимся къ еще болѣе древнимъ свидѣтельствамъ источниковъ объ этомъ исчезнувшемъ съ лица земли „городѣ“ хана Кучума. Въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи въ 1896 г. мы познакомились съ подлинной „*дозорной книгой 7131 (1623) году Тобольскаго уѣзда вверхъ по Иртышу дозору дѣтей боярскихъ Саввы Французенина да Максима Трубочанинова*“¹⁾, при содѣйствіи тобольскаго

¹⁾ Дѣла Сибирскаго Приказа, книга 3-я (рукопись), листы 76—128. Библиографическое обозрѣніе книги сдѣлано Н. Н. Оглоблинымъ въ его

подъячего Третьява Леонтьева. Такимъ образомъ эта книга составлена была всего чрезъ 40 лѣтъ послѣ взятія Искера Ермакомъ и въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ вполне достовѣрнаго первоисточника. Упомянутыя лица переписывали окрестности Тобольска и въ числѣ ихъ „старую Сибирь“ Кучума въ то время, когда еще живы были нѣкоторые свидѣтели, а среди казаковъ даже участники „сибирскаго взятія“, при тобольскихъ воеводахъ князѣ Юрьѣ Сулешовѣ и Ѳедорѣ Плещеевѣ. Главный составитель дозорной книги, иноземецъ Савва Французенинъ, былъ изъ числа военнопленныхъ ссыльныхъ, но принялъ православіе, навсегда остался жить въ Сибири, куда былъ присланъ изъ Руси еще въ 1614 г., современемъ дослужился до боярскихъ дѣтей, имѣлъ собственное хозяйство и даже приложилъ въ Тобольскій Успенскій монастырь одну изъ своихъ деревень ¹⁾. На свидѣтельства такого лица можно положиться, тѣмъ болѣе, что дозорную книгу 1623 г. опъ составлялъ не одинъ, а въ сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ.

Въ этомъ то древнѣйшемъ источникѣ по занимающему насъ вопросу мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Перечисливъ всѣ дворы въ погостѣ Абалакѣ, что въ 20 верстахъ отъ города, деревни за рѣчкою Шанталыцкою, по Сибирской дорогѣ, деревни Подчуваши, на Саусканѣ и за р. Иртышемъ, составители дозорной книги сообщаютъ: „*На старой Сибирь, въ Черной деревнѣ, дворъ иноземецъ нѣмчинъ Сава Французенинъ, пашни паханые середніе земли 18 чети да перелогу 10 чети въ полѣ, а въ дву потому же; сѣна косить въ Яболацкомъ лугу 100 копенъ, да въ дубровѣ 100 копенъ же. У Савы же половникъ Исачко Олексіевъ, у него два сына*“

«Обозрѣніи столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа». Часть I. Москва. 1895 г., ст. 301—304. Оттискъ изъ «Чтеній въ Импер. Общ. Исторіи и Древн. Россійс.» 1895 г., книги II.

¹⁾ Проф. Буцинскій: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ». Харьковъ. 1883 г., стр. 200 и 209.

(листъ 79 на оборотѣ и 80-й)..... „Деревня монастырская же на старой Сибири, дворъ половникъ Ивашо Казанецъ съ женою; пашни паханыя середніе земли 4 десятины въ полѣ, а въ дву потому же.... Дворъ половникъ Добрынка Микитинъ, пашни.... 2 десятины въ полѣ.... Дворъ бобыль Ивашо Костеря.....“ (листы 125 на оборотѣ—126) ¹⁾.

Остановимся на этихъ важныхъ показаніяхъ дозорной книги 1623 года. Какъ видимъ, чрезъ 40 лѣтъ послѣ взятія Ермакомъ столицы Кучума, на ея мѣстѣ стояло двѣ русскихъ деревни—Черная и Тобольскаго Успенскаго монастыря. Въ первой указанъ только одинъ дворъ самого составителя дозорной книги Саввы Французенипа, а во второй 3 двора. Всѣ дворы опредѣленно показаны „на старой Сибири“; всѣ они имѣли при себѣ пашню, перелогъ или землю непаханую и по нѣскольку головъ скота. Словомъ, на мѣстѣ укрѣпленнаго города Кучума, чрезъ 35 лѣтъ послѣ окончательнаго его разрушенія, мы видимъ обыкновенное крестьянское хозяйство. Очевидно, прежній татарскій городъ или, правильнѣе, юртъ

¹⁾ Въ той же дозорной книгѣ 1623 г. между прочимъ читаемъ: «На рѣчкѣ Башнашѣ деревня, а въ ней дворъ—голова конныхъ казаковъ Гроза Ивановъ.... Деревня монастырскія: дер. на Вагайскомъ острову. Дворъ Успенскаго монастыря (въ Тобольскѣ)—старцы Лаврентій да Панфиль.... А далъ тое деревню за вкладъ нѣмчинъ Сава Французенинъ» (листъ 123 на обор.). «Деревня надъ Вагайскимъ озеромъ на лугу—Задняя. Дворъ половникъ Ермачко съ женою.... Пашни паханыя средніе земли въ дубровѣ и у Ермаковы перекопи на лугу 3 десятины въ полѣ.... И всего на Вагай монастырскихъ 5 деревень, пашни паханыя средніе земли 25 десятины.... да непаханыя дубровныя и луговые земли.... съ приѣзду отъ Куларова городища.... въ лугъ до Ермаковскіе перекопи по смѣтѣ пол-третьи версты, а отъ Ермаковы перекопи... до Задніе деревни и чрезъ островъ до Савинскіе деревни—три версты» (листы 124—126). Большинство географическихъ названій показано и въ «Чертежной книгѣ Сибири» Семена Ремезова 1701 года. Послѣ этого едва ли можно сомнѣваться въ существованіи Ермаковой перекопи, какъ дѣлаетъ П. А. Словцовъ на первой же страницѣ своего «Историческаго обзоренія Сибири»? Вообще дозорная книга 1623 г. заслуживаетъ полнаго довѣрія.

былъ сравненъ съ землею руками русскихъ завоевателей вскорѣ же по вторичномъ занятіи его и совершенномъ изгнаніи прежнихъ владѣльцевъ. Суда по количеству пашни и перелога при перечисленныхъ въ книгѣ дворахъ, площадь „старой Сибири“ была значительно больше противъ той, какую указываютъ послѣдующіе источники. Вѣроятно, въ татарскую эпоху Кучумово городище со стороны рѣки было укрѣплено хворостомъ и инымъ простымъ матеріаломъ вродѣ нашихъ старинныхъ „городень“, т. е. бревенчатыхъ двойныхъ стѣнъ съ насыпанными между нихъ землею и камнемъ. Какъ бы ни были просты и первобытны такія укрѣпленія, но они могли защищать городъ и отъ дѣйствія непріятельскихъ орудій, и отъ разрушеній Иртыша-землероя во время весеннихъ его половодій. Но завоевателямъ не стоило большихъ усилій уничтожить подобныя укрѣпленія въ тѣхъ видахъ, чтобы они опять не сослужили когда-либо службы татарамъ и снова не послужили оплотомъ для нихъ противъ самихъ же русскихъ. Припомнимъ, что по смерти Ермака въ 1585 г., Искеръ опять былъ занятъ татарами — сначала сыномъ Кучума Алеемъ, а потомъ побѣдившимъ его Сейдякомъ Бекбулатовичемъ ¹⁾. Это обстоятельство и заставило воеводу Чулкова, для упроченія русской власти въ краѣ, въ 1587 г. положить основаніе новому русскому городу Тобольску. Сейдякъ хотѣлъ было взять приступомъ этотъ городъ, но самъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ ²⁾. Послѣ такого урока русскіе рѣшили немедленно уничтожить всѣ укрѣпленія Искера ради собственной безопасности на будущее время. По всѣмъ даннымъ, это разрушеніе бывшей столицы Кучума и затѣмъ Сейдяка произошло около 1590 года.

Болѣе 50 лѣтъ прошло послѣ дозора въ 1623 г. исчезнувшаго Искера на Иртышѣ, и нашъ посланникъ въ Китай

¹⁾ Моя «Пермская Старина», вып. V, стр. 203—204.

²⁾ Тоже изданіе, вып. VI, стр. 39.

Николай Спаарій; какъ мы видѣли, уже не нашель здѣсь ни одного двора, а только „мѣсто пусто“, да шанцы или земляныя сооруженія отъ бывшей нѣкогда крѣпости и татарскую мечеть въ качествѣ единственнаго деревяннаго сооруженія на всей площади городка. Когда построена здѣсь мечеть—неизвѣстно ¹⁾. Не знаемъ также, почему не стало здѣсь прежнихъ дворовъ. Вѣроятно, они смыты Иртышемъ при постоянныхъ обвалахъ стараго городища, площадь котораго постепенно уменьшалась.

Черезъ 70 лѣтъ послѣ Спаарія историкъ Сибири Миллеръ не нашель здѣсь и послѣдней деревянной постройки—татарской мечети. Даже земляныя укрѣпленія къ тому времени стали не столь явственны отъ разрушительнаго дѣйствія на нихъ какъ самой природы, такъ и рукъ человѣческихъ. Поверхность Кучумова городища Миллеръ описываетъ такъ: „На нѣкоторыхъ мѣстахъ валы и рвы за многопрошедшимъ временемъ такъ заросли, что нынѣ мало ихъ видно. . . . *Отъ дворовъ или отъ другою какого строенія никакихъ слѣдовъ болѣе не видно, какъ только что по разнымъ мѣстамъ отъ неровности земли разсуждать можно, что какое нибудь строеніе прежде тамъ находилось. Дворы по обыкновенію сибирскихъ татаръ построены были либо деревянныя, либо по бухарскому обыкновенію изъ нежженныхъ кирпичей, потому что съ того времени вовсе пропали. Нѣкоторыя мѣста предъ другими глубже, которыя можетъ быть вмѣсто погребовъ служили.* Въ послѣднія времена окольные Россійскіе жители, ищущіи заопанныхъ въ землѣ пожитковъ, *вездѣ глубокія ямы копаютъ, изъ которыхъ нѣкоторые не даромъ трудились*“.

¹⁾ Спаарій въ 1675 г. писалъ, что тобольскіе татары «обновили прежь сего и нынѣ обновляютъ эту мечеть».

Таковы были судьбы „старой Сибири“ Кучума въ теченіе двухъ первыхъ столѣтій послѣ покоренія Кучумова царства русскимъ оружіемъ. Теперь, надѣмся, читателю стало ясно, почему отъ нѣкогда извѣстнаго во всей Сибири города на Иртышѣ, служившаго столицей когда то грозныхъ Шейбанидовъ и считавшагося неприступной крѣпостью, не осталось ничего кромѣ пустого городища съ едва замѣтными земляными укрѣпленіями. Только громкое историческое прошлое Искера привлекало сюда отъ времени до времени любознательныхъ путешественниковъ, которымъ описывать однако было нечего; имъ оставалось разочаровываться видомъ пустынной возвышенности, не представлявшей ничего привлекательнаго. Только историческими воспоминаніями до сихъ поръ подкупаетъ эта мѣстность заѣзжаго человѣка; ими же больше восхищаются и мѣстные любители старины. Приведемъ теперь нѣсколько позднѣйшихъ свидѣтельствъ о Кучумовѣ городищѣ, не восходящихъ ранѣе 20-хъ годовъ нашего вѣка.

Въ 1826 г. Кучумово городище посѣтилъ извѣстный историкъ Сибири П. А. Словцовъ, посвятившій первую часть своего „Историческаго обзорѣнія Сибири“ достопамятному имени своего предшественника на томъ же поприщѣ, Гедарда Фридриха Миллера, по отношенію къ которому Фишеръ, авторъ „Сибирской исторіи“, былъ только компиляторомъ. Впечатлѣнія этого посѣщенія Искера *П. А. Словцовъ* изложилъ въ своихъ „Письмахъ изъ Сибири 1826 года“ (письмо отъ 1 іюля), посвященныхъ „Казанскому обществу любителей Россійской словесности“¹⁾). Для образца приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ письма отъ 1 іюля 1826 г.

„Теряясь въ прелестяхъ зрѣнія, я стоялъ почти неподвижно на крутоарѣ, на той исторической падени земли, гдѣ въ низложеніи сильнѣйшаго владѣтеля завоевана вся Сибирь,

¹⁾ Изданы особою книгою, нынѣ очень рѣдкою, подъ тѣмъ же заглавіемъ «Писемъ» въ 1828 году. Вторично изданы, по случаю 50-лѣтія со дня смерти П. А. Словцова, въ «Календарѣ Тобольской губерніи на 1893 г.».

гдѣ было державное стойбище Кучума, словомъ, я стоялъ въ Искерѣ. Искеръ не Пантикапей, не Пальмира; я стоялъ не на гордыхъ развалинахъ, но на развѣянномъ пепелищѣ куреня, который пересталъ дымиться. Все вспыхнуло въ памяти: и то, какъ повѣряя старыя описанія академиковъ, мы шагами исчисляли длину и ширину Кучумовой столицы, и то, какъ по сравненію нашей мѣры *площадь столицы уже убавилась отъ осытей*, и то, какъ мы свидѣтельствовали поросшіе травой слѣды рва и вала съ сѣверной стороны ¹⁾. Татара окрестныхъ юртъ, чрезъ 3 или 4 года, въ срединѣ лѣта, постоянно (sic!) стекаются на Искеръ въ торжественномъ видѣ совершать поминовеніе по Кучумѣ“.

Вотъ все существенное, что можно найти въ письмѣ *И. А. Словоцова* по интересующему насъ вопросу. Прочее содержаніе составляютъ риторическія украшенія, бесполезныя для дѣла. Обратимся теперь къ болѣе обстоятельному, но не менѣе витіеватому описанію другого тобольскаго любителя старины, *М. С. Знаменскаго*. На его брошюру „Искеръ“ 1891 года мы указывали въ самомъ началѣ нашей статьи. *М. С. Знаменскій*, въ бытность преподавателемъ Тобольской духовной семинаріи, много разъ производилъ раскопки на мѣстѣ стараго Искера. Мы видѣли, что еще *Миллеръ* свидѣтельствовалъ о кладоискателяхъ на этомъ мѣстѣ, которые „вездѣ глубокия ямы покопали“ и нѣкоторые трудились не напрасно. *Знаменскій* искалъ, конечно, не кладовъ, а остатковъ прежнихъ обитателей городища; его цѣль была археологическая. И нужно сказать, что его поиски были довольно удачны. Онъ составилъ въ теченіе многихъ лѣтъ довольно богатую коллекцію древностей въ г. Тобольскѣ—преимущественно изъ собственныхъ находокъ, относящихся къ 1880-мъ годамъ. Онъ извлекъ много предметовъ древности (остатки домашней об-

¹⁾ Отсюда ясно, что *П. А. Словоцовъ* неоднократно бывалъ на мѣстѣ Искера. Академикъ *Миллеръ* и затѣмъ *Фишеръ* были здѣсь ранѣе его лѣтъ на 75; на нихъ то онъ и ссылается.

становки, посуды, одежды и ея украшеній, земледѣльческихъ орудій, древняго оружія и т. д.) не только изъ *Кучумова городища*, но и другихъ окрестныхъ, исторически достопримѣчательныхъ, мѣстъ вблизи Тобольска, каковы: *Чувашскій мысъ* на правомъ берегу Иртыша, въ 3 верстахъ выше Тобольска, гдѣ было во времена Кучума сильное укрѣпленіе, павшее подъ ударами дружины Ермака; *Сузунъ* въ 7 верстахъ отъ Тобольска, также на возвышенномъ мысу праваго берега Иртыша; *Панинъ буръ*, что при Кучумѣ былъ городокъ Бичивъ-тура, нынѣ вошедшій въ черту самаго Тобольска и т. д. Въ 1893 г. эти мѣста посѣтилъ финляндскій археологъ *А. К. Гейкель*, сдѣлавшій нѣсколько новыхъ находокъ и описавшій и коллекцію Знаменскаго, съ приложеніемъ многихъ рисунковъ древнихъ вещей ¹⁾. Еще раньше *В. М. Флоринскій* сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о той же коллекціи въ своемъ массивномъ каталогѣ музея Томскаго университета. Изъ всего сказаннаго видимъ, что окрестности Тобольска въ послѣднее время были предметомъ тщательныхъ археологическихъ изслѣдованій, которыя для эпохи Кучума и Ермака не дали, однако, какихъ либо замѣчательныхъ открытій. Посмотримъ, какъ же описываетъ Кучумово городище археологъ *М. С. Знаменскій*. Мы позволимъ себѣ привести изъ его малоизвѣстной брошюры опять наиболѣе существенныя мѣста, посвященныя описанію мѣстности древняго Искера.

„300 лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ пало Кучумово царство, и отъ холма, на которомъ была его столица, едва ли осталась и четверть. На имѣющемся у меня планѣ. снятомъ 60 лѣтъ назадъ, уже нѣтъ многого: курганъ, по всей вѣроятности, бывший въ срединѣ города и означенный на картѣ на самомъ обрывѣ, теперь уже не существуетъ; ямы, означенныя въ 15 сажняхъ отъ обрыва, въ настоящее время

¹⁾ См. «Memoires de la Société Finno-Ougrienne», vol. VI. Helsingfors. 1894. Статя Axel Heikel: «Antiquités de la Sibirie Occidentale», pag. 29 — 31 et cet.

на самомъ краю его; пройдетъ еще немного лѣтъ — и этотъ холмъ будетъ существовать только въ преданіи, на планахъ да фотографіяхъ“.

Остановимся на этихъ важныхъ показаніяхъ Знаменскаго. Изъ дальнѣйшаго изложенія его видно, что онъ сперва былъ на городищѣ въ 1880 г. и въ послѣдній разъ въ 1890 году, чѣмъ точно обозначается время наблюдений автора. Въ числѣ 5-ти фотографій, приложенныхъ къ книгѣ, есть и фотографическое изображеніе плана Искера, составленнаго, по замѣчанію автора, въ 1820 годахъ. На планѣ не было подписи составителя, но мы едва ли ошибемся, предположивъ, что планъ былъ составленъ или самимъ историкомъ П. А. Словцовымъ, который, какъ мы видѣли, тщательно изучалъ именно въ 1820 годахъ топографію стараго Искера, или, по крайней мѣрѣ, по его заказу. Къ сожалѣнію, въ бытность въ Тобольскѣ въ 1894 г., я уже не могъ видѣть этого любопытнаго плана, не заставъ въ живыхъ и М. С. Знаменскаго.

Итакъ, въ теченіе 60 лѣтъ, протекшихъ со времени П. А. Словцова, прежній процессъ разрушенія Кучумова городища со стороны Иртыша безостановочно продолжался, унесъ въ волнахъ могучей рѣки опять болѣе 10 сажень обрывистаго историческаго „стойбища“ Кучума, по выраженію Словцова. Поэтому можно согласиться съ М. С. Знаменскимъ, что чрезъ нѣкоторое время отъ городища останется только одно преданіе: оно будетъ рано или поздно окончательно смыто Иртышемъ. Какъ же описываетъ Знаменскій эту возвышенность съ трехъ другихъ сторонъ?

„При первомъ посѣщеніи, продолжаетъ онъ, этотъ холмъ ничѣмъ не отличается отъ множества подобныхъ ему, въ окрестностяхъ Тобольска сооруженныхъ самой природой; но пробывъ тутъ дня два—три, ориентироваться и ясно видишь дѣло рукъ человѣческихъ: *въ 45 саженномъ оврагѣ различаемъ и ровы, и валы, и искусственный путь къ р. Сибиркѣ и легендарному колодезю, и дѣлаются понятными бревна, торчащія въ обрывистой стѣнѣ холма“*.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ этого описанія 24 іюля 1894 г. я лично убѣдился въ справедливости словъ покойнаго Знаменскаго. За столь незначительный промежутокъ времени вѣтшій видъ холма, конечно, почти не измѣнился. Бревна, о которыхъ говоритъ Знаменскій, и даютъ мнѣ поводъ думать, что крѣпость стараго Искера состояла изъ деревянныхъ двойныхъ стѣнъ съ насыпанною между нихъ землею и камнемъ. Таки строились въ XVI и еще XVII вѣкахъ и укрѣпленія въ русскихъ городахъ ¹⁾. Другой, конечно, вопросъ: кто у кого учился правиламъ тогдашней фортификаціи — татары у русскихъ или наоборотъ? Очень слабыя слѣды рововъ и валовъ со стороны городища, обращенной къ Тобольску, замѣтили и мы. Я былъ на Искерѣ съ двумя тобольскими старожилами: учителемъ мужской гимназіи И. П. Львовымъ и И. Н. Бутановымъ, которые многократно бывали здѣсь и обратили мое вниманіе на все, достойное примѣчанія. Только высота обрыва ими опредѣляется въ 32 сажени, а не въ 45, какъ дѣлаетъ Знаменскій ²⁾.

Описаніе верхней площади Кучумова городища опять приводимъ словами нашего предшественника М. С. Знаменскаго. „Скользя по заросшему польню и клубничникомъ склону, не безъ труда поднялись мы на городище, заросшее дикорастущими травами, — ширь панорамы, разстилающаяся подъ ногами, кружить голову, и съ невольнымъ страхомъ держишься подалѣе отъ края обрыва. Длина холма не болѣе 120 сажень, заканчивается острымъ мысомъ. Поддавшись царящей здѣсь тишинѣ, молча, какъ по кладбищу, прошли мы это мѣсто, путаясь въ травѣ и обходя жилища муравьевъ,

¹⁾ Подробное описаніе, на основаніи писцовыхъ книгъ, древнихъ укрѣпленій великопермскихъ городовъ Чердыни (Пермь Великая тоже) и Соликамска (тогда Усолье Камское) можно видѣть въ моей «Пермской Старинѣ», вып. III, стр. 26—30 и 137—139. О древнемъ Верхотурьѣ см. тамъ же, вып. VII, стр. 40—43.

²⁾ Знаменскій считалъ высоту, вѣроятно, отъ уровня Иртыша, а мои спутники — отъ подошвы горы, откуда и произошло разнорѣчіе.

единственнѣхъ современныхъ обитателей бывшей столицы“... Сдѣлавъ затѣмъ измѣреніе городища въ самомъ широкомъ его мѣстѣ, Знаменскій далѣ замѣчаетъ: „Миллеръ 160 лѣтъ тому назадъ нашелъ здѣсь 50 сажень; на планѣ 20-хъ годовъ обозначено 40, а мы нашли только 15“—(см. стран. 10 брошюры).

Такимъ образомъ нынѣшнее городище имѣетъ форму продолговатаго мыса въ 120 сажень длины и 15 ширины, обращеннаго вершиной къ югу, къ устью Сибирки, а основаніемъ прилегающаго на сѣверѣ къ сосѣднимъ возвышенностямъ, отъ которыхъ городище отдѣляется однако довольно глубокой впадиной, гдѣ въ старыя времена былъ ровъ, соединявшій Сибирку съ Иртышемъ. Иртышъ постепенно смываетъ этотъ мысъ съ сѣверо-западной стороны, измѣняя и его внѣшнее очертаніе. Къ тому, что связано въ приведенномъ сейчасъ описаніи верхней площади городища, мнѣ остается прибавить немного: со времени археологическихъ раскопокъ въ 1880-хъ годахъ на восточной сторонѣ городища появились траншеи М. С. Знаменскаго, которыхъ не было до тѣхъ поръ. Финляндскій ученый А. Гейкель раскопокъ на Искерѣ, кажется, не производилъ. Я былъ здѣсь чрезъ годъ послѣ него и не видѣлъ слѣдовъ свѣжихъ раскопокъ, на которые и мои спутники обратили бы мое вниманіе. Гейкель познакомился съ древностями Искера по коллекціи Знаменскаго и каталогу Флоринскаго.

Остается обратить вниманіе еще на колодезь на южной подошвѣ городища, близъ самой Сибирки, куда мы спускались, чтобы съ этой стороны полюбоваться картиной Искера. Спускъ къ колодцу особенно затруднителенъ по своей крутизнѣ, не говоря уже объ обратномъ подъемѣ. По словамъ Знаменскаго, этотъ колодезь нѣкоторые считаютъ устьемъ стараго подземнаго хода, куда будто бы спасавшійся бѣгствомъ Кучумъ скрылъ свои богатства. Это преданіе опять побуждало нѣкоторыхъ любителей легкой наживы копать и въ самомъ колодцѣ, срубивъ защищавшія его деревья, и около него, что

естественно повело въ засоренію его. Между тѣмъ въ началѣ 1880-хъ годовъ Знаменскій еще видѣлъ прекрасно сохранившуюся овладку володца изъ толстѣхъ досокъ лиственницы.

Такъ миновали для Искера 300 лѣтъ, протекшія со времени занятія его Русскими. Четвертое столѣтіе съ того момента можетъ уничтожить послѣдніе остатки этого историческаго холма. На обязанности археологовъ лежитъ сохранить для науки все, что еще заслуживаетъ ея вниманія и пока не исчезло безслѣдно и невозвратно въ потокъ всеокрушающаго времени.

А. Дмитриевъ.

Описание одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Публичному Музею гор. Минусинска Енисейской губерніи, и нѣсколько словъ о металлическихъ зеркалахъ, описанныхъ другими.

Когда я былъ лѣтомъ 1899 года въ Минусинскомъ Публичномъ Музеѣ и осматривалъ его древности, мое вниманіе привлекло особенно одно металлическое зеркало, о которомъ Д. А. Клеменць въ сочиненіи, названномъ „Древности Минусинскаго Музея“ (Томскъ, 1886) на страницѣ 129-ой подъ № 15-мъ говоритъ такъ:

„Зеркало круглое, изъ бѣлаго металла. Арабскія буквы расположены вдоль ободка. Внутри изображеніе охотника на конѣ съ соколомъ въ рукахъ. Найдено у Кышпей. Диаметръ: 10“.

Такъ какъ на картѣ Енисейской губерніи, составленной въ 1889 году въ Енисейской Губернской Чертежной и по распоряженію В. Булатова напечатанной въ томъ же году въ литографіи П. С. Смирнова въ гор. Красноярскѣ, значатся 2 деревни (Кышпінская и Старо-Кышпінская), находящіяся на сѣверо-востокъ отъ гор. Минусинска, то я обратился къ почтенному основателю музея Н. М. Мартянову съ просьбою дать мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія о мѣстѣ, гдѣ найдено зеркало, упоминаемое Д. А. Клеменцомъ подъ № 15-мъ. Н. М. Мартяновъ былъ настолько любезенъ, что при письмѣ отъ 19 сентября 1899 года изъ г. Минусинска прислалъ мнѣ не только болѣе точныя свѣдѣнія о мѣстѣ, гдѣ было найдено зеркало, но и самое зеркало.

„Зеркало, пишетъ Н. М. Мартыновъ, найдено на пашнѣ около села Старья Кныши Тесинской волости Минусинскаго округа въ 1884-мъ году“.

Зеркало не рѣзное, а литое, и потому та сторона его, которая украшена рисунками и буквами, вышла не очень чисто, тѣмъ не менѣе на ней можно разобрать почти все, что сохранилось въ цѣлости. Край зеркала, содержащій часть буквъ, и, можетъ быть, еще ручку, къ крайнему сожалѣнію, отломленъ и его недостаетъ вовсе.

Составъ зеркала значительно разнится отъ состава болгарскихъ зеркалъ: главная составная часть его—мѣдь. Составъ зеркала Д. А. Клеменць именуется бѣлымъ металломъ.

Вѣсу зеркало имѣетъ 10 $\frac{1}{2}$ лотовъ.

Размѣры его и изображенія—слѣдующіе:

Діаметръ всего зеркала — 10 сантиметровъ. Украшенія зеркала помѣщены въ 3 концентрическихъ кругахъ: въ самомъ внутреннемъ кругѣ, имѣющемъ діаметръ въ 5 $\frac{1}{10}$ сантиметра, находится выпуклое изображеніе всадника, сидящаго верхомъ на обузданномъ конѣ, ѣдущаго вправо и держащаго въ одной рукѣ какую-то ловчую птицу, которую Д. А. Клеменць называетъ соколомъ. Слева всадника, надъ задомъ коня, виднѣется какое-то животное съ пушистымъ хвостомъ, быть можетъ, лисица. Рядомъ со всадникомъ по землѣ, съ правой его стороны, бѣжитъ охотничья собака. Свободныя отъ этихъ изображеній поля заполнены изображеніемъ зелени. Пространство между самымъ внѣшнимъ кругомъ и среднимъ, имѣющее ширины $\frac{4}{15}$ сантиметра, занято арабскою надписью почерка „наскъ“. Такъ какъ концы буквъ этой надписи: ρ (м)— ε (у)— ζ (р) не могли быть помѣщены подъ строкою, ибо низъ строки занять окружностью средняго круга, то эти концы въ видѣ завиточковъ загнуты вверхъ. Промежутки между окружностями средняго и внутренняго круговъ заполнены 49 крупными выпуклыми точками.

Не желая ограничиваться краткимъ, скуднымъ описаніемъ Минусинскаго зеркала, я обратился съ просьбою дать

болѣе точное научное описаніе его, чѣмъ то, которое могу сдѣлать я, къ дѣйствительному члену нашего Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, директору университетскаго Музея Изыщныхъ Искусствъ и Древностей, проф. Д. В. Айналову, и онъ весьма любезно исполнилъ мою просьбу, давъ мнѣ не только прекрасное научное описаніе зеркала, но и снабдивъ это описаніе библиографическими данными. Вотъ что сообщилъ мнѣ Д. В. Айналовъ:

„Круглый бронзовый обломокъ представляетъ обычный типъ зеркалъ, наиболѣе типичный образецъ которыхъ, найденный въ Семирѣченской области, изданъ Толстымъ и Кондаковымъ въ III выпускѣ Русскихъ Древностей ¹⁾).

Украшеніе зеркала не отстываетъ отъ общепринятаго типа въ томъ отношеніи, что вокругъ зеркала идетъ надпись, а въ центрѣ находится медальонъ, обведенный бордюромъ, состоящимъ изъ двухъ полосовъ и ряда перловъ или зерни между ними. Эта зернь на данномъ зеркалѣ крупнѣе и посажена рѣже, чѣмъ на Семирѣченскомъ экземплярѣ.

Зеркало изготовлено посредствомъ штемпеля, а затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пройдено рѣзцомъ вглубь. Плохое тисненіе не во всѣхъ случаяхъ даетъ возможность опредѣлить детали и особенности композиціи.

Въ медальонѣ изображенъ всадникъ на конѣ во время охоты. Онъ держитъ сокола или кречета въ лѣвой рукѣ, под-

¹⁾ Русскія Древн. III, рис. 98. Другіе образцы подобнаго рода зеркалъ, ставшіе извѣстными за послѣднее время, см. въ «Матеріалы по Арх. Кавказа» вып. IV, стр. 126, табл. XLIII, съ изображеніемъ бѣгущихъ звѣрей и орнамента, но безъ надписи. Также «Труды VIII Арх. Съѣзда въ Москвѣ Москва». 1897, Т. IV, табл. LXXXVI, гдѣ издано 5 зеркалъ изъ собранія Х. И. Попова: два изъ нихъ съ надписями. № 38—съ изображ. животныхъ въ плетеніяхъ виноградной лозы;—вокругъ надпись. № 40—съ изображ. двухъ животныхъ съ тѣломъ пантеры, съ крыльями и въ коронахъ съ привѣсками (б. м., Борахъ по внѣшнему сильному сходству съ животнымъ, несущимъ Магомета на небо въ рукописи Пар. Нац. Библ. см. A. Pavet de Courteille, Mirâdj-Nâmeh, Paris, 1882, tabl. I), вокругъ—прекрасная надпись. № 41—съ двумя рыбами, плавающими поверхъ воды. № 37—три пантеры, идущія одна за другою. № 39—съ орнаментальными разводами.

нявъ его вверхъ, по обычаю соколиныхъ охотниковъ, чтобы дать возможность хищнику видѣть окрестность. Въ правой рукѣ онъ, очевидно, держалъ поводъ. На это указываетъ положеніе согнутой въ локтѣ руки, удерживающей поводъ скачущей лошади, но самой уздечки не видно, вслѣдствіе потертости памятника. На Семирѣченскомъ зеркалѣ всадникъ также держитъ поводъ правой рукой, а въ лѣвой имѣетъ копье, которымъ поражаетъ звѣря. Подъ всадникомъ—сѣдло и попона. О существованіи сѣдла можно догадываться лишь по выпуклости сзади всадника, аналогичной съ такой же выпуклостію у всадника на Семирѣченскомъ зеркалѣ, у всадника на прекрасномъ сассанидскомъ блюдѣ Императорскаго Эрмитажа ¹⁾, а также на одной бляхѣ или фаларѣ отъ конскаго убора изъ Сибири ²⁾ съ аналогичнымъ сюжетомъ охоты сассанидскаго царя на различныхъ животныхъ. На шеѣ коня видны двѣ врѣзанныя вглубь остріемъ линіи, обозначающія, очевидно, ошейникъ коня, какъ и у коней сассанидскихъ и персидскихъ всадниковъ ³⁾. Другая полоса, идущая близъ щеки, за ушами коня, представляетъ ремень узды, проходящій также по щежѣ и по переносицѣ коня. Всадникъ одѣтъ въ кафтанъ съ узкими рукавами. На головѣ у него островоночная шапка, что отличаетъ его фигуру отъ всадниковъ на сассанидскихъ блюдахъ, гдѣ обыкновенно изображаются царя. Всадникъ оборачиваетъ голову влѣво и глядитъ на животное, изображенное сзади него. По сторонамъ щежъ всадника замѣтны двѣ продолговатыхъ выпуклости, какъ-бы отъ высокаго воротника. Справа отъ головы, кромѣ того, видны еще какія-то плохо тисненныя выпуклости ⁴⁾. По сторонамъ коня видны листья какихъ-то растеній или кустарниковъ.

¹⁾ Русскія Древн. III, 83.

²⁾ Записки Имп. Рус. Арх. Общ. СПБ. 1895. Т. VII, табл. XXXII, 4.

³⁾ Русск. Древн. III, 78, 90.

⁴⁾ Вокругъ головы всадника можно предполагать нимбъ, а рядомъ—такъ называемыя «kosti» или ленты сассанидскаго всадническаго убора. Тис-

Лошадь дѣлаетъ скачекъ передними ногами, упираясь на заднія. Ниже, подъ лошадыю, изображена собака, также бѣгущая и поднимающая вверхъ голову, т. е. глядящая на всадника. Рядомъ съ этимъ ясно выраженнымъ движеніемъ всадника и его собаки, очень интересной является спокойная поза животнаго, изображеннаго сзади всадника. Это животное имѣетъ длинный, закручивающійся и, очевидно, пушистый хвостъ. Оно обращено въ сторону всадника и сидитъ на заднихъ лапахъ, упираясь на переднія. Ни одно сассанидское и персидское блюдо, ни одинъ изъ извѣстныхъ памятниковъ, родственныхъ по характеру и содержанію съ нашимъ зеркаломъ, не представляетъ сценъ охоты съ животными, спокойно сидящими. На указанной сибирской бляхѣ, близкой по стилю и содержанію къ одному сассанидскому блюду (Русск. Древн. III), сзади всадника изображенъ, какъ кажется, медвѣдь, но не въ сидячей позѣ, а ставшій на заднія лапы, а передними нападающій на всадника, который оборачивается, стрѣляя въ него изъ лука. Такимъ образомъ, поворотъ всадника къ звѣрю и поза самаго звѣря приведены въ ясную связь. Таковы и вообще различныя изображенія охотъ на указанныхъ блюдахъ и иныхъ сосудахъ. Если фигуры звѣрей являются во многихъ случаяхъ непропорціонально велики или малы, то это происходитъ отъ старанія занять ихъ изображеніями свободныя пространства. Въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, изготовитель штемпеля также имѣлъ въ виду занять остающееся сзади всадника довольно большое по своему размѣру пространство, и потому фигура животнаго, вышла велика сравнительно съ фигурой всадника. Но это обстоятельство, т. е. непропорціональная величина животнаго заставляеть предполагать, что рѣщику штемпеля не было надобности сокращать его фигуру, и потому можно связать это данное съ другимъ, именно, съ тѣмъ, что животное изображено сидящимъ какъ-бы на крупѣ

неніе, однако, слишкомъ плохо, чтобы можно было это утверждать съ полной увѣренностью.

коня и упирающимъ передніе лапы въ спину коня, обращеннымъ ко всаднику, который такъ же поворачиваетъ голову въ сторону животнаго. Можно было-бы думать, что это животное изображено сидящимъ, дѣйствительно, на крупѣ коня, если бы мы могли разобрать породу его. На двухъ блюдахъ изъ собраній Лихачева и графа Строганова въ Римѣ можно видѣть подобныя фигуры, сидящія сзади всадниковъ, ѣдущихъ на верблюдѣ или на конѣ. Въ одномъ случаѣ (на блюдѣ Лихачева) это—фигура женщины, въ другомъ обезьяна. На нашемъ зеркалѣ, судя по длинному, очевидно, пушистому хвосту, изображена лисица. Почему она сидитъ, почему собака не гонится за нею, если художникъ имѣлъ намѣреніе изобразить ее въ чашѣ кустарника и положеніе ея на крупѣ коня только кажущееся, — вопросъ, который я не могу рѣшить. Быть можетъ, это не лисица, а вторая собака, не нуждающаяся въ привязываніи къ торокамъ, что необходимо по отношенію къ затравленному звѣрю, а, быть можетъ, какое-либо другое животное. Во всякомъ случаѣ остаются въ силѣ слѣдующія данныя: 1) Всадникъ и собака скачутъ, 2) животное сидитъ, 3) оно изображено сзади всадника какъ бы сидящимъ на крупѣ коня, 4) собака всадника дружественно относится къ этому животному и не преслѣдуетъ его, а всадникъ обращается въ сторону этого животнаго и 5) оно сидитъ свободно, безъ привязи.

Находки другихъ подобныхъ зеркалъ могутъ пролить свѣтъ на всѣ эти данныя, если штемпель ихъ будетъ болѣе ясенъ.

Штемпель зеркала не отличается художественностью исполненія. Фигура коня непропорціональна. Голова ея и шея велики сравнительно съ крупомъ. Копыта очень крупны, а ноги толсты сравнительно съ ростомъ коня. Отсутствуетъ рѣзкій и опредѣленный стиль, который давалъ бы возможность отнести издѣліе къ какой-либо опредѣленной художественной средѣ. Однако, близость сходства вообще къ типамъ и сюжетамъ, любимымъ на востокѣ, по преимуществу Средней Азіи,

даютъ возможность относить зеркало къ востоку въ эпоху господства зрѣлаго византійскаго стиля XI, XII вѣковъ въ Малой и Средней Азій“.

Изображенное сзади всадника на крупѣ коня животное мы предположительно называемъ лисицей, ибо оно изображено съ толстымъ или пушистымъ хвостомъ. Такимъ же пушистымъ или толстымъ хвостомъ, по словамъ естествоиспытателей, обладаютъ и нѣкоторыя кошачьи породы. Такъ напр.: въ „La grande encyclopédie“¹⁾, изданной въ Парижѣ обществомъ ученыхъ, описано и изображено животное „Once“ (*felis uncia* или *irbis*=бабръ), снабженное толстымъ или пушистымъ хвостомъ. Въ этой энциклопедіи замѣчается, что *felis uncia* водится на плато центральной Азій, въ горахъ Гималайскихъ, въ Тибетѣ и распространено на всемъ протяженіи отъ юга Сибири до Амура. Въ „Настольномъ Энциклопедич. Словарѣ“ Граната-Гарбеля“²⁾ (Москва, 1894) въ 2 мѣстахъ говорится о ягуарѣ (*felis onca* и *felis leopardus*), имѣющемъ тоже пушистый или толстый хвостъ. Проф. И. Н. Березинъ въ своемъ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ замѣчаетъ, что на востокъ для охоты употребляются нѣкоторыя изъ кошачьихъ породъ, напр. гепарды. Венеціанскій путешественникъ XIII вѣка Марко Поло³⁾ говоритъ, что при дворѣ Великаго Хана Монгольскаго для охоты на разныхъ звѣрей держатъ леопардовъ, рысей и тигровъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ показаній вытекаетъ одно, что на востокъ для охоты употреблялись звѣри кошачьей породы. М. Поло говоритъ, что этихъ звѣрей возили въ влѣткахъ, поставленныхъ на телѣги. Какихъ же звѣрей кошачьей породы возили всадники на охоту, посадивъ ихъ съ собою на крупѣ коня? Изображенія зеркаль, указываемыхъ въ настоящей статьѣ Д. В. Айналовымъ и

¹⁾ Въ статьѣ «Chat», на стр. 873—874 тома X-го.

²⁾ На стр. 3728—3729 и 5326—5327 въ описаніи «пантерныхъ кошекъ».

³⁾ На стр. 259—260 русскаго перевода его «Путешествія», издавнаго Москв. Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1863 году.

мною, не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ. Обратимся къ изображеніямъ на восточныхъ вазахъ и посмотримъ, не дадутъ ли ихъ изображенія еще какого-нибудь разъясненія относительно животныхъ кошачьей породы, которыхъ всадники употребляли для охоты. Reinaud, описывавшій восточныя древности герцога de Blacas, въ одномъ мѣстѣ ¹⁾ говоритъ, что на востокѣ встрѣчаются также зеркала, на которыхъ изображенъ всадникъ, держащій въ рукѣ хищную ловчую птицу; но, гдѣ онъ видалъ зеркала съ такими изображеніями, указаній у него я не могъ найти. Въ другомъ мѣстѣ ²⁾, вслѣдъ за описаніемъ вазъ восточныхъ народовъ, снабженныхъ надписями добрыхъ пожеланій и изображеніями битвъ, охотъ съ хищными птицами и др. сценъ жизни, Рено говоритъ слѣдующее:

„На многихъ вазахъ изображается всадникъ—охотникъ, держащій въ рукѣ сокола или голубатника ³⁾. Такой способъ охоты очень часто употреблялся для ловли птицъ, кроликовъ, зайцевъ и на востокѣ существуетъ до-нынѣ. Соколовъ и голубятниковъ употребляютъ и для ловли журавлей и аистовъ. На сокола надѣваютъ колпачекъ; какъ только замѣчаютъ дичь, снимаютъ съ сокола колпачекъ, и онъ, устремившись на добычу, нападаетъ на нее и вылевываетъ ей глаза. Иногда соколъ, чтобы не дать себя замѣтить, высоко поднимается на воздухъ и нападаетъ уже сверху. На вазахъ нѣкоторые охотники представляются сидящими верхомъ на лошади и имѣющими сзади себя на крупѣ коня леопарда или скорѣе бобра ⁴⁾. Вдали виднѣется какая-то газель. Замѣтивъ ее, охотникъ обращаетъ на нее вниманіе сидящаго сзади леопарда, и это животное сгораетъ нетерпѣніемъ броситься на дичь. У восточныхъ народовъ охота съ хищными звѣрями (леопардами, боб-

¹⁾ На стр. 397 тома II-го книги «Monuments arabes, persans et turcs» (Парижъ, 1828).

²⁾ На стр. 425 тома II тѣхъ-же «Monuments».

³⁾ Falco peregrinus.

⁴⁾ Felis onca или felis leopardus.

рами, тиграми, пантерами) называется большою охотою. Тяжелыхъ животныхъ помѣщаютъ обыкновенно въ влѣткѣ, везомой на телѣгѣ ¹⁾; но на крупѣ коня можно возить только легкихъ животныхъ, именно леопарда и бабра въ собственномъ смыслѣ. У бабра глаза обыкновенно завязаны, какъ только охотникъ замѣчаетъ животное, онъ сейчасъ-же открываетъ глаза бабру, и бабръ, испустивъ легкій крикъ, набрасывается на свою добычу и перегрызаетъ ей горло. Бываютъ также охотники, сопровождаемые собаками; но такой способъ охоты на востокѣ менѣе употребителенъ, ибо собаки въ южной Азіи вообще очень рѣдки, да и соперничать имъ съ бабрами, леопардами, тиграми и пантерами совсѣмъ не возможно“.

Очень жаль, что Рено не говоритъ, у кого онъ видалъ такія вазы и зеркала, на которыхъ изображается всадникъ—охотникъ, и не даетъ самаго изображенія. Во всякомъ случаѣ, если положиться на его слова, можно съ увѣренностью сказать, что на Минусинскомъ зеркалѣ сзади всадника, на крупѣ коня, сидитъ *felis onca* (бабръ) или *felis leopardus* (леопардъ), у которыхъ и на самомъ дѣлѣ довольно солидный хвостъ. Но, повторю слова Д. В. Айдалова, окончательно выяснитъ это животное можетъ только металлическое зеркало съ совершенно отчетливымъ изображеніемъ.

Что же касается остальныхъ изображеній на Минусинскомъ зеркалѣ (сокола и собаки), то они не подлежатъ никакому сомнѣнію, ибо охота съ соколами и собаками съ древнихъ временъ существуетъ не только въ Европѣ (въ частности въ Россіи), но и въ Азіи: нынѣ въ Башкиріи и Оренбургскихъ степяхъ ²⁾, у киргизъ и туркменъ ³⁾, въ Китай-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ *Reinaud* основывается, надо думать, на словахъ Марко Поло.

²⁾ См. стр. 464—466 «Описанія Оренбург. губ.» В. М. Черемшанскаго (Уфа, 1859).

³⁾ См. стр. 3695 «Настольнаго Энциклопедич. Словаря» Граната-Гарбеля, въ статьѣ «Охота».

скомъ Туркестанѣ ¹⁾ и современной Персiи ²⁾.

На зеркалѣ полностью сохранилось лишь изображенiе, помѣщенное во внутреннемъ, центральномъ, кругѣ. Что-же касается арабской надписи, то она заключаетъ въ себѣ добрыя пожеланiя владѣльцу зеркала, какъ и надписи зеркалъ, которыя неоднократно были находимы и у насъ въ Россiи, и въ другихъ странахъ. Часть надписи Минусинскаго зеркала, сохранившуюся вполнѣ, я читаю такъ:

الْعَزُّ الدَّائِمُ وَالْعُمُرُ السَّالِمُ وَالسَّلَامُ الْقَائِمُ وَالسَّعَا (دَةَ فِي الدَّارَيْنِ) لِسَاحِبِهِ

¹⁾ См. стр. 208—209 «Описанiя Чжунгарiи и Восточнаго Туркестана» Иакинѣа (СПБ. 1829), также стр. 157—158 «Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar» Robert Shaw (London, 1871).

²⁾ См. стр. 290 тома II «Путешествiя по востоку» И. Н. Березина (Казань, 1852).

По-русски эта арабская надпись гласитъ слѣдующее:

„Слава вѣчная, жизнь спокойная, благоденствіе прочное и блаженство въ обоихъ мірахъ) владѣльцу сего!“ Въ скобки я поставилъ тѣ слова, которыя на зеркалѣ отсутствуютъ, а должны были бы быть на обломѣ, здѣсь не имѣющемся. Эти слова я добавилъ гадательно лишь ввиду общаго смысла рѣчи и по аналогіи съ надписями зеркалъ, попадавшихся прежде.

Минусинское зеркало во всѣхъ отношеніяхъ отличается отъ другихъ, уже ранѣе изданныхъ зеркалъ.

Удовлетворяя желанію нѣкоторыхъ сочленовъ знать о прежнихъ изданіяхъ зеркалъ и знать отличія ихъ отъ Минусинскаго зеркала, сообщаю на основаніи книгъ, имѣвшихся лишь у меня подъ руками, слѣдующее:

1) Шведскій офицеръ Philipp Johann von Strahlenberg, сосланный Петромъ I въ гор. Тобольскъ, въ своей книгѣ, вышедшей 1730 года въ г. Стокгольмѣ подъ заглавіемъ „Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia“, помѣстилъ описаніе и рисунокъ мѣднаго зеркала, найденнаго у осышковъ. Описаніе и рисунокъ Страленбергова зеркала прекрасно переизданы дѣйствительнымъ членомъ нашего Общ. Арх., Ист. и Этногр., ориенталистомъ - академикомъ В. В. Радловымъ во II-мъ выпускѣ I тома „Сибирскихъ древностей“ (СПБ. 1891) въ „Матеріалахъ по археологіи Россіи“ № 5, издаваемыхъ Императорскою Археологическою Коммиссіей. На этомъ зеркалѣ имѣются изображенія бѣгущихъ другъ за другомъ вправо животныхъ (собакъ, оленя, тигра, зайца и др.) и арабская надпись съ добрыми пожеланіями владѣльцу зеркала, состоящая изъ однихъ существительныхъ, безъ прилагательныхъ. Эту арабскую надпись для Страленберга читалъ Лейпцигскій профессоръ восточныхъ языковъ Керъ (Kehr). Академикъ Френъ, не вполне соглашаясь съ дешифровкой Кера, на стр. 563 тома VIII „Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences“ (St. Pétersb. 1822) даетъ болѣе правильное чтеніе надписи Страленбергова зеркала, именно:

بركة ويمن وسرور وسعادة وكرامة وتنور (تبين) واستقامة وتأييد وتمكين
وسلطان وثناء وبتاء لصاحبه

Эти слова Френъ переводитъ такъ:

„Benedictio, et prosperitas, et laetitia, et beata sors, et honor, et . . . et status nullâ ex parte laborans (s. ex omni parte recte habens), et robur, et potentia, et imperium, et laus, et perennitas sint possessori hujus“.

2) Ориенталистъ А. I. Silvestre de Sacy въ сочиненіи, вышедшемъ 1793 года въ Парижѣ подъ заглавіемъ „Mémoires sur diverses antiquités de la Perse et sur les médailles des rois de la dynastie des Sassanides“, на стр. 223 и 423, описывая Кирманшахскія или Бисютунскія древности, приводитъ чтеніе куфической надписи на бронзовомъ зеркалѣ, котораго до него никто прочитатъ не могъ и которое англійскій путешественникъ Edward Ives видѣлъ у епископа Вавилонскаго Emmanuel de S. Albert'a. Надпись, прочитанная Сильвестромъ де Саси, ориенталистомъ J. Klaproth'омъ въ 1802 году во II-мъ томѣ его „Asiatisches Magazin“, напечатанномъ въ гор. Веймарѣ, на стр. 149-ой вновь была напечатана, безъ всякихъ перемѣнъ. Эта надпись заключаетъ въ себѣ добрыя пожеланія хозяину зеркала, состоящія также изъ отдѣльныхъ существительныхъ, но риѣмующія въ каждомъ четномъ словѣ. Арабская надпись бронзоваго Кирманшахскаго зеркала по чтенію Сильвестра де Саси представляется въ такомъ видѣ:

العز والبتا * والدولة والبها * والرفعة والثنا * والغبطة والعلا * والملك
والنما * والقدرة والا * لصاحبه هذا

По-латыни эта надпись переведена такъ:

„Gloria, longaevitas, opes, decus, celsitudo, laus, felicitas, sublimitas, regnum, augmentum, potentia et gratia mulieri cuius hoc est“.

Christoph Gottlieb von Murr въ своемъ сочиненіи „Beiträge zur Arabischen Litteratur“, вышедшемъ 1803 года въ г. Эрлянгенѣ, на стр. 36 и 37, повторяетъ арабскую надпись зеркала, о которомъ вышеупомянутый Ives говоритъ въ своихъ „Путешествіяхъ“ ¹⁾, и переводитъ её такъ:

„Ruhm, langes Leben, Herrschaft, Glanz, Erhebung, Preiss, Wohlseyn, Vermögen, Zuwachs, Macht und Güte sey seinem Besitzer auf ewig!“

Х. Г. Мурръ замѣчаетъ, что подобное-же зеркало можно видѣть въ „Путешествіяхъ“ Покровка ²⁾, но что надпись прочитана тамъ неправильно, между тѣмъ какъ она—такая-же самая.

Зеркало съ такою-же почти надписью, которую издали Сильвестръ де Саси, Мурръ и Покровка, было представлено для изданія Казанскою Духовною Академіею ориенталисту С. М. Fraehn'у. Зеркало это было изъ сплава, въ составъ котораго входила мѣдь; найдено было оно въ мусорѣ развалинъ города Биляра. С. М. Fraehn въ 1822-мъ году въ VIII томѣ „Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.—Petersbourg“ помѣстилъ и чтеніе надписи, писанной куфическими буквами, и изображеніе самаго зеркала. Зеркало это такъ же, какъ и всѣ предыдущія, круглое, но съ ручкою и изображеніемъ двухъ львовъ съ человѣчьими лицами. Чтеніе арабской надписи на Билярскомъ зеркалѣ и переводъ ея Френтъ даетъ въ слѣдующемъ видѣ:

Gloria et perennitas	العزِّ والبقاء
et felicitas et splendor	والسعادة والجلال
et celsitudo et laus	والرفعة والثناء
et fortunatissima conditio et altitudo	والحظوة والعلا

¹⁾ Часть II, стр. 124, литер. E.

²⁾ На таблицѣ LVIII, стр. 293.

et imperium et opum incrementum

et potentia et beneficia divina

possessori hujus in perpetuum (sunto).

وَاللُّبُكُ وَالنَّمَاءُ

وَالْقُدْرَةُ وَالْأَلَاءُ

لصاحبه أبداً

Reinaud во II томѣ книги „Monuments arabes, persans et turcs“, вышедшемъ 1828 года въ Парижѣ, на табл. VIII въ естественную величину изобразилъ одно зеркало, принадлежащее герцогу de Blacas и во всемъ сходное съ Биларскимъ зеркаломъ Казанской Духовной Академіи, но не имѣющее лишь ручки ¹⁾). Рено говоритъ, что одно зеркало опубликовалъ по-итальянски также Ottavio Castiglioni въ „Описаніи Миланскаго Музея“, напечатанномъ 1819 года въ г. Миланѣ.—Въ томъ-же томѣ „Monuments“, на стр. 397 и на таблицѣ IX въ $\frac{1}{3}$, естеств. величины, описано и помѣщено другое зеркало, принадлежащее тому-же герцогу de Blacas. На этомъ зеркалѣ изображены бѣгущіе влѣво другъ за другомъ левъ, заяцъ, кроликъ и собака. Кругомъ идетъ арабская надпись, состоящая изъ однихъ существительныхъ и представленная у Рено въ такомъ видѣ:

بركة وامن وسرور وسعادة وسلامة وعلو وعافية وتأييد وتقدير ونصر
واستقامة وبقا لصاحبه

„Bénédiction, bonheur, foie, prospérité, salut, exaltation, santé, force, puissance, secours, droiture et longue vie au propriétaire!“

Вслѣдъ за этимъ переводомъ Рено говоритъ: „il existe (d'autres miroirs) aussi représentant un homme à cheval, tenant un oiseau de proie sur le poing“. Весьма возможно, что

¹⁾ Самое описаніе помѣщено на стр. 394 и 395 «Monuments».

онъ говоритъ о такомъ именно зеркалѣ, какое нынѣ составляетъ собственность Минусинскаго Музея.

Зеркало съ такою же почти надписью, какъ Билярское, и съ изображеніемъ двухъ львовъ съ человѣчьими лицами и такого же приблизительно размѣра (въ діаметрѣ $2\frac{3}{8}$ вершка) я видѣлъ 4 и 5 іюня 1895 года въ селѣ Болгарахъ—Успенскомъ Спасскаго уѣзда Казан. губ. у крестьянина Трофима Рябова, который нашелъ его въ сентябрѣ 1894 года на пашвѣ у своего села подъ горой. Мое чтеніе зеркала, видѣннаго мною, помѣщено на стр. 35-ой XIII тома „Извѣстій“ нашего Общ. Археол., Ист. и Этн. Въ арабской надписи на зеркалѣ, найденномъ Рябовымъ, слова риемовали такъ же, какъ и на зеркалахъ изъ развалинъ Кирманшаха и Биляра:

العز والبقاء * والدولة والبهاء * والرفعة والثناء * والغبطة والعلاء *
والمك والنماء * والقدرة لصاحبه ابدًا

Въ русскомъ переводѣ эта надпись гласитъ слѣдующее:

„Слава и долговѣчность, счастье и величіе, сановитость и хвала, благоденствіе и честь, власть и богатство, и могущество владѣтелю сего (зеркала) во вѣки!“

3) Оріенталистъ Эрдманъ въ 1832 году въ № 5 „Заволжскаго Муравья“ за мартъ мѣсяць, на стр. 272—277 помѣстилъ статью „О восточныхъ зеркалахъ“, въ которой вновь приводитъ чтеніе двухъ надписей, сдѣланное Сильвестромъ де Саси и Страденбергомъ (точнѣе: Лейпцигскимъ оріенталистомъ Керомъ), и чтеніе одного зеркала, найденнаго однимъ крестьяниномъ у дер. Зеленовки Спасскаго уѣзда Казанской губ. Надпись этого зеркала состоитъ такъ же изъ отдѣльныхъ существительныхъ, какъ и предыдущія зеркала. Эрдманъ приводитъ и грубое подобіе зеркала, сдѣланное очень плохо. Арабскую надпись Зеленовскаго зеркала Эрдманъ прочиталъ и перевелъ такъ:

الرفعة والدولة والعزّ والالا والنّما والعقال والتنا والبها والملك
والبتا والقدره و لصاحبه

„Величіе и власть и блескъ и благословеніе Божіе и богатство и мудрость и хвала и отличіе и могущество и долготѣіе и сила и (да будутъ) владѣтельницѣ сего!“

Хотя чтеніе Эрдманово было довольно сомнительно, однако оно вмѣстѣ съ русскими переводами арабскихъ надписей другихъ зеркаль цѣликомъ, но безъ иллюстраціи и арабскихъ текстовъ, было напечатано еще разъ въ неофициальной части „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ за 1845-году, въ № 44, на стр. 403—406, въ статьѣ „О восточныхъ зеркалахъ“.

4) Въ IV томѣ „Записокъ“ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества археологъ П. В. Савельевъ напечаталъ описаніе двухъ металлическихъ зеркаль съ арабскими надписями, найденныхъ близъ развалинъ Болгаръ. На этихъ зеркалахъ стоятъ тѣ-же слова изъ отдѣльныхъ именъ существительныхъ, содержащихъ въ себѣ добрыя пожеланія владѣльцу зеркала, и тѣ-же изображенія двухъ львовъ съ человѣчьими головами, какъ и на предыдущихъ зеркалахъ.

5) Археологъ А. О. Лихачевъ въ статьѣ „Бытовые памятники Великой Булгаріи“, помѣщенной въ I выпускѣ „Трудовъ II археологическаго съѣзда“ (СПБ. 1876), подробно описываетъ какъ всѣ зеркала, бывшія у него подъ руками, такъ и зеркала, изданныя до него. Всѣ эти зеркала и по надписямъ, и изображеніямъ почти одинаковы. Кромѣ львовъ съ человѣчьими головами на зеркалахъ изображались рыбы, собаки, барсы, олени, зайцы, лисицы, кролики и разныя арабски. Общій обзоръ зеркаль, сдѣланный А. О. Лихачевымъ, вновь повторенъ С. М. Шпилевскимъ на стр. 263—266 книги „Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи“ (Казань, 1877).

6) Въ 1890-мъ году графъ И. Толстой и Н. Кондаковъ въ III выпускѣ „Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства“ на стр. 93 помѣстили прекрасный снимокъ съ одного бронзоваго зеркала, найденнаго въ Семирѣченской области. Это зеркало съ ручкой, арабской надписью и изображеніемъ ѣдущаго влѣво персидскаго всадника на конѣ, вооруженнаго копьемъ и окруженнаго звѣрями.

7) 7 октября 1898 года Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи удалось купить у крестьянина села Болгарь-Успенскаго Раимова зеркало, найденное имъ въ августѣ 1898 года вблизи упомянутаго села внутри вала на горѣ, на пашнѣ. Зеркало это было издано мною въ 1898 году въ XIV томѣ „Извѣстій“ Общ. Арх., Ист. и Этн. Отъ прежнихъ зеркалъ оно отличается тѣмъ, что, во-первыхъ, надпись на немъ состоитъ изъ связной рѣчи, а не изъ отдѣльныхъ существительныхъ, и, во-вторыхъ, у него нѣтъ ни ручки, ни какихъ-либо изображеній по срединѣ. Помѣщенная на немъ арабская надпись читается и переводится такъ:

الْعَزُّ الَّذِي (هُوَ) أَعَزُّ الْأَقْبَالِ لِلْأَمْرَاءِ الْأَعْرَاءِ لَكَ الْآخِرَةُ

„Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественныхъ начальниковъ, (да будетъ) тебѣ благодѣяніемъ будущей жизни!“

Такими представляются намъ надписи прежнихъ зеркалъ. Что же касается изображаемыхъ на многихъ изъ сихъ зеркалъ львовъ, снабженныхъ врыльями и человѣчьими головами, часто съ коронами на головахъ, разныя лица называютъ разно: мулами, сфинксами и львами, многія зовутъ ихъ „бораками“, т. е. райскими животными, на которыхъ по изволенію Божию ѣздили на небо Мухаммедъ и зять его Алій, четвертый халифъ. „Бораки“ изображаются у восточныхъ народовъ не только на зеркалахъ, но и на блюдахъ ¹⁾.

¹⁾ См. «Протоколъ Туркестанскаго Кружка Любителей Археологіи отъ 17 февраля 1897 года».

Обломки зеркаль и полныя зеркала съ надписями и изображеніями животныхъ имѣются также въ Казанскомъ Городскомъ Музеѣ и въ Музеѣ Общества Арх., Ист. и Этн., но ни по надписямъ, ни по изображеніямъ Минусинское зеркало съ ними не сходится; такимъ образомъ, оно является пока единственнымъ въ своемъ родѣ экземпляромъ. Такъ какъ всадники, ѣдущіе на охоту, изображались преимущественно на предметахъ домашняго обихода персовъ (на зеркалахъ, вазахъ, блюдахъ и бляхахъ), то есть нѣкоторое основаніе полагать, что и Минусинское зеркало изготовлено было въ мусульманской Персіи или Средней Азіи, попасть же оно въ верховья р. Енисея могло благодаря торговымъ сношеніямъ мусульманъ Средней Азіи съ Монголіей и Китаемъ.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что ни Минусинское зеркало, ни Болгарское зеркало, изданное мною въ 1898-мъ году, ни всѣ прежнія зеркала, изданныя другими лицами въ XVIII и XIX вѣкахъ, не имѣютъ на себѣ ни даты или мѣста производства, ни имени лица, которому то или другое зеркало было поднесимо; и потому вполне справедливо говорятъ нѣкоторые археологи, что зеркала съ благопожеланіями на арабскомъ языкѣ изготовлялись массами, вѣроятно, для всякой публики, а не для отдѣльныхъ лицъ. Наконецъ, Минусинское зеркало отъ зеркала, описаннаго мною въ 1898 году, отличается тѣмъ, что у мною описаннаго былъ высокій ободокъ, служившій для предохраненія зеркала отъ порчи, когда, глядясь въ него, клали его на обратную сторону, гдѣ были надписи и рисунки, а у Минусинскаго зеркала такого ободка нѣтъ. Зеркало, мною описанное, клали, вѣроятно, прямо на столъ. У Минусинскаго зеркала не видно ни отверстія по серединѣ для продѣванія шнура, чтобы носить зеркало у пояса, ни ушка у краю съ продольнымъ отверстиемъ для вѣшанія на стѣну; остается предположить, что или это зеркало носили въ карманѣ, или же у него была ручка, какъ у Билярскаго зеркала, описаннаго Френомъ, или

у Семирѣченскаго, изображеннаго въ книгѣ графа И. И. Толстого и проф. Н. П. Кондакова.

Въ заключеніе сердечно благодарю Н. М. Мартыанова за доставленіе мнѣ свѣдѣній о зеркалѣ, меня весьма заинтересовавшемъ, и за высылку самого зеркала, а Д. В. Айналова за весьма обстоятельное описаніе сего зеркала.

Н. Катановъ.

ХРОНИКА.

Древняя башня въ г. Арскѣ, Казанской губерніи.

Едва ли не единственной исторической и археологической достопримѣчательностью Арска, — теперь незначительнаго, заштатнаго города Казанской губерніи, но раньше игравшаго довольно видную роль въ исторіи татарской еще Казани, — является сильно разрушившаяся подъ дѣйствіемъ времени деревянная башня.

Разрушеніе достигло такой степени, что пройдетъ еще немного, и послѣдніе остатки башни исчезнутъ съ лица земли, если не будутъ приняты къ ихъ спасенію въ самомъ непродолжительномъ времени надлежащія мѣры.... Впрочемъ, прежде чѣмъ говорить о мѣрахъ къ поддержанію уцѣлѣвшей до нашихъ дней части башни, необходимо выяснитъ, какое назначеніе имѣла въ свое время эта башня, когда она, приблизительно, построена, выяснитъ, другими словами, ея археологическую цѣнность, которая обусловила бы принятіе мѣръ къ сохраненію ея остатковъ.

Рѣшеніе указанныхъ вопросовъ желательно и потому, что существующіе теперь на нихъ отвѣты и равнорѣчивы и, отчасти, неудовлетворительны ¹⁾.

¹⁾ Литература предмета приведена и разобрана въ извѣстномъ сочиненіи проф. С. М. Шпилевскаго — «Древніе города и другіе бугарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Каз. 1877 г., стр. 478—482; здѣсь, для полноты очерка, мы приведемъ ее вновь, присоединивъ статьи, пропущенныя проф. Шпилевскимъ:

М. Рыбушкинъ — Поѣздка въ Старую Казань. «Заволжскій Муравей», 1833 г. ч. III № 21, стр. 1181—1182.

Второвъ — Памятники древности въ Казанской губерніи. «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», ч. XXXVII 1840 г. № 8, стр. 214—217.

А. Артемьевъ — Арскъ. «Казанскія Губернскія Вѣдомости» 1847 г. № 10, стр. 136—137.

Однако, прежде чѣмъ приступать къ исполненію указанной выше программы, считаю необходимымъ обратить вниманіе Общества на специальное, если можно такъ выразиться, чисто мѣстное значеніе башни для города Арска, усиливающее значеніе ея, какъ памятника археологическаго, историческаго и архитектурнаго вообще. Дѣло въ томъ, что гербъ города Арска, по официальному его описанію, составляетъ «срубленная изъ дубоваго лѣса съ тремя башнями въ серебряномъ полѣ крѣпостца, каковая въ семъ городѣ въ самомъ дѣлѣ и понынѣ имѣется»¹⁾. Отъ деревянной «крѣпостцы», послужившей содержаніемъ для составляемаго нѣкогда герба г. Арска, въ наши дни сохранилась лишь часть одной башни; и эта небольшая часть ея должна быть дорога для мѣстныхъ жителей и, дѣйствительно, пользуется большими симпатіями у обывателей Арска, какъ у насъ, казанцевъ, пользовалось бы, безъ сомнѣнія, ими чучело змѣя Зиланта, если бы онъ не былъ существомъ мифическимъ.

Оставляя въ сторонѣ это обстоятельство, уже само по себѣ являющееся вполне достаточнымъ мотивомъ для спасенія остатковъ башни отъ

Свящ. Маловъ — Городище Старая Казань и г. Арскъ. «Записки Императорскаго Археологическаго Общества», т. V. СПБ. 1853 г., стр. 120—123 (отдѣл. II).

М. Лаптевъ — «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Казанская губернія». СПБ. 1861 г., стр. 610—611.

«Труды Казанскаго Губернскаго Статистическаго Комитета». Выпускъ I. Каз. 1869 г., стр. 87.

Преданіе объ Арской башенкѣ. «Каванскія Губернскія Вѣдомости» 1870 г. № 16, стр. 113.

Н. Э. Юшковъ — О древнихъ магометанскихъ могилахъ и другихъ историческихъ памятникахъ въ Казанской губерніи. «Протоколъ засѣданія отдѣла антропологіи и этнографіи Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 7 мая 1873 года», стр. 4—5.

И. А. Износковъ — Докладъ объ Арской башнѣ. Ibid., протоколъ 7 ноября 1873 года, стр. 3—5.

Извлеченіе изъ приходской лѣтописи Богоявленской церкви гор. Арска. «Извѣстія по Казанской епархіи» 1876 г. № 23, стр. 703—704.

¹⁾ П. С. З., XXI, № 15260 и относящаяся сюда «Книга чертежей и рисунковъ», л. 39. Изображеніе герба г. Арска см. въ недавно вышедшемъ превосходномъ изданіи фонъ-Винклера — «Гербы городовъ, губерній, областей и посадовъ Россійской Имперіи, внесенные въ Полное Собраніе Законовъ съ 1649 по 1900 годъ». СПБ. 1899 г., стр. 5. Описываемый гербъ изображенъ также, въ нѣсколько иномъ видѣ, на планѣ г. Арска, помѣщенномъ на рукописной картѣ Казанской губерніи XVIII вѣка, принадлежащей библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета (рукопись № 8231 б). Гербъ утверждень 18 октября 1781 года

дальнѣйшаго исчезновенія, обратимся къ рѣшенію поставленныхъ выше вопросовъ.

Когда построена Арская башня?

Мѣстныя преданія относятъ время ея построенія къ эпохѣ Іоанна Грознаго, считаютъ ее, слѣдовательно, современной водворенію русскаго владычества въ краѣ ¹⁾. Второвъ, хотя и не вполне утвердительно, допускаетъ возможность видѣть въ башнѣ одинъ изъ остатковъ отъ народовъ иноплемennныхъ, т. е. приурочиваетъ ея сооруженіе къ періоду, предшествовавшему появленію русскихъ въ нашей мѣстности; во всякомъ случаѣ, архитектура башни, по мнѣнію Второва, служитъ доказательствомъ глубокой древности ²⁾. Того же взгляда держится и Артемьевъ ³⁾. Одинъ лишь г. Юшковъ—незавѣстно, по какимъ соображеніямъ—считаетъ башню построенной при Петрѣ Великому, но не приводитъ никакихъ доказательствъ этого положенія, въ которомъ онъ, впрочемъ, и не увѣренъ ⁴⁾.

Сооружена была башня, по мнѣнію однихъ, для храненія оружія; по словамъ другихъ, для наблюденія за окружающей мѣстностью, т. е. она была сторожевою ⁵⁾.

Мнѣ кажется, что есть вполне достаточныя данныя для опредѣленія какъ приблизительнаго времени, такъ и цѣли постройки Арской башни. Нужно замѣтить, что Арская крѣпость занимала превосходное стратегическое положеніе: она расположена въ треугольникѣ, образуемомъ горнымъ (правымъ) берегомъ р. Каванки и оврагомъ, прорѣзывающимъ этотъ берегъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ сажень; съ третьей стороны, примыкающей къ общей возвышенности праваго берега р. Каванки, Арская крѣпость отдѣлялась валомъ и рвомъ, довольно хорошо сохранившимися еще въ настоящее время. По сторонамъ этого треугольника шли деревянныя стѣны, прерывавшіяся башнями, число которыхъ опредѣляется различно—въ семь и шесть; изъ нихъ одна—или, вѣрнѣе, часть одной—уцѣлѣла до сихъ поръ. Въ прошломъ столѣтіи Арская крѣпость существовала въ цѣломъ еще видѣ, о чемъ можно заключить по словамъ Рычкова, нашедшаго въ Арскѣ въ 1770 году «обветшалый замокъ», и Георги, замѣтившаго объ Арскѣ, что онъ представляетъ открытое, маленькое мѣстечко съ маленькою деревянною крѣпостью ⁶⁾; о наличности цѣлой еще крѣпости въ 1781 году говорить и толкованіе герба г. Арска, приведенное выше. Разрушеніе Арскаго острога

¹⁾ «Преданіе объ Арской башенкѣ», «Извлеченіе изъ приходской лѣтописи» и проч., стр. 703.

²⁾ «Памятники древности въ Каванской губерніи», стр. 214—216.

³⁾ «Арскъ», стр. 136.

⁴⁾ «О древн. магомет. могил. и др. истор. пам. въ Кав. губ.», стр. 4.

⁵⁾ «Преданіе объ Арской башенкѣ»; Юшковъ, *op. cit.*, стр. 5.

⁶⁾ «Продолженіе журнала или дневныхъ записокъ путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1770 году». СПб. 1772 г., стр. 5; Шпилевскій, *op. cit.*, стр. 479—480.

произошло, вѣроятно, въ началѣ нашего столѣтія, потому что Рыбушкинъ, посѣтившій Арскъ въ 1833 году и мечтавшій «сыскать тамъ много любопытнаго и древняго», нашелъ «одну только весьма ветхую деревянную башню»¹⁾. На рукописномъ планѣ г. Арска конца XVIII вѣка эта башня изображена подъ цифрою 2 въ видѣ маленькаго колокольчика, а въ «изъясненіи» плана, находящемся тутъ-же, подъ этою цифрою значитъ: «старинная ветхая башня внутри оной крѣпости».

Итакъ, если башня, бывшая уже въ прошломъ вѣкѣ «ветхою», простояла до настоящаго времени, то уже одинъ этотъ фактъ подрываетъ основательность мнѣнія о сооруженіи зданія при Петрѣ Великомъ. Сюда же можно присоединить и соображеніе о бесполезности и ненадобности новыхъ крѣпостныхъ сооружений въ то время, къ которому это относить разсматриваемое мнѣніе.

Напротивъ, есть основаніе, чтобы отодвинуть происхожденіе Арской башни къ болѣе раннему времени, чѣмъ начало XVIII вѣка, именно—считать ее сооруженіемъ XVI вѣка. Наше мнѣніе виждется на соображеніяхъ двоякаго характера—историческихъ и архитектурныхъ.

Извѣстно, что Іоаннъ Васильевичъ, завладѣвъ Арскомъ въ походѣ 1552 года, населилъ его стрѣльцами, затинщиками и казаками, потомки которыхъ, вѣроятно, занесены въ переписную книгу Арска 1646 года²⁾. Тогда же, безъ сомнѣнія, былъ выстроенъ острогъ, за стѣнами котораго защитники Арска могли бы обороняться противъ инородческаго населенія Арской области, поднявшаго восстаніе съ цѣлью ниспроверженія новаго владычества. Близкое сосѣдство Казани, гдѣ сосредоточивалась вся гражданская и военная администрація обширнаго края, уничтожило вскорѣ всякую возможность попытокъ со стороны инородцевъ отложиться отъ подданства Россіи; такимъ образомъ исчезла всякая необходимость въ устройствѣ новыхъ крѣпостныхъ сооружений и осталась лишь забота о поддержаніи въ надлежащемъ состояніи старыхъ.

Таковы обще-историческія соображенія по данному вопросу. Соображенія характера архитектурнаго основаны на сравненіи Арской башни съ таковыми же сооружениями Лайшева, подробно описанными въ писцовой книгѣ этого города, составленной въ 1568 году³⁾. По описанію Второва и Артемьева, Арская башня почти квадратная: одинъ діаметръ ея въ 7 $\frac{1}{2}$ арш., другой въ 7 $\frac{1}{4}$; высота всей башни, считая до кровли, около 3 сажень; башня раздѣляется какъ бы на два этажа, потому что верхняя часть ея (около 2 аршинъ) гораздо шире нижней и выступаетъ надъ нею въ видѣ карниза въ полъ-аршина шириною; на двухъ внутреннихъ сторонахъ башни—

¹⁾ «Поѣздка въ Старую Казань», стр. 1182.

²⁾ См. сообщенія нами «Нѣкоторыя данныя для исторіи городовъ Казанскаго края въ XVII вѣкѣ» въ «Извѣстіяхъ Общ. Арх., Ист. и Этн.», т. XVI вып. 2, стр. 228—229.

³⁾ Арх. Мин. Юст., писц. кн. № 59 (лл. 501—508) и 62 (лл. 479—484).

сѣверной и восточной—находится, почти на сажень отъ земли, по одному квадратному отверстію $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ, а на остальныхъ стѣнахъ— южной и западной.— обращенныхъ къ р. Казанкѣ, прорублено по три маленькихъ продолговатыхъ окошечка; по два такихъ же окошечка устроено съ каждой стороны въ верхней части башни ¹⁾. Цитированные выше описатели Арской башни не замѣтили, однако, что ни же шести продолговатыхъ амбразуръ расположенъ на западной и, какъ кажется, на южной сторонахъ еще одинъ рядъ амбразуръ — круглыхъ, по четыре на каждой сторонѣ. Всего, слѣдовательно, башня имѣла три ряда амбразуръ.

Обратимся теперь къ описанію башенъ Лаишевскаго острога, сохраненному намъ писцовой книгой: «Стрелня наугольная отъ большае площади, противъ острожныхъ воротъ с казанскаго приезду, отъ лесные стороны; мера стрелни трехъ сажень; въ башне на первомъ и на другомъ поясу изъ вконъ, на трехъ стѣнахъ, 11 боевъ, на третьемъ поясу верхнего изъ вконъ 12 боевъ; а наряду в башне нѣтъ, на стороже всегда по два человѣка стрелцы съ ручницами»; или: «Стрелня наугольная нижняя у устья у Крутова врага, трехъ сажень; въ башне на первомъ и на другомъ поясу, на трехъ стенахъ, изъ вконъ 12 боевъ, на третьемъ поясу верхнего изъ вконъ, на всехъ четырехъ стенахъ, 11 боевъ; а наряду въ той башне и сторожи нѣтъ, потому что стоятъ на крепости».

Сравнивая устройство стрѣленъ Лаишевскаго острога съ устройствомъ Арской башни, наблюдаемъ полное тождество какъ въ размѣрахъ этихъ сооружений (одинаковая высота), такъ и въ трехъ-ярусномъ расположеніи амбразуръ или «боевъ», по выраженію писцовой книги. Отсюда можно, кажется, вывести заключеніе, что Арская башня представляетъ собою угловую стрѣльню когда то существовавшего Арскаго острога. Она, хотя и стояла, подобно одной изъ сейчасъ описанныхъ Лаишевскихъ стрѣленъ,— «на крѣпости», т. е. на недоступномъ для вражескаго нападенія мѣстѣ, занимая крайній юго-западный пунктъ Арскаго острога, тѣмъ не менѣе она не была лишена, какъ та, ни «наряда», ни «сторожи», вѣроятно, потому, что мимо нея проходила дорога въ Казань. Какъ великъ былъ весь «нарядъ», составлявшій вооруженіе стрѣльни,— не знаемъ, но остатки его были цѣлы еще недавно. Они представлялись въ видѣ пищали, сначала стоявшей въ самой башнѣ, а потомъ перенесенной для храненія въ Арскую Ратушу, гдѣ ее видѣлъ въ 1847 году Артемьевъ: пищаль была желѣзная, длиною болѣе двухъ аршинъ, нѣсколько погнутая и давшая трещину въ сгибѣ; тамъ же хранился длинный заржавѣвшій клинокъ меча, найденный вмѣстѣ съ черепомъ около башни года за два до посѣщенія Арска Артемьевымъ ²⁾. Рыбушкинъ, бывшій въ Арскѣ ранѣе Артемьева — въ 1833 году, осматривалъ эту пищаль въ самой башнѣ: «Въ башнѣ сей—говоритъ онъ—можетъ быть,

¹⁾ Второзъ, «Памятники древности въ Казанской губерніи», стр. 216—217; Артемьевъ, «Арскъ», стр. 136—137.

²⁾ Артемьевъ, «Арскъ», стр. 137.

для воспоминанія о достоинствѣ старинной артиллеріи, находится пищаль. Сіе огнестрѣльное чугунное оружіе длиною около двухъ аршинъ, въ діаметрѣ же вершка въ полтора, заряжалось небольшою пулею, для вкладыванія коей при каждомъ разѣ надлежало пищаль вынимать изъ своего мѣста. Какихъ трудовъ стоило бѣдному стрѣльцу вытаскивать пищаль и заряжать во время дѣйствія нѣсколько разъ, а, слѣдовательно, и нѣсколько разъ жечь ею свои руки!»¹⁾. Судя по описанію, это была такъ называемая «затинная пищаль», которыми были вооружены также башни и стрѣльни Лаишевскаго острога.

Въ настоящее время нѣтъ ни одного изъ предметовъ, упоминаемыхъ Артемьевымъ: ихъ, вѣроятно, уничтожилъ пожаръ Ратуши, бывшій, кажется, въ 60-хъ годахъ.

Быть можетъ, не было бы теперь и остатковъ башни, если бы не работа о ней казанскаго гражданскаго губернатора П. А. Нилова, приказавшаго сдѣлать около нея подпорки и покрыть ее пирамидальною крышею, увѣнчанною жестянымъ шаромъ²⁾. Въ этомъ вниманіи Нилова къ Арской башнѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія³⁾, выразились всѣ мѣропріятія, предпріятыя до сего дня администраціей и обществомъ для сохраненія этого памятника старины. Распоряженіе Нилова не надолго сохранило башню отъ дальнѣйшаго разрушенія: въ маѣ 1873 года сооруженная Ниловымъ крыша упала подъ гору вмѣстѣ съ верхними вѣнцами, но подпорки были еще цѣлы, и ими однѣми держалась башня⁴⁾.

Если Арская башня вызвала мало мѣръ, направленныхъ къ ея поддержанію и реставраціи, то, съ другой стороны, она вызвала проектъ, преслѣдующій ея полное уничтоженіе: въ началѣ 70-хъ годовъ въ земствѣ существовало предположеніе сломать башню, къ счастью, потомъ оставленное⁵⁾.

Перехожу къ послѣдней части своего доклада — къ описанію современнаго состоянія башни⁶⁾. Въ настоящемъ своемъ положеніи Арская башня представляетъ деревянный четырехъ-угольный срубъ, склонившійся на одну (восточную) сторону и лишенный подпорокъ, устроенныхъ по распоряженію Нилова; сторона сруба равняется 7 шагамъ; въ высоту срубъ, состоящій изъ 15 звеньевъ, не превышаетъ 1½ сажени; вокругъ башни и внутри ея лежатъ бревна, скатившіеся съ верхнихъ ея вѣнцовъ, которыя могутъ быть установлены на прежнихъ своихъ мѣстахъ, отчего увеличится и высота уцѣлѣвшей части башни. На западной сторонѣ башни, обращенной къ оврагу,

¹⁾ «Поѣздка въ Старую Казань», стр. 1182.

²⁾ Второвъ, «Памятники древности въ Каз. губ.», стр. 216.

³⁾ П. А. Ниловъ сдѣлался казанскимъ губернаторомъ послѣ графа И. А. Толстого, оставившаго эту должность въ началѣ 1820 г.; Загоскинъ, «Спутникъ по Кавани», Каз. 1895 г., стр. 174.

⁴⁾ Ивносковъ, «Докладъ объ Арской башнѣ», стр. 4.

⁵⁾ Ibid., стр. 5.

⁶⁾ Я осматривалъ башню 3 января с. г.

прекрасно видны два пояса бойниц—нижній, состоящій изъ четырехъ круглыхъ отверстій (въ діаметрѣ около $1\frac{1}{2}$ четверти), и средній — изъ трехъ продолговатыхъ, въ видѣ 4-угольника (шириною $2-2\frac{1}{2}$ четверти), расположенныхъ въ промежуткахъ между первыми; такія же продолговатыя бойницы наблюдаются на южной сторонѣ, обращенной къ р. Казанкѣ (числомъ также три), на восточной (одна) и на сѣверной (также одна); на послѣдней, кромѣ того, замѣтна часть и того большого отверстия, служившаго дверью, которое описано Второвымъ и Артемьевымъ. Къ сожалѣнію, башня недоступна для фотографированія: съ западной и южной сторонъ она очень близко примыкаетъ къ обрывамъ оврага и возвышенности праваго берега р. Казанки, съ остальныхъ сторонъ она обнесена заборомъ изъ досокъ.

Что нужно и что можно предпринять по отношенію къ сохранившимся остаткамъ Арской башни — вопросъ, подлежащій обсужденію въ сегодняшнемъ засѣданіи нашего Общества ¹⁾. Не предрѣшая его, позволю себѣ высказать лишь свой взглядъ на это дѣло. Возстановлять башню въ томъ видѣ, какой она имѣла въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нашего столѣтія, — для чего однако имѣется возможность — нѣтъ, по моему мнѣнію, смысла, такъ какъ въ результатѣ такой реставраціи получится въ большей своей части сооруженіе XIX вѣка, сдѣланное лишь въ стилѣ и по образцу такого же сооруженія XVI столѣтія, къ каковому времени я стремился въ настоящемъ докладѣ Обществу приурочить устройство Арской башни. Но мнѣ кажется болѣе цѣлесообразнымъ возстановить въ надлежащемъ видѣ сохранившіяся нижнюю и среднюю части башни, что дастъ срубъ около 2 сажень высоты съ ясно видными двумя рядами бойницъ по его сторонамъ и частью двери, при помощи которой защитники стрѣльни имѣли сообщеніе съ остальною частью острога. Сверху башню надлежало бы покрыть навѣсомъ, что, безъ сомнѣнія, сильно сохраняло бы ее на будущее время отъ неблагоприятнаго дѣйствія атмосферы. Нужно еще замѣтить, что недавно вокругъ башни разбитъ общественный садъ, занимающій едва ли не половину мѣста, на которомъ раньше была расположена Арская крѣпость; садъ этотъ и по своему мѣстоположенію, открывающему посетителю его возможность любоваться на широкомъ пространствѣ долиною р. Казанки, и по отсутствію въ Арскѣ какихъ либо иныхъ общественныхъ начинаній долженъ привлекать къ себѣ вниманіе и симпатіи арскихъ жителей, которые въ возстановленной башнѣ имѣли бы памятникъ, бывшій непосредственнымъ свидѣтелемъ болѣе, нежели трехвѣковой исторіи ихъ города.

В. Борисовъ.

¹⁾ Настоящій докладъ, представленный по порученію Общества, обсуждался въ засѣданіи 20 января.

МАТЕРІАЛЫ.

А) ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Писцовая книга города Лаишева 7076 (1568) года.

Городъ Лаишевъ описанъ въ 1568 году Дмитріемъ Андреевичемъ Кикинымъ съ товарищами, тѣмъ самымъ Кикинымъ, который, вмѣстѣ съ окольнымъ Никитой Васильевичемъ Борисовымъ, въ качествѣ «товарища» послѣдняго, принималъ участіе въ составленіи писцовыхъ книгъ Казани (1566—1568 гг.) и Свіяжска (1565—1567 гг.)¹⁾.

Къ сожалѣнію, всѣ эти три чрезвычайно важные памятники исторіи Казанскаго края дошли до нашего времени въ дефектномъ видѣ: у писцовыхъ книгъ Казани и Свіяжска недостаетъ начальныхъ листовъ, у писцовой книги Лаишева—конечныхъ, быть можетъ, даже многихъ, такъ какъ документъ обрывается въ самомъ началѣ описанія Лаишевскаго посада. Писцовая книга Казани и ея уѣзда издана, какъ извѣстно, въ 1877 году Казанской Духовной Академіей, но не въ полномъ ея видѣ, а въ извлеченіи, сдѣланномъ проф. Невоструевымъ, что, конечно, нѣсколько умаляетъ значеніе изданнаго памятника и въ этомъ изданіи не во всѣхъ случаяхъ позволяетъ пользоваться имъ, заставляя обращаться къ подлиннику. Впрочемъ, Свіяжская писцовая книга не имѣетъ до сихъ поръ даже такого, сокращеннаго, изданія, не смотря на всю свою важность въ научномъ отношеніи²⁾.

¹⁾ «Описаніе документальнѣ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи». Кн. I. Спб. 1869 г., стр. 81—82, 114, 249.

²⁾ Научная цѣнность этого документа выяснена въ статьѣ А. В. Васильева—«Къ исторіи землевладѣнія въ Свіяжскомъ уѣздѣ»; см. «Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр.», т. XII вып. 6, стр. 602—612.

Писцовая книга Лаишева, вѣрнѣе—нѣскольکو строкъ изъ нея,—напечатана вмѣстѣ съ писцовой книгой Казани въ указанномъ выше изданіи Каванской Духовной Академіи, на стр. 81 его, по списку XVII вѣка ¹⁾; нами она издается по болѣе полнымъ спискамъ XVIII столѣтія ²⁾.

В. В.

Казань.

22 января 1900 г.

¹⁾ Арх. мин. юстиціи, писц. кн. № 152, л. 256 обор.

²⁾ Ibid., кн. №№ 59 (лл. 501—508) и 62 (лл. 479—484).

**Книги города Лаишева и посаду Лаишевского писма Дмитрея
Андрѣева сына Никина с товарищи лѣта 305 го.**

В Казанском уѣзде по Ногайской дороге на Казанской сторонѣ у реки у Камы на берегу над красным яром выше устья Крутого врага город Лаишев, деревянный, а у города трои ворота. Ворота Воскресенские на углу отъ реки от Камы, а поправу в город идучи; у ворот стрелня науголная верхняя трех сажень с локтем, и из стрелни на нижнем и на среднемъ поясу по $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Е}}}$ боевъ, в третьем поясу с верхнево из воконов $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{В}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ боевъ; наряду на воротех двѣ пищали затинных, а на стороже всегда в день и в ночь с перемѣною по три человекъ стрелцовъ с ручницами. А от науголные верхние стрелни, и с вороты, до Водяных ворот $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ городень, мѣры по городу $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{А}}}$ сажень; верхнего из окон з города $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Л}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Е}}}$ боевъ, нижнего из городень $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ боевъ. Ворота Водяныя к рекѣ х Камѣ середъ городовые стѣны, бес тайника; на воротех башня $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Г}}}$ сажень с локтемъ, а в башнѣ на нижнем и на среднемъ поясу на загородней стѣнѣ из воконов по три бои, в третьем поясу верхнего из воконов на трех стѣнах $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{А}}}$ боевъ; наряду в башнѣ пищаль затинная, а на стороже всегда по два человекъ стрелцы с ручницами. А от Водяных ворот до науголные нижние стрелни $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Г}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ городень, мѣры по городу $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{А}}}$ сажень; верхнего из воконов з города $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{К}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Е}}}$ боевъ, нижнего из городень $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Г}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ боевъ. Стрелня науголная нижняя у устья у Крутова врага трех сажень; въ башне на первомъ и на другомъ поясу на трех стенах из воконовъ $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{В}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ боевъ, на третьемъ поясу верхнего из воконов на всех четырех стенах $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{А}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ боевъ; а наряду въ той башне и сторожи нѣтъ, потому что стоять на крепости. А от науголные нижние стрелни направо подле Крутова врагу въ верхъ до науголные ж стрелни $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Л}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{И}}}$ городень, мѣры по городу $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{О}}}$ сажень; верхнего из воконов з города $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{Р}}}\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{М}}}$ боевъ, нижнего из городень $\overset{\cdot}{\underset{\cdot}{\text{О}}}$ боевъ.

Внутри ж города Лаишева двory стрелецкие: дворъ Иванко Левонтъева; дворъ Пешко Мартинова; д. Гриши Сантaмышева; д. Юрѣя Иванова; д. Ярцо Иванова; д. Шишонка Степанова; д. Гриши Игнатъева; д. Васки Осанова; д. Богданка Некрасова; д. Никитки Матвѣева; д. Степанка Окулева; д. Митки Игнатъева; д. Гордушки Степанова; д. Ѳедки Шубенина; д. вдовы Марѣи Локатцки; д. Ѳедки Киркоуса; д. Олешки Обрятина; д. Русинка Павлова; д. Богданка Иванова; д. Данилка Аюнасъева; д. Ѳедки Литвинова.

Улица от Николскихъ городовыхъ воротъ къ Воскресенскимъ воротамъ: подле стѣны дворъ Балахны Дороеева; д. Корнилко Дмитреева; д. Девятка Тулупова; д. Пимянка Иванова; д. Ѳедка Мартынова. Да межъ стрелецкихъ дворовъ дворъ Федкова Киркоусова да Олешина Обрятина. Во дворе нежалованной жилецъ Ѳедко Ивановъ.

И всего внутри города Лаишева два двора головъ лаишевскихъ, да дворъ сына боярскаго, да дворъ поповъ, да два двора воротниковъ городовыхъ, да дватцать пять дворовъ стрелецкихъ, а людей тожь, да дворъ жилца нежалованнаго.

Да в городе же у Воскресенскихъ ворот в городской городне—тюрма, а сторожи у тюрмы воротники городовые.

В Лаишеве ж за городомъ, на посаде в остроге, меж города и межъ посадцкихъ дворовъ на площади—церковь Воскресенья Христова, поставленье и все церковное стросние мирское — лаишевскихъ жилцовъ; а у церкви во дворе попь Русинъ, проскурня Огроена.

На посаде жъ двory лаишевскихъ посадцкихъ жилцовъ, полоняниковъ жалованныхъ и нежалованныхъ, жилцов же. За надолобами, от площади налево, подле Камы по берегу на горе по болшую улицу и с переулка двory по обе стороны. Въ первомъ переулке во дворе нежалованной жилецъ Нагайко Алексѣевъ; д. жалованнаго жилца Васки Шеманова (?); д. жалованнаго жилца Самоилка Иванова; д. жалованнаго жилца Кудеярка Ларивнова; д. жалованнаго жилца Иванка Илиманова на берегу у надолоб; а от того двора бергомъ налево: во дворе нежалованной жилецъ Иванко Ильинъ...

Б) ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Народные способы „леченія“ и заговоры противъ болѣзней въ Казанской губерніи.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ объектовъ для изученія народныхъ вѣрованій представляютъ заговоры противъ различныхъ болѣзней. Не такъ давно матушка Русь была наполнена колдунами, вѣдьмами и пр.; въ настоящее время эти представители нечистой силы встрѣчаются какъ исключеніе и, нужно надѣяться, въ скоромъ времени совершенно исчезнутъ. Что же касается ворожей и лекарокъ, то вѣра въ нихъ у простого народа проявляется еще въ полной силѣ. Нельзя не замѣтить, что теперь простой народъ все чаще и чаще обращается за медицинскою помощью къ врачамъ, но это, по видимому, нисколько не уменьшаетъ вѣры въ своихъ лекарокъ, а также и въ причину болѣзни. Мы не разъ были свидѣтелями, какъ крестьяне, на вопросъ врача о причинѣ болѣзни, отвѣчали, что кто нибудь по злобѣ напустилъ на нихъ такую бѣду, и при этомъ сообщали, что они уже пользовались «у своихъ»...

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ познакомить читателей съ нѣкоторыми способами леченія нашихъ знахарокъ и ихъ заговорами противъ нѣкоторыхъ болѣзней.

«Собачью старость» (рахитизмъ) у дѣтей лечатъ двумя способами. Первый состоитъ въ томъ, что больного ребенка несутъ въ хорошо нагретую баню, кладутъ его на полокъ, вовлѣ него помѣщаютъ связанную собаку и начинаютъ парить, ударяя вѣнникомъ разъ по ребенку, затѣмъ по собацѣ, потомъ опять по ребенку и т. д. Собака отъ нестерпимаго жара, конечно, вивжить, ребенокъ реветъ, какъ подъ ножомъ, а ворожея хладнокровно и монотонно въ это время читаетъ заученный заговоръ.

Другой способъ заключается въ томъ, что дѣлается изъ ржаного тѣста большой сочень, кладется въ него больной ребенокъ, зашпиливается и сажается ненадолго на лопатѣ въ топленную печь три раза.

Однажды намъ пришлось наблюдать, какъ одна старуха лечила 8-лѣтняго мальчика отъ головной боли. Леченіе это пользуется большой популярностью.

Прежде всего она взяла какую то тесемку, смѣрила сначала одну половину головы, потомъ другую и сравнила. Лѣвая половина головы оказа-

лась больше. Причина болѣзни найдена, и лекарка сейчас же перешла къ устраненію ея: она наклонила немного голову направо и ударила мальчика кулакомъ по больной сторонѣ головы. Онъ заплакалъ.

— Молчи! чего забастонилъ? — замѣтила старуха съ озобоченно-дѣловитымъ видомъ, наклоняя опять его голову, которая на этотъ разъ, по ея мнѣнію, стала распрямляться.

— Да наклони, вертоголовый! — разсердившись, закричала лекарка, и мальчикъ наклонилъ, ожидая удара и бояливо поводя глазами въ сторону старухи. Та ударила его еще раза два, схватила голову и какъ то особенно потрясла ее въ наклонномъ положеніи. Не торопясь, она послѣ этого опять смѣрила: правая половина теперь стала больше лѣвой, а потому, чтобы заставить язвищекъ убраться обратно, она начала колотить по другой сторонѣ головы, по правой.

— Ну что? — легче стало? — спрашивали мальчика послѣ того, когда у него обѣ стороны были уже одинаковы.

— Легче... какъ-же, ждя... — куксаясь, отвѣчалъ онъ плаксиво

— Погодя, совсѣмъ пройдетъ!.. успокаивали его.

У матери этого мальчика разъ заболѣла спина. Привванная знахарка велѣла ей лечь животомъ на порогъ; самого старшаго заставила держаться одной рукою за скобу двери, а въ другой — держать топоръ. За нимъ поставили второго по старшинству, который долженъ былъ обхватить сзади старшаго; за вторымъ былъ поставленъ третій и т. д. Такимъ образомъ составила цѣлая вереница. Всѣ были обращены лицомъ къ двери и съ серьезными лицами держались другъ за друга. Послѣ нашептываній знахарки надъ водой, самый младшій закричалъ старшему:

— Чего рубишь?

— Утюжь! — отвѣчалъ тотъ.

— Руби его, чтобы вѣкъ съ повѣку его не бывало!.

И старшій ударилъ обухомъ топора больную; та вскрикнула на всю избу. Воцарилось потомъ молчаніе. Ворожея снова начала начитывать надъ водой; слышно было какъ шепотомъ, скороговоркой произносила она слова заговора: «и не было бы у ней ни шепотища, ни ломотища, ни баннаго переломища, и кости бы ея не можжали, жилы бы ея дрожжали... выскреби, вымети изъ буйной головы, изъ хворой спины, изъ крови горячей, изъ 77 жилъ, изъ 77 суставовъ»... Когда она кончила, повторилось тоже, что и въ первый разъ: старшій опять ударилъ обухомъ топора по спинѣ больной, больная опять простонала.

Въ деревняхъ врачамъ нерѣдко приходится наблюдать случаи отравленія равными ядами — особенно ртутными препаратами. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно выяснялось, что больного раньше лечила какая нибудь знахарка-старуха. А отъ какихъ только болѣзаней не лечатъ эти знахарки и для какихъ только болѣзней не имѣется у нихъ «средствъ» и заговоровъ? Зубы ли заболѣли, не спится ли мужику, занедужилось ли бабѣ отъ «переполоха», «пропасницы» или «сояшницы» — на все у знахарки есть заговоры!

Плату за леченіе знахарки получаютъ, смотря по важности болѣзни и по карману пациента — копѣйками и рублями.

Намъ удалось недавно со словъ одной знахарки записать нѣсколько заговоровъ, въ цѣлительную силу которыхъ вѣритъ простой народъ.

Вотъ эти заговоры.

1. Заговоръ отъ лихорадки. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь. На морѣ, на омовеніи, тамъ бо есть дубъ, подъ тѣмъ дубомъ стоятъ четыре евангелиста: Лука, Марка, Матѣя и Іоанна. Внезапу возмущившуся моря, изъ моря выходятъ двѣнадцать дѣвъ простоволосыхъ и распоясанныхъ, и вопрошае ихъ отцы святые: что вы сестъ за дѣвы? Онѣ имъ отвѣшаше: «Мы есмь дѣвы царя Ирода дочки, идемъ въ міръ мірской гнуги кости и кости ломати» Спаси, Господи, и помилуй рабу Божью (имя) и подыми. Во имя Отца и т. д. Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, разукрашенный, имаю да вниду въ оны, просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавецъ, и спаси мя. Аминь. Эксапомиловой (Слова эти повторяются восемь разъ).

2. Заговоръ отъ бессонницы. «Заря зарница, и красная дѣвица, заря утренняя, заря вечерняя, заря полуденная, заря Дарья, заря Марья, заря Маремьяна, я пришла къ тебѣ посвататься и побрататься: у васъ есть сынъ (дочь), у меня есть дочь (сынъ), у тебя есть сонъ, а у насъ бессонье, возьми наше бессонье, отдай намъ сонъ»...

Заговоръ этотъ произносится на зарѣ, стоя на порогѣ дома; послѣ заговора больного нужно три раза вспрыснуть водой изъ рта.

3. Заговоръ отъ болѣзни зубовъ. «Младъ мѣсяцъ на морѣ бывалъ?—«Бывалъ».—Лазаря видалъ?—«Видалъ». У Лазаря не болятъ ни зубы, ни десна, такъ не боли у раба Божія (имя) ни зубы, ни десна»...

4. Заговоръ отъ кровотеченія. «Стану я, благословясь, раба Божія (имя), пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота и подъ востокъ и подъ восточную сторону и океанъ-море; на океанъ-морѣ стоитъ церковь; на этой церкви стоитъ престолъ; на этомъ престолѣ сидитъ Мать Пресвятая Богородица, золотомъ вышиваетъ; нить урвись, кровь уймись у раба (имя)».

в) «На морѣ на океанѣ лежитъ камень, на этомъ камнѣ сидятъ 12 дѣвъ, шелкомъ вышиваютъ, булавками притыкаютъ. Какъ шелкъ не рвется, такъ у раба (имя) кровь уймется».

г) «На полѣ на Арскомъ стоитъ дубъ вверхъ корнями, внизъ вѣтвями; на этомъ дубу сидитъ черень воронъ, кору отбиваетъ. Какъ кора крѣпка, такъ у раба (имя) будь кровь крѣпка».

При этомъ раны или сосуды, изъ которыхъ идетъ кровь, перевязываются.

5. Заговоръ отъ грыжи. «Грызу я грыжу и загрызаю грыжу и львотну и льготну и яичну пуповину, косянну и жилинну. Престань, Господи, всѣ скорби и болѣзни, рѣзкое колотье раба Божьяго младенца крещеннаго и молитвеннаго» (или некрещеннаго и немолитвеннаго).

в) На полѣ стоитъ дубъ толстой, на дубу котъ морской; грызетъ оны вѣтви и коренья. Не прикусывай и не перегрызай вѣтви и коренья, а прикуси и перегрызи у раба Божьяго младенца (имя) грыжу»...

Заговоры эти читаются рано утромъ и вечеромъ. Больное мѣсто знахаркой перекусывается трижды.

6. Заговоръ отъ болѣзни глазь. «Шелъ истинный Христосъ по Золотому мосту съ золотымъ посохомъ и несъ три фартала (глава): одинъ—бѣлый, другой—сѣрый, третій—черный. Престань, Господи, всѣ скорби и болѣзни и рѣзкое колотье злой болѣзни родимца».

При этомъ нужно три раза плюнуть въ больной глазъ.

7. Заговоръ отъ порчи. «Какъ въ полѣ бѣлая береза растетъ, не знаетъ ни скорби, ни болѣзни, ни урока, ни привора, такъ не знай раба Божья (имя), какъ Матушка Пресвятая Богородица хранила и берегла своего истиннаго Христа, такъ храни и береги (имя). Встрѣчному и поперечному крестъ и кукишъ. Перестань, Господи, всѣ скорби и болѣзни и рѣзкое колотье и отъ злой болѣзни родимца. Будьте мои слова крѣпки и лѣпки и на вѣки вѣкуши, аминь. Будь тынъ желѣзный, ножъ булатенъ, будьте замки въ морѣ, ключи въ ротѣ».

8. Заговоръ отъ «сглазу». «Царь вода, крутъ берега; матушка, святая вода, отпусти раба Божья (имя) отъ сглазу».

Больного вспрскиваютъ водой «съ угольковъ» три раза и затѣмъ ее выливаютъ «на отмашъ» черезъ лѣвую руку въ сторону.

9. Заговоръ отъ дѣтскаго плача. «Заря Марья, заря Дарья, заря Маремьяна, воротнїй крикъ, вольми ребячїй крикъ».

Во время чтенїя этого заговора ребенка кладутъ къ воротамъ и ихъ стараются отворить такъ, чтобы они произвели сильный скрипъ.

Всѣ вышеприведенные заговоры произносятся трижды.

Мы не станемъ выяснять смыслъ заговоровъ, такъ какъ это было бы тщетно, но не можемъ въ тоже время удержаться отъ сожалѣнїя, что до сихъ поръ приходится быть свидѣтелями подобнаго рода леченїя.

Приходится утѣшаться одной надеждой, что когда нибудь исчезнутъ и заговоры, какъ исчезли колдуны и вѣдьмы.

И в. Чи бри ков ъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Литература

археологій, исторіи и этнографіи во второй половинѣ
1899 года

(по газетамъ, вѣдомостямъ и нѣкоторымъ журналамъ, полу-
чаемымъ Обществомъ Арх., Ист. и Этн.).

I. Археологія.

Казанская губернія.

1. Въ № 241 «Перм. губерн. вѣдомостей» Вл. П — скій помѣстилъ статью «Раскопки въ Казанской губерніи», въ которой подробно говорится о результатахъ раскопокъ, произведенныхъ въ августѣ 1899 года въ Спаскомъ уѣздѣ дѣйств. членомъ Общ. Арх., Ист. и Этн. П. А. Пономаревымъ на средства сего Общества. Изъ «Перм. губ. вѣд.» эта статья перепечатана въ № 320 «СПБ. вѣдомостей» — 22 ноября 1899 года.

Кіевская губернія.

2. Въ № 166 (1016) газеты «Котлинъ» членъ-сотрудникъ Общ. Арх., Ист. и Этн. Н. Н. Вакулоскій въ статьѣ, посвященной XI-му Археологическому Съѣзду въ Кіевѣ, говоритъ вкратцѣ о томъ, какъ устраивались въ Россіи археологическіе съѣзды и чѣмъ они занимались.

3. Въ «Правительственномъ вѣстникѣ» и № 204 «Пензен. губерн. вѣдомостей» описанъ подробно кладъ, найденный 28 августа 1899 г. въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Л. И. Бродскаго, на Екатерин. улицѣ, и состоявшій изъ 16

золотыхъ монетъ (15 византійскихъ X и XI вѣковъ и 1 западнаго халифата—1033 года), 3 золотыхъ браслетовъ, 2 массивныхъ полосъ золота на подобіе палочекъ сургуча, желѣзнаго замка и ручки отъ глинянаго горшка.

4. Въ № 85 «Вятскихъ губерн. вѣдомостей» со словъ «Чернигов. губ. вѣд.» описана археологическая находка въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры, состоявшая изъ кувшиновъ, навываемыхъ «голосниками», золотыхъ монетъ, медалей, жетоновъ и документовъ на польскомъ и русскомъ языкахъ, изъ которыхъ одинъ отъ 26 ноября 1753 года.

Кубанская область.

5. На стр. 69—74 выпуска I-го «Извѣстій Общества любителей изученія Кубанской области» помѣщена съ 2 рисунками статья П. П. Короленка, въ которой онъ описываетъ Екатеринодарскій войсковой соборъ времени Екатерины II-ой.

Пензенская губернія.

6. Въ № 269 «Пензен. губерн. вѣдомостей» В. М. Терехинъ напечаталъ статью «Интересная археологическая находка (параманъ) въ Пензен. уѣздѣ» (близъ женскаго монастыря).

Пермская губернія.

7. Въ № 78 «Сибирскаго Листка» описывается полный скелетъ мамонта, найденный въ Пермской губ., близъ завода Майкарь Соликамскаго уѣзда, и купленный дѣйств. членомъ Общ. Арх., Ист. и Этн. профессоромъ А. А. Штукенбергомъ. Скелетъ этотъ найденъ въ глинистыхъ слояхъ пліоценоваго періода и принадлежитъ молодому животному.

8. Въ № 210 «Перм. губ. вѣдом.» Н. Н. Новокрещенныхъ напечаталъ статью, подъ заглавіемъ «Археологическія изслѣдованія въ Пермской губ.» Тутъ описываются какъ мѣста равныхъ находокъ 1899 года, такъ и самыя находки, относяшіяся болѣею частью къ X—XIII вѣкамъ: серебряный сосудъ съ арабск. надписью X вѣка, серебряное сасанидское блюдо, черепки чуждой посуды, стрелена и топоръ чуждой работы, тонкія пластинки съ изображеніями звѣрей и людей, поясъ, подвѣски и пряжки, бусы, браслеты и проч.

Черниговская губернія.

9. Въ № 214 «Пензен. губерн. вѣдом.» описываются отдѣльныя кости мамонтовъ, найденныя въ Чернигов. губ., въ Кролевецкомъ уѣздѣ, и цѣльный скелетъ мамонта. Описаніе это перепечатано изъ «Правительственнаго Вѣстника».

Западная Сибирь.

10. Въ № 74 «Сибирскаго Листка» разсказывается о 2 раскопкахъ, изъ которыхъ при одной найдена голова, а при другой цѣлый скелеть мамонта въ Тобол. губ.: голова на р. Ишимѣ въ Тарскомъ уѣздѣ, а скелеть въ 60 верстахъ отъ гор. Тобольска въ селѣ Дубровномъ.

11. Въ № 19 «Тобол. епархіал. вѣдом.», на стран. 263—288, описаны церковныя древности Тобольской епархіи, съ указаніемъ ихъ датъ и особенностей: царскія врага, иконы, кресты, евангелія, утвари, вѣнцы, воздухи и покровы, колокола, грамоты на постройку и освященіе храмовъ, картины и фотографич. снимки.

12. Въ № 195 «Восточнаго Обзорнія» описывается скелеть допотопнаго зубра, найденный при равстановкѣ межевыхъ столбовъ въ глинтѣ, въ 10 верстахъ отъ гор. Барнаула Томской губ. на скатѣ «Туринова урочища».

Восточная Сибирь и Монголія.

13. Въ XII томѣ «Suomalais-Ugrilaisen Seura Toimituksia» Г. Вамбери помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ «Noten zu den alttürkischen Inschriften Mongolei und Sibiriens», въ которой говорится о народности древнихъ тюрокъ, о языкѣ ихъ, о морфологіи древне-тюрк. языка и разъясненія къ надписямъ, читаннымъ ранѣе В. В. Радловымъ, В. Томсеномъ, В. Бангомъ и др.

Туркестанскій край.

14. Въ № 46 «Туркестан. Тузем. Газеты» помѣщена статья на сарт. яз. «Свѣдѣнія о древнемъ городѣ Касанѣ»; тутъ же приведены и намогильныя надписи Касанскихъ жителей, относящіяся къ 1265—1269 годамъ по Р. Хр.

II. Исторія.

Общія свѣдѣнія.

15. Въ № 258 «Пермск. губ. вѣдом.» А. А. Дмитриевъ въ статьѣ, оваглавленной «Ввиду наступленія новаго столѣтія», приводитъ на основаніи разныхъ историческихъ документовъ соображенія о томъ, когда было бы правильнымъ начинать XX-ый вѣкъ и какъ согласовать русскую хронологію съ западно-европейской.

Казанская губернія.

16. Въ № 206 «Сибирскаго Вѣстника» перепечатано изъ «Историческаго Вѣстника» сообщенное дѣйств. членомъ Общ. Арх., Ист. и Этногр. В. Л. Борисовымъ письмо историка Н. И. Костомарова отъ 1858 года, адресованное къ помощнику попечителя Казан. учебнаго округа О. О. Веселаго и хранящееся нынѣ въ библиотекѣ Общ. Арх., Ист. и Этн. въ Казани.

17. Въ № 297 «Волжскаго Вѣстника» помѣщена статья Б.—«Изъ исторіи края (Были ли введены въ Казани, послѣ ея взятія, губныя учрежденія?)». Вопросъ рѣшается авторомъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Кубанская область.

18. На стр. 53—63 вып. I «Извѣстій Общества любителей изученія Кубанской области» помѣщена статья П. П. Короленка «Первоначальное заселеніе черноморскими казаками Кубанской области».

19. На стр. 65—68 того-же выпуска напечатана статья И. И. Дмирненка «Къ исторіи Некрасовцевъ на Кубани».

20. На стр. 75—94 помѣщена статья В. М. Смсоева «Очерки изъ исторіи Тмутороканскаго княжества. I. Препод. Никонъ, игумень Кіево-Печерскій, угодникъ тмутороканскій».

Оренбургская губернія.

21. На стр. 25—48 вып. V «Трудовъ Оренбург. ученой архивной комиссіи» М. Л. Юдинъ помѣстилъ «Матеріалы къ исторіи Оренбург. края», гдѣ на основаніи архивныхъ данныхъ онъ говоритъ о событіяхъ 2-ой и 3-ей четверти XIX вѣка: о губернаторѣ Сухтеленѣ, о ген.-адъют. В. А. Перовскомъ, о ген.-майорѣ Глазенапѣ и др.

22. На стр. 82—111 того-же выпуска С. Н. Севастьяновъ напечаталъ статью «Исторія Оренбургскаго казачьяго войска по начертаніямъ восковой печати».

23. Въ № 40 «Тургайскихъ областныхъ вѣдом.» А. И. Добросмысловъ на основаніи архива Тургайскаго областного правленія помѣстилъ «Собраніе указовъ и др. документовъ по Оренбургскому краю».

24. Въ № 41 «Оренбург. Листка» въ отдѣлѣ «хроника» напечатана статья, подъ заглавіемъ «Столѣтній юбилей Оренбург. епархіи», въ которой говорится какъ о епархіи вообще, такъ и о 18 епископахъ, управлявшихъ ею съ 1799 по 1899 годъ въ частности.

25. Въ № 41 «Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей» Николай Чернавскій помѣстилъ статью «Къ столѣтію Оренбургской епархіи», гдѣ говорится вкратцѣ объ исторіи сей епархіи по уѣздамъ и о составѣ ея по религіямъ.

Тургайская область.

26. Въ №№ 39--42 и слѣд. дѣйстви. членъ Общ. Арх., Ист. и Этн. А. Е. Алекторовъ помѣстилъ «Очеркъ развитія народнаго образованія въ Тургайской области» (1744—1849 и слѣд. годы). Этотъ очеркъ одновременно печатался и въ «Тургайскихъ областн. вѣдом.»; касается онъ народнаго образованія вообще и русскихъ, киргизъ и татар. школъ въ частности.

Тургайская область и губерніи Астраханская, Оренбургская и Уфимская.

27. Въ № 38 «Тург. обл. вѣдом.» помѣщено въ копіи донесеніе генерала Апухтина Императрицѣ Екатеринѣ II о нуждахъ хана малой киргиз. орды Нурали, страдавшаго отъ киргизъ. Генераль Апухтинъ надѣется, что оказаніемъ помощи Нурали-хану будетъ положено начало у киргизъ хлѣбопашеству и мирному теченію дѣлъ по окраинамъ Имперіи.

28. Въ № 39 тѣхъ же «вѣдомостей» А. И. Добросмысловъ на основаніи архивныхъ документовъ Тургайскаго Обл. Правленія помѣстилъ «Выписку о разныхъ дѣлахъ по челобитьямъ башкиръ, тептерей, мещеряковъ, бобылей и киргизъ», и «Указъ Екатерины II генералу Апухтину о киргиз. дѣлахъ» (отъ 3 іюля 1783 года).

29. Въ № 44 тѣхъ же «вѣдомостей» А. И. Добросмысловъ помѣстилъ 3 статьи: 1) «Расходъ на киргизъ—кайсацкихъ посланцевъ и присланныхъ съ ними въ конвоѣ 1732 году въ СПБ.», 2) «Расходъ на дачи пріѣзжимъ изъ киргизъ—кайсацкой орды переводчику Маметю Тевкелеву 1733 году» и 3) Расходъ на киргизцевъ и башкирцевъ и при нихъ обрѣтающихся въ СПБ.—ѣ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1734-мъ году.

30. Въ № 43 тѣхъ же «вѣдомостей» А. И. Добросмысловъ по архивнымъ документамъ Тург. Обл. Правленія напечаталъ статью подъ заглавіемъ «Указъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Кириллову о расходахъ по присоединенію киргиз. степей къ Россіи».

31. Въ № 45 тѣхъ же «вѣдомостей» А. И. Добросмысловъ помѣстилъ «Указъ военной коллегіи Кириллову и Тевкелеву объ успѣшности переговоровъ съ калмыцкими владѣльцами» (отъ 30 дек. 1734 г.) и «Указъ военной коллегіи Кириллову о принятіи предосторожностей противъ набѣговъ киргизъ, каракалпаковъ и башкиръ и прекращеніи грабежей яицкихъ казаковъ» (отъ 10 декабря 1734 года).

32. Въ № 41 тѣхъ же «вѣдомостей» напечатано «Донесеніе генерала Апухтина Екатеринѣ II о киргиз. дѣлахъ, съ описаніемъ состоянія киргизъ—кайсацкаго народа Средней и Меньшей Ордъ» (отъ 16 сент. 1734 года).

33. Въ № 38 тѣхъ же «вѣдомостей» А. И. Добросмысловъ помѣстилъ «Указъ сената о разныхъ дѣлахъ по челобитьямъ башкиръ, тептерей, мещеряковъ, бобылей и киргизъ»; въ этомъ «Указѣ», писанномъ 5 іюня 1734 года, говорится о томъ, какъ упомянутые инородцы должны вла-

дѣть землею, заниматься рыбною ловлею и добываніемъ соли, судиться по своимъ законамъ, платить подать и пр.

34. Въ № 40 тѣхъ же «вѣдомостей» А. И. Добросмысловъ помѣстилъ «Жалобу башкиръ на татаръ, поселившихся на ихъ земляхъ» (отъ 19 сент. 1734 года)¹⁾.

Пензенская губернія.

35. Въ № 244 «Пензен. губ. вѣдомостей» священникъ А. Л. Любимовъ въ статьѣ «Дѣла давно минувшихъ дней» помѣстилъ на основаніи архива Саранской город. управы краткія свѣдѣнія о Каванско-Богородиц. монастырѣ Саранскаго уѣзда.

36. Въ № 254 тѣхъ же «вѣдомостей» начата печатаніемъ статья В. П. Попова «Матеріалы по исторіи, географіи и статистикѣ Пензенской губ. I. Рѣки Пензен. губ.».

Пермская губернія.

37. Въ № 249 «Пермск. губ. вѣдом.» помѣщена статья «Изъ пермской старины», посвященная 75-лѣтію посѣщенія Урала Императоромъ Александромъ I.

38. Въ № 224 тѣхъ же «вѣдомостей» напечатаны 2 статьи: 1) священника Іакова Шестакова «Столѣтіе Пермской епархіи» (1799—1899) и 2) А. А. Дмитриева «По поводу столѣтія Пермской епархіи». Въ этихъ 2 статьяхъ излагается исторія епархіи и дѣлаются нѣкоторыя поправки къ сочиненію дѣйств. члена Общ. Арх., Ист. и Этн. И. М. Покровскаго «Русскія епархіи».

39. Въ № 205 тѣхъ же «вѣдомостей» священникомъ Іаковымъ Шестаковымъ помѣщена грамота на построеніе церкви села Верхъ-Инвѣнскаго, данная епископомъ вятскимъ и великопермскимъ Амвросіемъ, отъ 6 октяб. 1796 года; эта церковь построена вмѣсто первой, сооруженной между 1700 и 1715 годами.

40. Тотъ же І. Шестаковъ въ №№ 226 и 227 «Перм. губ. вѣдом.» напечаталъ статью «Выдающіяся духовныя лица въ исторіи пермской епархіи» (къ чествованію 100-лѣтняго юбилея пермской епархіи).

¹⁾ Всѣ грамоты 1734 года, помѣщавшіяся А. И. Добросмысловымъ въ «Тургайскихъ областныхъ вѣдомостяхъ» за 1899 годъ, этимъ ученымъ вновь изданы вмѣстѣ въ I томѣ «Матеріаловъ по исторіи Россіи», вышедшемъ 1900 года въ г. Оренбургѣ (303 стр. 8°).

Тамбовская губернія.

41. На стр. 1168—1175 «Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» священникъ Іоаннъ Кобяковъ помѣстилъ «Краткую историческую записку о бывшемъ Старо-Кадомскомъ Троицкомъ мужскомъ монастырѣ (Темниковскаго уѣзда)», составленную на основаніи нѣсколькихъ сохранившихся древнихъ рукописей.

Ярославская губернія.

42. Въ № 279 газеты «Сѣверный Край» помѣщена статья подъ заглавіемъ «Торжественное засѣданіе Ярослав. Ученой Архив. Комиссіи 19 сент. 1899 года». Изъ статьи видно, что въ этомъ засѣданіи дѣйств. членъ Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскій произнесъ рѣчь «Великій князь Смоленскій и Ярославскій Ѳеодоръ Ростиславичъ Черный». Въ этой рѣчи г. Шпилевскій представилъ всѣ данныя о жизни и историч. дѣятельности Ѳеодора, умершаго 19 сент. 1299 года, и указалъ также объясненія русскими историками равныхъ событій времени Ѳеодора, выдающагося ярослав. князя и важнаго политическаго дѣятеля по отношенію ко всей Русской землѣ, умѣвшаго ограждать свое княжество отъ татаръ и междоусобицъ.

Западная Сибирь.

43. На стр. 404—413 № 21-го «Тобольскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» помѣщена статья «Христіанство среди инородцевъ Западной Сибири: до митрополита Филоея».

44. Въ № 94 «Забайкальскихъ областныхъ вѣдомостей» помѣщена статья, перепечатанная изъ «Сибирскаго Вѣстника», подъ заглавіемъ «Памяти Апостола Сибири» (по поводу 250-лѣтія рожденія Филоея Лещинскаго). Въ этой статьѣ приведена біографія Филоея Лещинскаго, проповѣдывавшаго христіанство среди самоѣдовъ, вогуловъ, остяковъ и киргизовъ.

45. Въ № 19 «Тобол. епарх. вѣдом.», на стр. 359—370, Н. Городковъ помѣстилъ статью «Тобольскій церковный соборъ при митрополитѣ Филоеѣ» (родившемся въ Малороссіи въ 1650 году). Тутъ говорится о томъ, какъ 6 дек. 1702 года былъ созванъ церковный соборъ въ г. Тобольскѣ и какія совѣщанія и рѣшенія (числомъ 51) на немъ состоялись.

Восточная Сибирь и Монголія.

46. Въ московскомъ журналѣ «Православный Благовѣстникъ» уже нѣсколько лѣтъ печатается сочиненіе «Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ», принадлежашее чл.-сопр. Общ. Арх., Ист. и Этн. Мелетію, епископу Рязанскому и Зарайскому (бывшему Якутскому).

47. Въ № 5 «Иркутскихъ епархіал. вѣдомостей» дѣйств. членъ Общ. Арх., Ист. и Этн. Н. О. Катановъ помѣстилъ грамоту Святителя Иннокентія Кульчицкаго, перваго самостоятельнаго Иркутскаго Епископа, отъ мая 1728 года. Этою грамотою іеромонахъ Наваинаилъ назначается настоятелемъ Нерчинскаго Успенскаго Монастыря, построенаго при Петрѣ I-омъ и закрытаго при Екатеринѣ II-ой.

Туркестанскій край.

48. Въ № 94 «Туркестан. вѣдомостей» дѣйств. членъ Общ. Арх., Ист. и Этн. Н. С. Лыкошинъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «Догадка о прошломъ Отрара», развалины котораго находятся въ 45 верстахъ отъ горъ Туркестана, баявъ впаденія р. Армыса въ Сыръ-дарью.

49. Въ тѣхъ же «вѣдомостяхъ» съ № 68-го начата печатаніемъ обширная статья, подъ заглавіемъ «Народное образованіе въ Туркестанскомъ краѣ». Въ этомъ историко-статистическомъ очеркѣ говорится о числѣ туземцевъ въ русско-туземныхъ школахъ, о ремеслахъ въ школахъ, о ходѣ преподаванія наукъ и ремеслъ и пр.

50. Въ 12-мъ выпускѣ «Извѣстій Оренбург. отдѣла Император. Русскаго Географ. Общества» И. И. Крафтъ на стр. 1—59 помѣстилъ статью «Принятіе киргизами русскаго подданства», которая во второй разъ была напечатана на стр. 298—372 «Памятной книжки Тургайской области 1899 года».

III. Этнографія.

Общія свѣдѣнія.

51. Въ №№ 2106, 2092 и 2150 «Казанскаго Телеграфа» дѣйств. членъ Общ. Арх., Ист. и Этн. Н. О. Катановъ помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ «Изъ области народныхъ примѣтъ татаръ-мусульманъ. 15 примѣтъ на мѣсяца октябрь, ноябрь и декабрь».

52. Въ № 2119 той же газеты дѣйств. членъ Общ. Арх., Ист. и Этн. Н. О. Катановъ помѣстилъ замѣтку «Вліяніе мѣсяцевъ октября и ноября на здоровье врослага и судьбу новорожденнаго по книгамъ татаръ-мусульманъ».

53. Въ №№ 199—202 «Пензен. губерн. вѣдомостей» перепечатана изъ «Правительственнаго Вѣстника» статья «Сентябрь — мѣсяцъ въ народной Руси».

54. Въ №№ 216—223 тѣхъ же «вѣдомостей» изъ «Правит. Вѣстн.» перепечатана и др. статья «Октябрь—мѣсяцъ въ народной Руси», въ которой говорится о томъ, какъ проводили этотъ мѣсяцъ въ древней Руси и какія примѣты соединяли съ различными сго днями.

Вятская губернія.

55. Въ № 119 «Вятскихъ губерн. вѣдомостей» говорится о кровавыхъ жертвоприношеніяхъ у черемисъ Яранскаго уѣзда Вятской губ. и объ обращеніи 5 язычниковъ черемисъ въ христіанство.

Казанская губернія.

56. Въ № 39 «Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей» изъ газеты «Сынъ Отечества» перепечатана легенда о томъ, какъ одинъ казанскій мулла проигралъ архимандриту Зилантова монастыря въ карты единственную свою дочь, 15-лѣтнюю красавицу, и какъ эта красавица превратилась въ небольшого каменнаго ангела.

57. Въ № 2095 «Казанскаго Телеграфа» помѣщена статья неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ «Лихорадка по понятіямъ и вѣрованіямъ Казанскихъ вотяковъ».

Кіевская губернія.

58. Въ № 216 «Пермск. губ. вѣдом.» перепечатанъ изъ «Сына Отечества» текстъ заговора, употребляемаго въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіев. губ. надъ больными скарлатиной.

Кубанская область.

59. На стр. 7—11 вып. I «Извѣстій Общества любителей изученія Кубан. обл.» помѣщена статья А. Н. Дьячкова-Тарасова «О задачахъ этнографіи въ дѣлѣ изученія горскихъ племенъ Кубан. обл.».

Нижегородская губернія.

60. Въ №№ 38—52 и слѣд. «Нижегород. губ. вѣд.» Н. Анне—въ описываетъ свадебные обряды въ селѣ «Васильскомъ (Головинѣ) Макарьевск. у. Нижегород. губ.».

Оренбургская губ. и Тургайская обл.

61. Въ №№ 50 и 51 «Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей» И. И. Крафтъ напечаталъ 14 киргиз. пословицъ о рабѣ и статью «Уничтоженіе рабства въ киргиз. степи», читанную 28 окт. 1899 года въ СПБ. Археологическомъ Институтѣ. Эта статья перепечатана въ № 266-мъ «Сибир. Вѣстника»—4 дек. 1899 года и на стр. 94—107 книги И. И. Крафта «Изъ киргизской старины. Оренб., 1900» (157 стр. 8^о).

62. На стр. 145—297 «Памятной книжки Тургайской области 1899 г.» В. В. Катаринскій напечаталъ «Сборникъ киргизскихъ пословицъ», въ-

которомъ помѣщено 1715 пословицъ, разсортированныхъ по содержанію на 21 группу. Этотъ сборникъ выпущенъ и отдѣльною книгою.

63. Въ № 37 «Оренбургскаго Листка» помѣщена статья дѣйств. члена Общ. Арх., Ист. и Этн. А. Е. Алекторова подъ заглавіемъ «Кесене». Тутъ приводится киргиз. преданіе о Кесене, дочери могучаго хана Аль-Кавара, отличавшейся необыкновенной красотой, и описывается кирпичная башня, поставленная надъ ея могилой и находящаяся теперь близъ поселка Варнинскаго, на новой Оренбург. линіи, верстахъ въ 3—4 отъ поселка.

64. Въ № 46 «Тург. обл. вѣд.» со словъ Г. А. Туркяна, помѣщенныхъ въ «Уральской жизни», разсказывается о вымираніи башкиръ въ Челябинскомъ уѣздѣ Оренбург. губ.

65. Въ № 41 тѣхъ-же «вѣдомостей» А. Кобловъ помѣстилъ статью, подъ заглавіемъ «Въ виду предстоящихъ реформъ въ управленіи и устройствѣ быта киргизовъ».

66. На стр. 95—103 вып. 13-го «Извѣстій Оренбург. Отдѣла Императ. Рус. Географич. Общества» А. И. Добросмысловъ напечаталъ статью «Киргизскія издѣлія изъ шерсти и волоса», иллюстрированную таблицами. Эта статья выходила также отдѣльною брошюрою, какъ оттискъ изъ «Памятной книжки Тургайской обл. 1899 г.», гдѣ она помѣщена на стр. 1—10.

Пензенская губернія.

67. Въ №№ 258—271 «Пензен. губ. вѣдом.» начата перепечатываніемъ изъ «Пензен. епарх. вѣдом.» статья подъ заглавіемъ «Иностранческое населеніе Пензенской епархіи (мордва, мещера и татары) и его образованіе».

Пермская губернія.

68. Въ № 219 «Перм. губ. вѣдом.» В. Сабуровъ напечаталъ статью «На скотскомъ праздникѣ (жертвоприношенія пермяковъ)». Авторъ описываетъ проводы дня св. Флора и Лавра въ дер. Кочѣ Юксѣев. волости Чердынскаго у. Перм. губ. и жертвоприношеніе, совершаемое обществомъ пермяковъ.

69. На стр. 26—46 вып. 13-го «Извѣстій Оренб. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.» Петръ Богоявленскій напечаталъ 32 пѣсни, собранныя въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губ.: на заводѣ Кушва и въ дер. Мостовой.

70. На стр. 47—94 тѣхъ же «Извѣстій» Петръ Богоявленскій помѣстилъ «Перечень словъ и выраженій, употребляемыхъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ Перм. губ.».

71. Въ № 205 «Пермскихъ губ. вѣдом.» помѣщена статья священника Іакова Шестакова подъ заглавіемъ «Глухіе уголки Пермской губерніи». Въ этой статьѣ приводятся: 1) наставленія о томъ, какъ съ помощью топоровѣшанія избавиться отъ той или другой болѣзни; 2) заговоры на присуху, на лѣсовню, на рыбную ловлю и на останавливаніе крови; 3) заговоры отъ ногтя, колдуна и злодѣевъ, отъ суда, на излеченіе человѣка, заговоръ

отъ ружья, заговоръ коновала на жеребца и 4) три пѣсни. Всѣ эти заговоры, пѣсни и повѣрья авторъ слышалъ въ приходѣ села Верхъ-Иньвенскаго.

72. Въ приложеніи къ № 131 «Вятскихъ губ. вѣдомостей» со словъ «Уральской жизни» описаны народные способы леченія дѣтей—рахитиковъ на Уралѣ, посредствомъ сажанія ребенка въ печь и разговора между матерью и знахаркой-бабушкой.

Финляндія.

73. На стр. 7—98 «Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja», тома XVI, помѣщена статья Ильмари Крона, подъ заглавіемъ «Ueber die Art und Entstehung der geistlichen Volksmelodien in Finland»; статья иллюстрирована 11-ю номерами нотъ.

Западная Сибирь.

74. Въ № 71 «Сибирскаго Листка» разсказывается о томъ, какъ нѣкій Назаровъ культивировалъ въ гор. Курганѣ Тоб. губ. тутовое дерево и скордонеръ и какъ онъ выкормилъ шелковичныхъ червей, чтобы добыть изъ нихъ шелкъ. У г. Назарова коконы уже вполне готовы, и шолкъ вышелъ высокаго качества.

Восточная Сибирь.

75. Въ № 255 «Сибирскаго Вѣстника» Г. помѣстилъ статью «Итоги якутской экспедиціи», въ которой касается всего, что собрано этой экспедиціей по изслѣдованію быта и языка якутовъ, юкагирь, тунгусовъ, чукчей и ламутовъ.

76. Въ № 115 «Забайкальскихъ областныхъ вѣдомостей» помѣщено «Описаніе охоты, производимой ороченами и тунгузами въ Забайкальской области съ октября до марта».

77. Въ №№ 156, 236 и 241 «Сибирскаго Вѣстника» помѣщена статья «Буряты Иркутской губерніи наканунѣ кореннаго измѣненія ихъ быта».

78. Въ № 193 «Восточнаго Обзорѣнія» Влад. Комаровскій напечаталъ статью, подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о положеніи орочень». Статья эта вызвана корреспонденціею изъ Баргузинской тайги въ № 184 «Восточнаго Обзорѣнія» о бѣдственномъ положеніи орочень, бродящихъ по тайгѣ. Въ своей статьѣ В. Комаровскій говоритъ: о жилищахъ и ихъ обстановкѣ, объ охотѣ, о золотопромышленникахъ и торговцахъ близъ орочень, о бѣдственномъ положеніи этихъ инородцевъ и пр.

79. На стр. 29—34 № 17-го «Православнаго Благовѣстника» и предыдущихъ номерахъ этого журнала помѣщена статья священника П. Ляховскаго «Изъ дневника гольдскаго миссіонера (камчатской миссіи) за 1898 г.».

80. Въ № 18 того же журнала помѣщена статья І. М. П. «Типы бурятъ».

Туркестанскій край.

81. Въ № 92 «Туркестанскихъ вѣдомостей» Н. Джетбысбаевъ напечаталъ киргиз. легенду о святомъ Хорхутъ-Ауліз, маваръ котораго находится невдалекѣ отъ форта Кармакчей на правомъ берегу р. Сыръ-дарья.

82. Въ № 95 тѣхъ-же «вѣдомостей» А. Нурджановъ въ корреспонденціи изъ г. Копала Семирѣчен. обл. описываетъ киргиз. поминки и бѣга лошадей и опредѣляетъ стоимость тѣхъ и другихъ.

83. Въ № 82 тѣхъ-же «вѣдомостей» помѣщена статья «Мусульманство среди киргизъ».

84. Въ № 43 «Туркестанской Туземной Газеты» на сарг. языкѣ напечатана статья «О баксахъ киргизскихъ».

85. Въ № 88 «Туркестанскихъ вѣдомостей» Д. Н. Джетбысбаевъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ киргизское преданіе о рвѣ Тамерлана, находящемся въ 6 верстахъ отъ Алтынъ-Эмельской станціи (Семирѣчен. обл.).

Китайскій Туркестанъ.

86. Въ № 82 «Туркестанскихъ вѣдомостей» напечатана замѣтка «Торговля сдѣлки между Восточнымъ Туркестаномъ и Россіей». Замѣтка перепечатана изъ «СПБ. Вѣдом.»; въ ней описываются торговые пункты Китайскаго Туркестана и всѣ вращающіеся на нихъ денежные знаки: тенги, чохи, ямбы, русскіе рубли и англо-индійскія рупіи.

Монголія.

87. Въ № 202 «Восточнаго Обзорѣнія» описана вкратцѣ экспедиція Г. Н. Потанина, совершенная въ 1899 году въ восточную часть Монголіи къ монгольскимъ племенамъ: баргутамъ, халхасцамъ, увумучинамъ, харчинамъ и джарутамъ.

Дѣйств. членъ Общества Н. Катановъ.

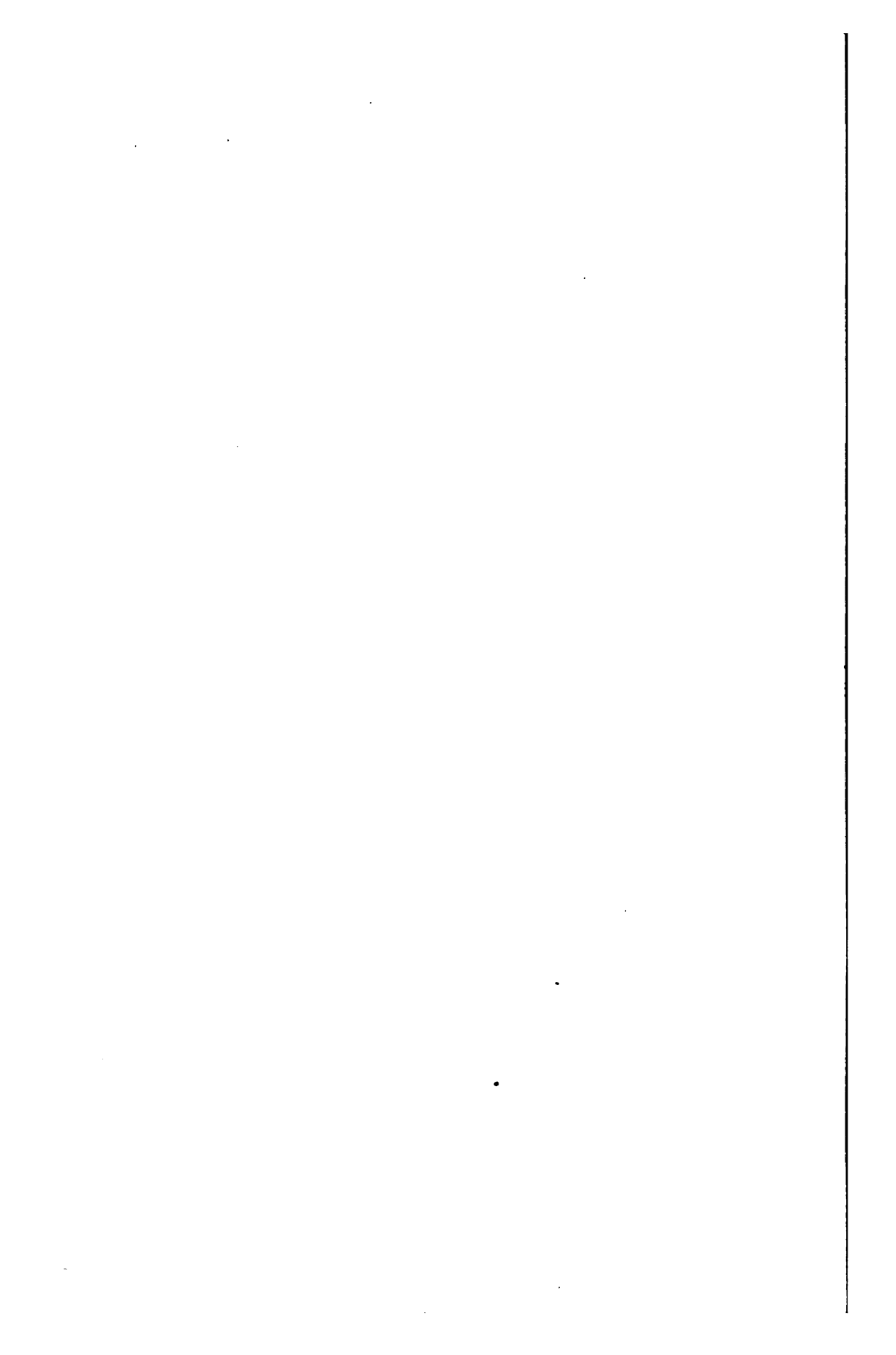
Прибавленіє къ замѣтнѣ объ изслѣдованіи С. Л. Пташицнаго.

Въ предыдущемъ выпускѣ «Извѣстій» было сообщено ¹⁾ о результатахъ филологическаго изслѣдованія собственноручнаго письма Лжедмитрія I-го С. Л. Пташицкимъ и И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ, причѣмъ о послѣднемъ упоминалось только по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ г. Пташицкимъ изъ протоколовъ Краковской Академіи Наукъ; въ настоящее время можемъ прибавить, что изслѣдованіе г. Бодуэна-де-Куртенэ напечатано въ изданіи «Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział filologiczny. Serya II. Tom XIV. W Krakowie 1899», стр. 183—213, подъ заглавіемъ: «Strona językowa oryginału polskiego listu «Dymitra Samozwańca» do papieża Klemensa VIII-ego z dnia 24 kwietnia roku 1604». Изъ этой статьи узнаемъ, между прочимъ, что проф. А. И. Соболевскій считаетъ почеркъ разбираемаго документа *московскимъ* (стр. 184).

6 марта 1900.

Н. П.

¹⁾ См. стр. 255—256.

ناشلا دی لار آلا ر چیغوب کینکاج بو کل نازک طون آستنه کروب ینه
یاندی بولار ایوکا کردی لار بولار کرکاج کل نازک یوقودان اویانغان کبک
بولوب کیرولدی صوزولدی ده آی های دیو دوست ایونک بیک طنج سز
ایکان توشام دان اوسنومه اله بت اله تاراقان توشدی یات کشی بولسه نکز
ایونک زنی قایا قویار ایدم اوزنک زنی قایا قویار ایدم الده دوست لاق
حقی بار دیدی مونی ایشنوب دیوناغی بیکراک شورلادی بوکل نازک دان
آیرولوب فالورغده قورقدی ایتدی ایده کل نازک دوست من سنی
ایونکا چاقلی اوزاتوب قوییم دیدی کل نازک یارار دیب برکا چیغوب
کیتدی لار کل نازک ننگ ایوینه باروب یتدی لار کل نازک ایتدی دیو
دوست سن مونده توروب تور من ایوکا کروب ایتیم خانوم ایونی
آزراق جیوشدرسون دیب ایوینه کردی دیو ایشک توبنده قالدی کل
نازک ایتدی خاتوننه بر قوناق آلوب کیلدم من سن دان صورارمن
قوناقه آشارغه کینور دیب سن منکا اوچ ایتکوچه جواب بیرمه تیک
تور من اوچ تابفور ایتکاج سن ایت منکا قوناق آلدینه کینورورکا بر
نرسمزده بوقلابا صا دیکن من ایتورمن کیچه کی دیوننگ باشین اوچونچی
کونکی دیوننگ توشین کینور دیب اینورمن دیب خاتونین اوبرانوب
قوییدی ده دیونی ایوکا آلوب کردی دیونی اونورندی خاتوننه ایتدی
قایا قوناقه نی بار آشارغه دیدی اوچ تابفور ایتکوچه خاتونی تیک
توردی اوچ ایتکاج خاتونی ایتدی قوناقه نوکل اوزمزکا یوق آشارغه
نیچه کوندان بیرلی بالابز چاغاز برلان آچ تورابز دیدی کل نازک ایتدی
نیک بولماسقه بارلابا صا کیچه کی دیوننگ باشین اوچونچی کونکی دیوننگ
توشین کینور دیدی دیو پری مونی ایشکاج ایو پوچماغین کوناروب
چیغوب چاقدی قاچوب بارغانده دیوکا بر تولکی اوچراد دیو صولوقابوب
مشغلات باراتولکی ایتدی دیوکا نی حال دیو دوست قایا باردنک دیدی
دیو ایتدی توقتا توقتا سویلاشدرمه خراب بولایازدم دیدی تولکی ایتدی

نيك نيك بونی بولدی سنكا دیدی دیومونا شولای شولای اش بولدی دیب
تولکی کا سویلا کاندان صونک نولکی ایندی ای دیو دوست سن آندان
یوقه فورقاسن اول کل نازک بیک یواش کشی آنک قولوندان بر
نرسده کیلمای من کیچه آنک اون ناوغین آشاب کیندم ایده باروب
ناغی ده ناوقلارین آشیق دیب کیری فایتوب کیندی کل نازک ایوینه تابا کل
نازک مونی ایشتوب توردی ده قچقردی تولکی کا ایده ایده تولکی دوست
کیل تیزراک خیر یالغانچی ایکان سن ایکی دیو کینورما کچی بولوب کیچه
اون ناوغینی آشاب کینکان ایدنک آلی برکنه دیو کینوراسن ایمش کینور
کینور تیزراک بو کون کا برسی ده یتوب تورور برسین ناغی ده ایرته
کینورورسن دیدی دیومونی ایشتکاج ایندی تولکی کا ای تولکی دوست
اشانغانم سن ایدنک سن منی صانارغه آلوب باراسن ایمش دیب تولکی ننگ
قویروغندان توندی ده کوناروب یرکا بردی تولکی بیچاره ننگ سویاک
صاناغی کل بولدی جانی چیغدی دیو قاچوب کیندی کل نازک چیغوب
تولکی نی نوناب تیریسین بازارغه چیغاروب صاندی ده ایکماک آلدی آج
ناماغبین توبدری .

Въ прежнее время жилъ одинъ очень бѣдный человекъ,
по имени Гюль-Назымъ ¹⁾). Онъ былъ бѣдѣе самого чорта,
а дѣтей у него было много. Самъ Гюль-Назымъ былъ бездѣль-
никъ и очень лѣнивый человекъ. Онъ не могъ переносить
своей бѣдности и, выйдя изъ дому, убѣжалъ. Согнувъ тальни-
ковый пруть, онъ сдѣлалъ лукъ, а настрогавъ лучинъ, онъ
надѣлалъ и стрѣлъ и ушелъ. Зашелъ онъ въ одинъ лѣсъ, и
тамъ ему встрѣтился дивъ-пера ²⁾). Гюль-Назымъ очень испу-
гался, увидавъ его: „брр“—задрожалъ онъ. „Какъ теперь мнѣ
спасти отъ него?“ сказалъ онъ. Пова онъ стоялъ, размыш-

¹⁾ Слово персидское—Нѣжная Роза.

²⁾ Нечистый духъ (съ персидск.),—см. ниже.

ляя объ этомъ, дивъ-пери подошелъ къ нему.—„Скажи мнѣ, спросилъ онъ, что ты за человѣкъ и по какому дѣлу ты здѣсь ходишь?“ Гюль-Назыкъ отвѣтилъ: „я охотникъ и вышелъ поохотиться на дичь“.—„А что у тебя въ рукавѣ?“ спросилъ дивъ. Гюль-Назыкъ отвѣтилъ: „стрѣла съ лукомъ; я вышелъ, прибавилъ онъ, чтобы стрѣлять и убивать дивовъ“. Услышавъ это, дивъ испугался, отъ страха вздулся подобно стогу сѣна и сталъ визжать.—„Ну, сказалъ онъ Гюль-Назыку, будь мнѣ другомъ и гостемъ! Я угощу и отпущу тебя!“ Услыхавъ это, Гюль-Назыкъ испугался еще больше: онъ боится и съ дивомъ итти, боится и оставаться, но все-таки онъ пошелъ вслѣдъ за дивомъ. Они пришли въ домъ дива. Тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ. Дивъ этотъ хорошо угостилъ Гюль-Назыка и приготовилъ ему постель. Гюль-Назыкъ легъ, но не спитъ, однако, онъ лежитъ, какъ-будто заснувъ, думая, что-то будетъ. Дивъ между тѣмъ сказалъ своей женѣ:—„ну, жена! на нашу голову пришла бѣда; надо какъ нибудь спастись отъ нея!“ И они размышляли очень долго. Жена его сказала: „когда этотъ человѣкъ уснетъ, мы принесемъ камень и положимъ на него; камень раздавить и убьетъ его, а когда разсвѣтаетъ, мы выбросимъ“. Гюль-Назыкъ, слыша это, лежитъ, какъ-будто спитъ, но прислушивается къ этимъ словамъ. Послѣ того какъ настала ночь, дивъ съ женой вышли изъ дома за камнемъ, а тѣмъ временемъ Гюль-Назыкъ всталъ съ постели, положилъ на нее полѣнья, а сверху покрылъ шубой, сдѣлавъ все такъ, какъ будто-бы лежалъ человѣкъ; самъ же сталъ за печкой. Тѣ подняли камень, вошли, внесли его и положили; полѣнья, находившіяся подъ шубою, затрещали и искрошились, а они затѣмъ тотчасъ-же снова вынесли и выбросили этотъ камень. Когда они вышли, Гюль-Назыкъ снова легъ подъ шубу, а тѣ опять вошли въ дсмъ. Когда они вошли, Гюль-Назыкъ какъ будто-бы проснулся, изогнулся, потянулся и сказалъ: „ай, ай, дивъ-другъ! твой домъ очень безпокоенъ: сверху съ потолка, на меня что-то упало: либо вошь, либо тараванъ. Если-бы вы были чужимъ человѣкомъ, я-бы куда

дѣлъ и домъ вашъ и васъ самихъ! Но теперь есть долгъ дружбы“. Такъ онъ сказалъ. Дивъ, услышавъ это, еще сильнѣе задрожалъ и со страхомъ думалъ, какъ-бы развязаться съ Гюль-Назыкомъ. Онъ сказалъ: „ну, другъ Гюль-Назыкъ, я тебя провожу до дому“.—„Ладно“, отвѣчалъ Гюль-Назыкъ, и они вмѣстѣ вышли и дошли до дома Гюль-Назыка. Гюль-Назыкъ сказалъ: „дивъ другъ, ты постой, подожди здѣсь: я схожу и скажу женѣ, чтобы она привела немного въ порядокъ домъ для гостя“. Гюль-Назыкъ вошелъ въ домъ, а дивъ остался у дверей. Гюль-Назыкъ пошелъ къ женѣ и сказалъ: „я привелъ къ тебѣ гостя. Когда я спрошу у тебя принести поѣсть гостю, то ты стой и молчи; не давай отвѣта, пока я не спрошу до трехъ разъ. Когда же я скажу въ третій разъ, то ты мнѣ скажи: у насъ нечего принести для гостя. Тогда я скажу тебѣ принести голову вчерашняго дива и грудь третьягодняшняго“. Онъ ввелъ дива въ домъ, посадилъ и сказалъ женѣ: „нѣтъ ли гдѣ чего-нибудь поѣсть гостю?“ И пока онъ спрашивалъ ее до трехъ разъ, жена его молчала; когда же онъ въ третій разъ спросилъ, жена сказала:—„нѣтъ ничего для гостя: самимъ нечего ѣсть уже нѣсколько дней, и дѣти наши сидятъ голодными“. Гюль-Назыкъ сказалъ: „почему бы не быть? Конечно, есть! Принеси-ка голову вчерашняго дива и грудь третьягодняшняго“. Услыхавъ это, дивъ поднялъ уголь дома и убѣжалъ.

Когда дивъ шелъ, ему встрѣтилась лисица, а дивъ идетъ, жуя во рту овесъ. Лисица говоритъ диву: „какъ дѣла, другъ дивъ? Куда ты ходилъ?“—„Стой, стой, лисица, сказалъ дивъ, не говори,—меня едва было не погубили!“—„Какъ, какъ? спросила лисица, что случилось съ тобой?“ Когда дивъ рассказалъ лисицѣ, что дѣло было такъ и такъ, лисица сказала:—„ахъ, другъ дивъ! ты его не бойся: Гюль-Назыкъ очень смиренный человѣкъ; онъ ничего не сдѣлаетъ. Я вчера у него съѣла десять курицъ. Ну, пойдемъ опять,—будемъ ѣсть его курь!“ Они воротились въ домъ Гюль-Назыка. Гюль-Назыкъ же услышалъ это и закричалъ лисицѣ: „ну-же, дружокъ лисица,

иди скорѣе! Ты, оказывается, обманщица: ты должна, вѣдь, привести двухъ дивовъ; за это вчера и съѣла десять курицъ и ушла, а привела только одного дива; иди, иди скорѣе! На этотъ день и одного будетъ, а другого приведешь утромъ“. Услыхавъ это, дивъ свазаль лисицѣ: „ну, лисица! я надѣялся, что ты мнѣ другъ, а ты повела меня продавать!“ схватилъ лисицу за хвостъ и ударилъ объ землю. Кости и суставы бѣдняжки лисицы превратились въ прахъ, и она испустила духъ. Дивъ убѣжалъ. Гюль-Назыкъ же вышелъ, содралъ шкуру и, выйдя на базаръ, продалъ ее. Онъ купилъ хлѣба и насытилъ голодный желудокъ.

Сназна пятая: **بايدى**—Байдынъ.

Куптѣн-төгѣл Тубѣн-Шырланда Байдикъ дигѣн кѣшѣ барыжы. Бѣр кѣн байтакъ кѣшѣлѣр-бѣлѣн цулга чыктылар. Бара-тѣрзагъ, бѣр идѣлгѣ цѣтѣлѣр. Иптѣшлѣрѣ-бѣлѣн бѣр байнынъ бѣдаѣ тѣжѣгѣн кѣмѣсѣн цыракъ калага итмѣкчѣ булып, бѣдаѣ тѣжѣгѣн кѣмѣ-бѣлѣн кѣтѣлѣр. Бара-тѣрзагъ, Байдиккѣ аурѣ тѣжѣп, сѣ цакасына чыгарып, ташладылар. Байдикъ мѣскѣн цылый, цылый цатканда, Байдикѣнѣ катына икѣ каракъ кѣлѣ: „Сѣн мында нѣшлѣп цатасын?“ дѣп, Байдикѣнѣ бѣв куркыттылар, „ѣйдѣ бѣзгѣ цулдаш бул!“ дѣп, кѣчлѣп алып кѣтѣлѣр. Бара-тѣрзагъ, кѣч булды. Бѣр аулга цѣтѣлѣр. Бѣр байнынъ кѣлѣтѣн басмакчы булып, кѣлѣт тѣбѣсѣн ачтылар. Байдикѣнѣ аркан-бѣлѣн бѣйлѣп, кѣлѣткѣ тѣшѣрѣп-цѣбѣрдѣлѣр. Байдикъ кѣлѣттѣ нѣй нѣрсѣ тапса барысы бирѣп бѣтѣрдѣ; бѣтѣргѣч, ѣзѣн бѣйлѣп, иптѣшлѣрѣнѣ кычкырды „тартыгъыз!“ дѣп. Иптѣшлѣрѣ тартып чыгаргъанда Байдикъ икѣнѣ бѣлѣгѣч, арканны кѣсѣп-цѣбѣрдѣлѣр-дѣ ѣзлѣрѣ кѣтѣлѣр. Байдикъ кѣлѣттѣ калды. Байдикъ мѣскѣн нѣшлѣргѣ бѣлмѣжѣнчѣ атырап тѣрзагда, бѣр кѣсмѣктѣ бѣрчѣк ѣнѣ бар-икѣн, аны тапты. Бѣрчѣк ѣнѣн тѣкѣрѣк-бѣлѣн тѣкѣрѣ тѣкѣрѣ цѣѣшлѣп, ѣч цѣмарлакъ цасады-дѣ ишѣ цѣнагъына сѣжѣлѣп, саклап тѣрдѣ. Кѣн цактырзагъ, бѣр катын кѣлѣткѣ кѣлѣп, ишѣнѣ ачканда, икѣ цѣмарлакъ ѣнѣн катынынъ икѣ кѣзѣнѣ атып, ѣзѣ кѣлѣттѣн чыгып качты.

Катын күзүн төтөп, ылый калды. Байдик шул китүдөн китти. Бир аулға барып үитти. Бир өйгө кјрдј, сәләм бирдј. Өйдә бары бир аурү катын бар-ыжы. Ул катын Байдиккә айтти: „чакшы киләсјн, туганым! сјнјң карның ачкандыр, мына аша!“ дјп, Байдик алдына ак битлј пјрәмәч кјтирдј. Байдик ашап туйды. Аннан-суң катын айтти: „Мин бала табарға кыстылып чатамын! кјршј аулда минјм анам бардыр! шул анамны алып кил-сәнә, туганым!“ дјп, үибәрдј. Байдик шул аулға барды, „әйдә, әбјй, кызың чакырды сјнј!“ дјп, катынның авасын алып чыкты. Цәјәү килә килә, карчык арыды. Байдик күтәрјп, килә башлады. Байдик-тә бара-төрүзәч арыды; арызач, „әбјй, индј азырак чал итјјим!“ дјп, карчыкны бир тунгәк өстөнә утырткан-ыжы, көжөзә тап килјп, әбјй көжөзә төштө китти. „Индј тјгј катынға нјй итјргә кјрәк?“ дјп, Байдик чул бузынча исәп итјп кайтты. Кайтып үиткәч, айтти катынға: „Цук, ул әбјй килмәдј, мин сјнј танымыймын!“ дјп, миңа ышанмады, „Бар, чынныкка кызымның бир нәрсәсјн алып-ки!“ дјп, минј кайтарып үибәрдј!“ дидј. Алай дигәч, бу катын алтын көмөш тәңкәдән часаған хаситәсјн бирдј, „мына минјм хаситәмни итјп күрсәтсән, килјр!“ дјп, Байдикнј чаңадан үибәрдј. Байдик хаситәнј алып, үз чулына китти, катын әлј булса көтөп-төрә. Аннан-суң Байдик байтак үир киткәч, кич булды, бир аулға үитти. Төннө бир өйдә ут чактысын күрјп, көймаға мјнјп, атланды. Ишкә алдында караулчылары бар-ыжы, „карак килдј!“ дјп, Байдикнј бөтөннан төтөп, көймадан тартып, төшөрдөләр, Байдикнј кыйнадылар; кыйнадылар-да бир мичкәгә салып, мичкәннј аузын кадаклап, бир тјрән чөкөрүзә итјп ташладылар. Бјјк тау башыннан мичкәнј тугәрәтјп үибәрдјләр. Байдик мјскјн мичкә јчјндә тугәрәп бара бара, мјј төнөп, бир аз чан тарткач, кјсәсјннән пәкјсјн чызарып, мичкәнј пәкј-бјлән уја уја, кул сымарлык тшкј часады. Аннан-суң тыңнап караса, әјүлар, бүрјләр мичкә тјрәсјндә иснәп үөрөйләр. Мичкә тјрәсјндә әйләнјп үөрөй төрүзәч, бир бүрјннј көйрөзө мичкә јчнә кјрдј. Байдик бүрјннј көйрөзөн кулы-бјлән чырнап төт төдә „ix“! дјп, кычкырды. Бүрј шул куркүдан мичкәннј көйрөзө-бјлән сөрәп чабып китти. Чабып бара-төрүзәч, мичкә бир

түңгәккә јләгип, мичкә таркалып-китті, бүрјнің-дә көйрөзө шарт итјп өзөлдө. Бүрј качты, Байдјк көтөлдө. Байдјк күзјн ачып караса, үзјн бјр урман јчјндә күрдј, төннө караңгы, әлј таң атканы цук. Байдјк бүрј таушларын јштјп, „былар мјнј мында бјтјрәләр!“ дјп, куркып, бјр зур имән башына мјнлј. „Мында таң аткынча утырыјым!“ дјп төрәнда, имән-нјң јчј кұыш-ивән, төштө, китті, кұышның төбөнә цитті, ажа-дына цөмшәк тјйдј. Кабалап караса бал имән төбөндә туп-тулы. Балны туйдынча ашады. Таң атты, көн булды. „Индј мыннан нјчк чыдармын?“ дјп, исәп итјп төрәнда, цуңары-та-ба башын күтәрјп караса бјр ајү арты-бјлән имән јчјнә тө-шөп килә, кјшј барын сизмјй Төшөп цитәрәк, Байдјк ајүның арт бөтөн бјк нык төтөп, ачы тауш-бјлән кыч-кырды. Шул куркүдан ајү имән јчјнән үрмәләп, имән башына барып цитті. Байдјк-тә ајү бөтөнә цабышып, имән түбәсјнә чыкты. Ајү имән түбәсјнән үз буын үзј атты-да үлдј, Байдјк имән түбәсјндә калды. Акырынап имән тү-бәсјнән төштө, ајүны тунады-да тјрјсјн күтәрјп китті. Бара-төрдәч, бјр цулға чыкты, күрдј: цулда байтак кјшјләр килә. „Сјз кай цаклар?“ дјп, сөрәшканнан-суң аларға ајү тјрјсјн бјрјп, үз аулына-чаклы утырып кайтты. Цаз көнө киткән-јјј, көз көнө кар цауа башлаңач кайтты. Бу Байдјк дус иш бј-лән күрјшкәннән-суң, „ индј бјр бәйрәм цасыјым-чы!“ дјп, күп ашлар әзјрләдј. Бајағы катынның хаситәсјнән нјй чаклы алтын көмөш чыкты. Цәнә икјнч’аулда Байдјкнјң анасы бар-нјы, аны алырға китті. Ул көн цаңа-дына кар цауңан-нјы, утын чанасы цјгјп китті. Аның анасы бјк карчык кјш’-јјј, анасына бјк зур тун кјјртјп, чанасына утыртты. Ул тунның итәкләрј чананың цак цағыннан цјчән-кјбјк сөрәлјп кайтты. Бјләсјз, утын чанасы шулай була. Бу Байдјк барған аулда ул көннө цјчән цујалған-ивән. Мына Байдјкнјң артыннан-ук басып килдјләр төннө-бјлән. „Мына цјчән чанасы мында кјр-гән!“ дјп, Байдјкнј төтөләр. Байдјк бајағы алтын тәңкәләр-нј бјрјп, көтөлөп-калды. „Ах, бу тун мјңа зыјан китјрдј!“ дјп, ул тунны утка атты. Ул тјрј тун булса кјрәк. Утта ца-нып, дуңдыз бөрнө-кјбјк булып бөрөштө-дә Байдјк аны читән

башына чыңарып, ілді. Ұана бір аулда ул көн дүңғыз ұуал-
дан-ікән. Төннө киліп, чітән башыннан дүңғыз бөрнө-күбү
нәрсә таптылар. „Мына бу дүңғыз башы-дыр!“ дiп, Байдiкнi
төтөп, байладiләр. Байдiк Ұана бајағыз хаситә дән сүтiб-алған
алтын таңкаләрнi барысын бiрiп мiң балә-бiлән көчкә көтөлөп-
калды. Байдiк мiсвiн үклыкка чылай алмиҗынча, бајағыз ка-
тынның хаситәсiн үрлап, кайткан-ыҗ; барысын әрәм-тәрәм
iтiп бiтiрдi.

Шуның-өчөн айткәннәр: „Ырыкныкы шырыкка“ дiп, ам †
дөрөс: ырыкныкы шырыкка иттi.

كوبدان توكل توبان شردانده بايدك ديسان كشي بار ايدى بر كون
بايناق كيشى لى برلان يولغه چيقتيلار بارا نورغاج بر ايدى لكا يندى لى
ايداش لى برلان بر باينك بوغداى تويان كان كيمه سين يراق فالاغه
ايلتماكچى بولوب بوغداى تويان كان كيمه برلان كيندى لار بارا نورغاج
بايدى ككا آورو تيوب صو ياقاسنه چيفاروب تاشلادى لار بايدى ك مسكين
جىلاى جىلاى ياتقانده بايدى ك ننگ قاتنه ايكي قاراق كىلدى سن موندە
نيشلاب ياتاسن ديب بايدى كنى بىك قورقوندى لار ايدە بىزكا يولداش
بول ديب كوچلاب آلوب كيندى لى بارا نورغاج كىچ بولدى بر اولغه
يندى لى بر باينك كلاتين باسماغى بولوب كلات توبه سين آچدى لار
بايدى كنى آرقان بيلان بىتاب كلانكا توشروب بىباردى لى بايدى ك كلانده نى
نرسە تابسه بارىسين بىيروب بتوردى بتوركاج اوزين بىلاب ايداش لى رينه
قچتردى تارتونكز ديب ايداش لى نارتوب چيفارغانده بايدى ك ايكائين
بلكاج آرقان نى كىسوب بىباردى لردە اوزلىرى كيندى لى بايدى ك كلانده
قالدى بايدى ك مسكين نيشلاركا بلماينچە آبدوراب تورغانده بركىسه كده
بورچاق اونى بار ايسكان آنى تابدى بورچاق اونون توكروك بىرلان
توكوره توكوره يووشلاب اوچ بومارلاق باصادى ده ايشك يانكاغنه سوبالوب

صافلاب توردى كون ياقنورغاچ بر خانون كلات كا كيلوب ايشكنى آچقاندە.
ايكى يومارلاق اوننى خانونننك ايكى كوزينه آتوب اوزى كلاندىن
چيغوب قاچدى خانون كوزين بوتوب جلاى قالدى بايدك شول كيتودان
كىندى بر اولغه باروب يندى بر ابوكا كردى سلام بىردى ايوده بارى
بر آورو خانون بار ايدى اول خانون بايدك كا ايتدى ينجشى كيلاسين
نوغانم سننك فارننك آچقاندور مونا آشاديب بايدك آلدينه آق بيتلى
پرچ كيتوردى بايدك آشاب تويدى آندان صونك خانون ايتدى من
بالا تابارغه قصالوب ياتامن كورشى اولده منم آنام باردى شول آنامنى
آلوب كيلسنه نوغانم ديب يباردى بايدك شول اولغه باردى ايدە ابي
قرنك چاقردى سنى ديب خانونننك آناسين آلوب چيقدى جياوكيله كيله
قارچق آردى بايدك كوناروب كيله باشلادى بايدكده بارا نورغاچ آردى
آرغاچ ابي ايندى آزراق جال ايتيم ديب قارچقنى بر تونكاك اوستنه
اونورتقان ايدى قيوغه تاب كيلوب آبي قيوغه توشدى كيتدى ايندى
تيگى خانونغه نى ايتوركا كراك ديب بايدك يول بويىچە ايساب ايتوب
قايتدى قايتوب يتكاج ايتدى خانونغه يوق اول آبي كيلمادى من سنى
تانيماي من ديب منكا اشانمادى بارچنلق قە قزم ننك بر نرسه سين آلوب
كيل ديب منى قايتاروب يباردى ديدى آلاى ديكاج بو خانون آلتون
كەوش تنكەدان باصاغان خسيته سن بىردى مونا منم خسيته منى ايلتوب
كورساتسانك كيلوردى بايدكنى يانكادان يباردى بايدك خسيته نى آلوب
اوز يولينه كيتدى خانون الى بولسه كوتوب تورا آندان صونك بايدك
بايتاق ير كينكاج كىچ بولدى بر اولغه يندى نونله بر ايوده اوت كوروب
قويياغه منوب آطلاندى ايشك آلدنده قاراوچى لرى بار ايدى قاراق
كيلدى ديب بايدكنى بو طوندان نوتوب قويمادان تارتوب توشدى لر
بايدكنى قينادى لار قينادى لارده بر ميچكا كا سالوب ميچكاننك آوزين
قاداقلاب بر تيران چوقرغه ايلتوب تاشلادى لار بيوك طاو باشندان

میچکانی نکارانوب بیاردی لار بایدک مسکین میچکا ایچنده نکاراب بارا بارا
میں تونوب بر آز جان نارنجاج کسه سندان پکی سین چیغاروب میچکانی
پکی برلان اويا اويا قول صبارلر نیشوک یاصادی آندان صونک طنکلاب
قاراسه آیولر بوری لر میچکا نیکراسنده ایسناب بوری لر میچکا نیکراسنده
ایلانوب بوری تورغاج بر بوری ننگ قویروغی میچکا ایچنه کردی بایدک
بوری ننگ قویروغین قولى برلان چرناب توندی ده ایخ دیب قچقردی
بوری شول قورقودان میچکانی قویروغی برلان سوراب چابوب کیتدی
چابوب بارا تورغاج میچکا بر تونکاککا لاکوب میچکا تارقالوب کیتدی
بوری ننگ ده قویروغی شارت اینوب اوزولدی بوری قاپدی بایدک
قوتولدی بایدک کوزین آچوب قاراسه اوزین بر اورمان ایچنده کوردی
تونله قارانغی آلی تانک آتغانی یوق بایدک بوری ناوشلارین ایشتوب
بولر منی موندن بنورالر دیب قورقوب بر ضرور ایمن باشنه مندی موندن
تانک آتقونچه اوتوریم دیب تورغاننک ایمن ننگ ایچی قوش ایکان نوشدی
کیتدی قوش ننگ تویینه یتدی آیاغنه یومشاق یتدی قابالاب قاراسه
بال ایمن توبنده توب تولو بالنی تویغونچه آشادی تانک آتدی کون
بولدی ایندی موندان نیچوک چیغارمن دیب ایساب اینوب تورغانده
یوقاری تابا باشین کوناروب قاراسه بر آیو آرطی برلان ایمن ایچنه
توشوب کیله کشی بارون سیزمی توشوب یته راک بایدک آیوننگ آرط
بو طون بیگ نف تونوب آچی ناوش برلن قچقردی شول قورقودان آیو
ایمن ایچندان اورمالاب ایمن باشنه باروب یتدی بایدک ده آیو بوطنه
یابشوب ایمن توبه سنه چیتدی آیو ایمن توباسندان اوز بویون اوزی
آتدی ده اولدی بایدک ایمن توبه سنه قالدی آقرونلاب ایمن توبه سندان
توشدی آیونی طونادی ده تیریسین کوناروب کیتدی بارا تورغاج بر
یولغه چیتدی کوردی یولده بایتای کشی لر کیله سز قای یاقلار دیب
صوراشقانان صونک آلاغه آیو تیریسین اوز اولغه چاقلی اوتوروب

قایتندی یازکونی کیتکان ایدی کوز کونی فار یاوا باشلاغاچ قایتندی بو
بایدک دوست ایشی برلن کورشکاندان صونک ایندی بریرام یاصیمچی
دیب کوب آشلار حاضرلادی باباغی خاتون ننگ خسیته سندان نی چاقلی
آلتون کموش چیتدی یینه ایکنچی آولده بایدکننگ آناسی بار ایدی
آنی آلورغه کیتدی اول کون یانکاغنه فار یاوغان ایدی اوتون چاناسی
جیکوب کیتدی آننگ آناسی بیک فارچق کشی ایدی آناسنه بیک طور
طون کیرتوب چاناسنه اوتورتدی اول طون ننگ ایناکلاری چاناننگ یاق
یاغندان پچان کبک سورالوب قایتدی بله سز اوتون چاناسی شولای بولا
بو بایدک بارغان آولده اول کون نی پچان جو بالغان ایکان مونا بایدکننگ
آرتندان اوق باصوب کیلیدی لر تننو برلن مونا پچان چاناسی مونه
کرکان دیب بایدکنی توتدی لر بایدک باباغی آلتون تنکه لرنی بیروب
قوتولوب قالدی آخ بو طون منکا زیان کیتوردی دیب اول طون نی
اوتقه آندی اول تیری طون بولسه کراک اوتده یانوب تونگنز بورنی
کبک بولوب بوروشدی ده بایدک آنی چیتان باشنه چیغاروب آلدی یینه
بر آولده اول کون دونگنز جو بالغان ایکان تننو کیلوب چیتان باشندان
دونکز بورنی کبک نرسه نابدی مونا بودونگنزدر دیب بایدکنی توتوب
بیلادی لر بایدک یینه باباغی خسیته دان سوتوب آلتون تنکه لرنی
باریسین بیروب منک بلا برلن کوچکا قوتولوب قالدی بایدک مسکین
یوقلقه چدای آلمینچه باباغی خاتون ننگ خسیته سن اورلاب قایتقان ایدی
باریسین ارم ترم ایتوب بتوردی شوننگ اوچون ایتکان لر ارق نیقی
شرق قه دیب هم درست ارق نیقی شرق قه کیتدی .

Не такъ давно внизъ по рѣкѣ въ Ширдану ¹⁾ жилъ
одинъ человекъ-Байдыгъ. Однажды онъ вмѣстѣ съ порядоч-
нымъ количествомъ людей отправился въ путь. Идя и идя,

¹⁾ Селеніе въ Каванской губ. Свіажск. у.

они дошли до большой рѣки. Вмѣстѣ съ товарищами они взялись доставить въ дальній городъ лодку, нагруженную пшеницей, и вотъ они отправились въ путь съ груженой пшеницею лодкою. Въ то время, какъ они шли да шли, Байдыка постигла болѣзнь, его вытащили и выбросили на берегу рѣки. Когда бѣдный Байдыкъ лежалъ да плакалъ, къ нему подошли два разбойника. „Что ты здѣсь дѣлаешь, лежа?“ спросили они и сильно напугали Байдыка. „Ну, теперь будь нашимъ спутникомъ“, прибавили они и, взявъ его насильно, отправились. Долго они шли. Наступилъ вечеръ; они дошли до одной деревни. Имѣя намѣреніе напасть на клѣтъ одного богача, они разобрали крышу и, привязавъ Байдыка къ веревкѣ, опустили въ клѣтъ. Чтѣ Байдыкъ ни нашелъ въ клѣтѣ, онъ все повинымавалъ. Когда онъ кончилъ, онъ привязалъ себя и закричалъ товарищамъ: „тяните!“ Но, когда товарищи его вытянули и узнали, что это былъ Байдыкъ, они перерѣзали веревку и спустили его (обратно), а сами ушли. Байдыкъ остался въ клѣтѣ. Бѣдный Байдыкъ стоялъ въ недоумѣніи, не зная, чтѣ дѣлать. Въ одной кадкѣ была гороховая мука; онъ нашелъ ее. Изъ этой гороховой муки онъ, смочивъ ее слюнками, приготовилъ три колобка и, прислонившись къ притолкѣ двери, сталъ ждать. Когда наступилъ день, и одна женщина, придя въ клѣтъ, отворила дверь, онъ швырнулъ два мучныхъ колобка въ оба глаза женщины, а самъ выскочилъ изъ клѣтѣ и убѣжалъ. Женщина схватилась руками за глаза и заплакала, Байдыкъ же ушелъ, не останавливаясь (собст.: какъ пошелъ, такъ и ушелъ). Онъ отправился въ одну деревню. Пришелъ туда, вошелъ въ одинъ домъ и поздоровался. Въ домѣ была одна больная женщина. Женщина эта сказала Байдыку: „хорошо, что ты пришелъ, мой родной! ты проголодался (собст.: твое брюхо); на, поѣшь вотъ!“ говорила она и положила передъ Байдыкомъ бѣлыя ватрушки. Байдыкъ поѣлъ и утолилъ свой голодъ. Послѣ того женщина сказала: „я мучаюсь родами. Въ сосѣдней деревнѣ находится моя мать; приведи ко мнѣ ее, родной мой“. Она отправила его, и Байдыкъ пошелъ въ ту

деревню.— „Ну, бабушка! сказалъ онъ (тамъ), тебя зоветь дочь твоя“, и вышелъ съ матерью той женщины. Шла, пла- старуха пѣшкомъ и устала. Байдыкъ поднялъ ее и продолжалъ путь, но и Байдыкъ, идя все пѣшкомъ, усталъ. Когда онъ усталъ, онъ сказалъ: „бабушка! я немного отдохну теперъ“, и онъ усадилъ старуху на верхушку пенька. Но тутъ же оказался колодезь, и старуха упала туда. „Что я теперъ могу сказать той женщинѣ?“ проговорилъ Байдыкъ и, размышляя объ этомъ дорогой, вернулся къ больной. Возвратившись, онъ сказалъ женщинѣ:— „нѣтъ, та старуха не пошла! Я тебя не знаю, сказала она, и не повѣрила мнѣ: иди, говорить, принеси что нибудь въ удостовѣреніе отъ моей дочери,—ступай! и съ этими словами она отослала меня назадъ“. Когда онъ сказалъ это, женщина дала ему нарядъ, сдѣланный изъ золотыхъ и серебрянныхъ денегъ: „вотъ мой знакъ, сказала она; если ты его доставишь и покажешь, то она придетъ“ и она снова отправила Байдыка. Байдыкъ, взявъ нарядъ, отправился своей дорогой, а женщина эта и сейчасъ еще сидитъ да ждетъ.

Послѣ того, какъ Байдыкъ прошелъ уже порядочное разстояніе, наступилъ вечеръ, и онъ уже ночью добрался до одной деревни. Увидѣвъ свѣтъ въ одной избѣ, онъ взобрался на заборъ и усѣлся верхомъ, а передъ дверью, обазывается, были караульщики. „Воръ пришелъ“, сказали они и, схвативъ Байдыка за ноги, стащили его съ забора и принялись колотить да мучить. (Наконецъ), бросивъ его въ бочку, забили гвоздями отверстіе ея и бросили ее въ одинъ глубокой оврагъ: они спустили (туда) бочку, скативъ ее съ вершины высокой горы. Бѣдняжка Байдыкъ крутился, крутился внутри бочки; у него закружилась голова, и онъ едва не испустилъ духъ. Вынувъ изъ своего кошелька перочинный ножикъ, онъ принялся сверлить ножичкомъ бочку и сдѣлалъ отверстіе, такъ что могла пройти рука. Когда онъ сталъ послѣ того прислушиваться, то (оказалось, что) вокругъ бочки ходили медвѣди, волки, обнюхивая ее. И вотъ, въ то время, какъ они вертѣлись во-

кругъ бочки, расхаживая и останавливаясь, хвостъ одного волка попалъ внутрь бочки. Байдыкъ схватилъ хвостъ этого волка, навилъ на руку и закричалъ— „ихъ!“ Напугавшись этого крика, волкъ помчался и вытащилъ на хвостѣ бочку. Но когда онъ мчался, бочка задѣла за одинъ пенекъ и разбилась въ дребезги, а хвостъ волка съ трескомъ оборвался; волкъ убѣжалъ, и Байдыкъ спасся. Открывъ глаза, Байдыкъ увидѣлъ себя въ лѣсу. Была темная ночь; еще не разсвѣтало. Байдыкъ услышалъ вой волковъ; „они хотятъ меня привончить“, сказалъ онъ. Онъ испугался и влѣзъ на верхушку одного большого дуба. „Я просию здѣсь, пока не разсвѣтаетъ“, проговорилъ онъ. Внутри дуба оказалось дупло. Онъ спустился и достигъ до дна дупла. До ноги его коснулось что-то мягкое. Когда онъ оцупалъ, то оказалось, что дно дуба было переполнено медомъ. Онъ поѣлъ до-сыта меду. Наступила заря; насталъ день. „Какъ теперь я вылѣзу отсюда?“ сказалъ онъ. Размышляя такимъ образомъ, онъ поднялъ голову къ верху, поглядѣлъ и замѣтилъ, что внутри дуба спускается задомъ медвѣдь. Не чувствуя, что тутъ есть человѣкъ, медвѣдь сталъ спускаться (ниже) и уже приблизился, какъ Байдыкъ крѣпко ухватился за заднюю ногу медвѣдя и сильно закричалъ. Испугавшись этого, медвѣдь выползъ изнутри дуба и взобрался на верхушку его, и Байдыкъ, схватившійся за ляшку медвѣдя, также взобрался на-верхъ. Медвѣдь бросился съ верхушки дуба и издохъ, а Байдыкъ остался на дубу. Потихоньку онъ спустился съ него, снялъ шкуру съ медвѣдя и пошелъ съ ней (въ дорогу). Долго онъ шелъ; (наконецъ,) выйдя на одну дорогу, увидѣлъ, что къ нему подходили нѣсколько человѣкъ. Когда они спросили его: „откуда идете?“ онъ подарилъ имъ шкуру медвѣдя, а они довели его до своей деревни, когда уже лѣтніе дни прошли, наступили осенніе, и сталъ идти снѣгъ. Когда онъ вернулся, Байдыкъ повидался съ друзьями и товарищами и сказалъ: „справлю-ка я теперь праздникъ“. Онъ приготовилъ много кушанья, и какое громадное количество золота и серебра вышло изъ наряда вышеупомя-

нутой женщины! Въ другой деревнѣ у Байдыка была мать, онъ пошелъ за ней, а въ этотъ день только что выпалъ снѣгъ. Онъ отправился, запрягши (лошадь въ) дровни. Мать его была очень старая женщина. Давъ ей громадную шубу, онъ усадилъ ее въ сани. Полы шубы тащились по обѣимъ сторонамъ саней подобно стогу сѣна: вы знаете, каковы бываютъ дровни! Оказалось, что въ той деревнѣ, куда отправился Байдыкъ, въ тотъ день пропало сѣно, и вотъ, идя за Байдыкомъ, (хозяйева его) ночью же настигли его. Они схватили Байдыка и сказали: „вотъ куда попали дровни съ сѣномъ!“ Байдыкъ спасся (отъ нихъ, только) роздавъ имъ вышеупомянутыя золотыя деньги. „Ахъ! сказалъ онъ, эта шуба ввела меня въ убытокъ“, и онъ бросилъ ее въ огонь. Это была (вышеупомянутая) шкура. Когда она обгорѣла, она свернулась и стала похожей на носъ свиньи. Байдыкъ вынесъ ее и повѣсилъ на плетень. А въ другой деревнѣ въ тотъ же день (какъ разъ) потерялась свинья. (Владѣльцы ея) пришли сюда ночью и на верхушкѣ плетня нашли что-то похожее на носъ свиньи. „Вотъ, гдѣ голова свиньи!“ сказали они и, схвативъ Байдыка, связали его. И снова онъ едва избавился отъ этихъ тысячъ бѣдъ, роздавъ всѣ золотыя деньги, которыя онъ отпоролъ отъ вышеупомянутаго наряда. Бѣдняжка Байдыкъ вернулся—было, укравши нарядъ той женщины, не будучи въ состояніи переносить нищету. Все это онъ понапрасну растратилъ.

Вотъ почему говорили: что скоро пріобрѣтено, то скоро и уходитъ. И дѣйствительно, скоро пріобрѣтенное скоро и ушло.

Шестая сказка: اوج اوغل—3 сына.

Цанă берен заманда бїр кїшїнїң ач улы бар-ыжы. Узї бїк бай-төгел-їїї. Бай булмаса-да тїрїкїлїгї чїбәр їїї, іч-нәрсагă аптырамады. Бїр тїгїрмән ташы бар-ыжы, бїр парабаны бар-ыжы, тағы чабата калыбы-бїлән шешлесе бар-ыжы. Узїнă ўлїм сархауы тїйгач, балаларын ча-

кырып, айтти: „Инді мін үләмјн! мін үлгәч, ҕакшы төрөҕөз! мына сјзгә шул ҕитәр!“ дп, бјр улына тјгјрмән ташы бјрдј, ікјнч’улына парабан бјрдј, өчөнчө улына чабата калыбы-бјлән шөшлө бјрдј. „Мына шулар-бјлән тамакларыҕызыны туйдырырсыз, ач үлмәссјз!“ дп айтп, үлдј. Аталары үлгәч, өчөсө өч ҕакка чыгып кптјләр. Бјр улы кптј, тјгјрмән ташын алып. Аулдан аулға өй бөрөнчә ҕөрөп, ҕарма тартып, кул көчө-бјлән кызҕанып, үз тамаҕын үзј туйдырды, ачлык күрмәдј. Ікјнч’ улы кптј, парабан алып, урманға. Бјр урманға барып, бјр зур імән башына мјндј-дә парабанын суға башлады. Цыжылды ајулар. Ул ајуларны төтөп, кайсысын сатты, азырак акча ҕа-сады, ат алды; кайсысын үз’алды. Ајү ҕитәкләп, аулдан аулға ҕөрөп, ајү бјјгтј. Бу улы-да парабан аркасында ҕакшы тјрјлјк кылды, ҕуклыкны күрмәдј. Өчөнч’ улы таҕы шөшлө калып күтәрп, урманға кптј; урманға барып, бјр күл ҕанында шөшлөсө-бјлән ҕүкә төшөрдө-дә чабата кпндјрәсј ішә башлады. Кпндјрә ішп төрҕанда, күлән бјр сү іјәсј чыкты, „аҕай, нпшлјйсјн?“ дпдј. Бу кпшј айттј: „Аркан ішәмјн!“ дпдј. Сү іјәсј айттј: „Ул аркан нпйгә?“ дпдј. Бу кпшј айттј: „Мына бу күлнј күккә асмакчы буламын,—күктә сү ҕук бјр-дә, ҕаңдыр ҕаумый!“ дпдј. Сү іјәсј, айттј: „Аҕай, тукта, төрөп-төр! мін бабайға айтпјм!“ дп, күлгә төшөп-кптј. Күл төбөндә бпк карт сү іјәсј бар-ыжы, аңар барып, айттј: „Бабай, харап! бјр кпшј „күлнј күккә асам!“ дп айтә, аркан ішә!“ дпдј. Бабасы айттј: „Адам-дјр ул! бар, улым, күлнј бпрмә! мына бу ҕукмарны алып чык! аның-бјлән үлчәш, кайсыҕыз бу ҕукмарны күтәрп, күл тпрәлп бпш кат әйләндпсә, күл аңар булып!“ дпдј. Сү іјәсј ҕукмарны күтәрп чыкты-да айттј: „Аҕай, мына бу ҕукмарны кайсыбыз бпш кат күтәрп әйләнсә, күл аңар булып!“ дпдј. Бу кпшј айттј: „Царар, аҕал үзп әйлән!“ дпдј. Сү іјәсј ҕукмарны күтәрп, көчкә әйләндп-дә ҕукмарны бу кпшпнп кулына бјрдј. Бу кпшј ҕукмарны ҕпргә угыртып үзј ҕуҕары-таба карап-төрә. „Аҕай, нпй ішлјйсјн?“ дпдј. Бу кпшј айттј: „Мына ҕукмарны бөлөт астына тыҕып ҕпбарпргә ітәмјн!“ дпдј. Сү іјәсј: „пй аҕай, тпјә күрмә, үзпбјзгә-дә бјр-гпнә ҕукмар!“ дп, бабасы катына төшөп кптј. Бабасы айттј: „Нпй хал,

улым?" диді. Улы айтті: „Ул кiшi чукмарны бөлөт астына тыгып үбәрә җазды!“ диді. Бабасы айтті: „Алайса, бар, улым, мына бу айдырны кайсыгыз күтәрiң, айланса, күл аңар булыр!“ диді. Айдырны алып чыкты-да айтті: „Ағай, мына бу айдырны кайсыбыз биш кат күтәрiң айланса, күл аңар булыр!“ диді. Бу кiшi айтті: „Җарар, әуәл үзiң күтәрiң, айлан!“ диді. Бу сү iҗәсi биш кат айланды-да айдырны бу кiшигә бирдi. Бу кiшi айдырға сiкiрiң, атланды-да күз ачып җөмҗөнчә биш кат айланды. Сү iҗәсi тагы курыкты, тизрәк бабасы катына китти, бабасына айтті: „Ул кiшi биш көчiө-икән, бабай!“ диді, „айдырны бөт арасына кыстырып-кына күз ачып җөмҗөнчә айланды!“ диді „күл китмәсә, җарар-ыңы, бiзнiң!“ диді. Бабасы айтті: „Бар, улым, көрәш аның-бiлән!“ диді, „кайсыгыз үңсә, күл аңар булыр!“ диді. Сү iҗәсi бу кiшi катына чыкты-да айтті: „Ағай, айда көрәшiңнiң, кайсыбыз үңәр?“ диді. Бу кiшi айтті: „Мин әлi бушамың: ана тiңi күәк артында бiр биш карт аңарып-бiткән бабам бар-дыр! аның-бiлән көрәш!“ диді, „әлi ул җөкләҗән-дыр! сiң бар-да көләк төбөнә сүк; җуҗайса ул уҗанмас!“ диді. Анда бiр ак аҗу бар-ыңы. Бу сү iҗәсi аҗу катына барып, аҗуның көләк төбөнә сукты. Аҗу сiкiрiң, төрдө-дә бу сү iҗәсiң күтәрiң, гөп иттирiң, үңгә салды, үзi качып китти. Бу сү iҗәсi байтак җатты, сүлүсыз булып. Аннан төрдө, җәнә бабасы катына китти, „бабай, харап!“ диді, бiзнiң күл китә, күлсiз калабыз!“ диді. Бабасы айтті: „Ник?“ диді. Бу айтті: „Җук, бабай, сiң бiлмiсiң әлi!“ диді. „аның бiр карт бабасы бар-икән! аның-бiлән көрәштiң, күтәрiң салды үзiмнi! нiҗ чаклы сүлүсыз булып җаттым, үлә җаздым!“ диді, „күлсiз калсаң, нiҗ кылдык?“ диді, „iңдi ул аркан иңиң бiтiрә, күлнi күккә аса!“ диді. Бабасы айтті: „Иңдi, улым, былай җарамың, аның-бiлән кiлiшiңгә кiрәк! бар, айтiң-кара, акч'алмас—м'икән?“ диді. Аннан-суң сү iҗәсi җылай чыкты бу кiшi катына-да айтті: „Ағай, нiҗ алсаң-да ал, күлгә тiҗә күрмә, акча бiрiрбiз! күп-мi алырсың?“ диді. Бу кiшi айтті: „Җарар!“ диді. Башындагы iшләнәсiң күрсәттi, „мына бу iшләнә-бiлән бiр iшләнә акча бiрсәңиз, җитәр!“ диді. Сү iҗәсi бабасы

катына кјрјп айттј: „Шулай шулай айтә!“ дп. Бабасы айттј: „Бк вуп сорамай-икән! бар, чыңарып-бјр, кјтсјн!“ ддј. Аннан-суң бјр јшләпә тутырып, бу кјшгә чыңарып бјрдј. Бу кјшј јшләпәсјн ңргә куйды-да акчаны јшләпәгә салды. Царт' јшләпә булды. „Бар, таңы кјтјр әлј, тулмады!“ дп; ңбәрдј. Сү јјәсј таңы бабасы катына кјттј. Ул кјткәч, бу кјшј јшләпәнң астына чөкөр казыды, јшләпәнң төбөндә тпшкә ңасады. Ул тпшкәтән акчалар чөкөрүз төшөп кјттј, јшләпәдә бк аз калды. Цәнә чыңарып салды, тулмады. Шулай итә итә, јшләпәнј тутырды, јшләпә астындағы чөкөр әмт тулды. Бу кјшј айттј сү јјәсјнә: „Индј сн бу јшләпәнј мнјм өжөмә итп бјр!“ ддј, „мнә ңрј-дә крәк, ңрј-бјлән казыб-ал-да күтәрјп ит!“ ддј. Сү јјәсј „ңарар!“ дп, јшләпәнј казыб-алды-да баш тубәсјнә күтәрдј. Бу кјшј-дә шөшкөсөн калыбын алып, бјргә кјттјләр. Бара-төрүзәч, бјр баңана өчөрады. Сү јјәсј айттј: „Аңай, бу нјй нәрсә?“ ддј. Бу кјшј айттј: „Баја сн көрәшкән бабайның таңаңы!“ ддј. Аннан кјттјләр, бјр сјбјркј (иначе: тырма) өчөрады. „Аңай, бу нјй нәрсә?“ ддј. Бу кјшј айттј: „Бабайның сакал тарый-төрүзән тараңы!“ ддј. Цәнә аннан кјттјләр, бјр сука өчөрады. Сү јјәсј айттј: „Аңай, бу нјй нәрсә?“ ддј. Бу кјшј айттј: „Бабайның тпш әрчјй-төрүзән шырпысы!“ ддј. Цакшы, бу кјшјнң өжөнә барып ңиттјләр, өйгә кјрдјләр. Бу кјшј катынына айттј: „Каја, катын, кунакка ашарға кјтјр!“ ддј. Катыны өйдән чыңып кјттј-дә бјр сәнәк алып кјрдј, ирјнә бјрдј. Аннан-суң бу кјшј сәнәкнј алып, сәнәк-бјлән сү јјәсјнң буңазына төрттө, „мына снә ңәшј төш аша, аша!“ дп, сү јјәсјн аптыратып бјтјрдј. Сү јјәсј кычкыра башлады, „индј ңтәр, бк туйдым, бк туйдым!“ дп. „Бар индј, туйсаң, өзатып-ңбәрјјм!“ дп, бу кјшј чыкты-да јтләрјнә кычкырды, „өс, өс!“ дп. Јтләрј кјлп, ңабышты, „гам! гам!“ дп. Кайсы итәгјнән тарта, кайсы бјтнә сикрә. Сү јјәсј көчкә көтөлөп кјттј. Кайтып, бабасына айттј: „Цә, бабай, күрдјм бјр төрлө әкәмәтләр!“ дп, барысын сөйләдј. Таңы-да айттј бабасына: „Цә, бабай, шулысы бјгрәк әкәмәт булды: Бардым ул кјшјнң өжөнә, мнә әллә

нїйдїїн җапї тѳш дїгән аш ашатты! Ашатты, сыйлап, җтїрә җазды. „Туйдым!“ дїт кычкырҗач-кына, туктады. „Аша, аша!“ дїп, ірїксїзлїп ашатты. Аннан-суң мїнї җзагып җїбардї, „җзагытыҗыз!“ дїп, балаларына-дак ушты. „Гау, гау! сау бул, сау бул!“ дїп, улысы-да кїлїп тарта, бусы-да кїлїп тарта. Кѳчкѳ кѳтѳлѳп кайттым!“ дїдї. Бабасы айттї: „җарар, улым! нїй булса-да булды! җзїбїз тынычлап калдык!“ дїдї. Бу кїшї таҗы шуннан баҗып калды.

ينه بورون زمانده بر كشي ننگ اوچ اوغلى بار ايدى اوزى بيگ باى
توكل ايدى باى بولماسده تركلكسى چىبار ايدى هيچ نرسهكا آبدرامادى
بر تکرمان ناشى بار ايدى بر پارابانى بار ايدى تاغى چابانا قالوبى برلان
شوشلى سى بار ايدى اوزينه اولوم سرخاوى ينگاچ بالالارون چاقروب
ايندى ايندى من اولامن من اولگاچ يخشى توروئگز مونا سزكا شول
چينار ديب بر اوغله تکرمان ناشى بيردى اينكچى اوغله پارابان بيردى
اوچونچى اوغله چابانا قالوبى برلان شوشلى بيردى مونا شولار برلان
تامافلارنگزنى نويدورورسز آچ اولمىس سز ديب اينوب اولدى آتالارى
اولگاچ اوچوسى اوچ ياقغه چىغوب كيندى لر بر اوغلى كيندى تکرمان
ناشين آلوب آولدان آولغه ايو بورونچه يوروپ يارما نارتوب قول كوچى
برلان قزغانوب اوز تاماغين اوزى نويدردى آچلق كورمادى اينكچى
اوغلى كيندى پارابان آلوب اورمانغه بر اورمانغه باروب بر ضرور ايمين
باشنه مندى ده پارابانين صوغا باشلادى جبولدى آيولار اول آيولارنى
تونوب قايسى سن صاندى آزراف آتچه باصادى آط آلدى قايسى سن
اوزى آلدى آيو ينگلاب آولدان آولغه يوروپ آيو بيوندى بو اوغلى ده
پارابان آرقاسنده يخشى تركلك قيلدى يوقلغنى كورمادى اوچونچى
اوغلى تاغى شوشلى قالوب كوتاروب اورمانغه كيندى اورمانغه باروب
بر كول ياننده شوشلى سى برلان جوگا نوشردى ده چابانا كيندراسى ايشه

باشلادی کیندره ایشوب نورغانده کولدان بر صو ایاسی چیقیدی آغای
نیشلای سن دیدی بوکشی ایندی آرقان ایشامن دیدی صو ایاسی ایندی
اول آرقان نیکا دیدی بوکشی ایندی مونا بو کولنی کولکا آصاچی
بولامن کولکه صو یوق برده یانکفور یاومی دیدی صو ایاسی ایندی
آغای توقنا توروب تورمن بابای غه اینیم دیب کولکا نوشوب کیندی کول
توبنده بیک قارت صو ایاسی بار ایدی آنکار باروب ایندی بابای
خراب برکشی کولنی کولکا آصام دیب آرقان ایشه دیدی باباسی ایندی
آدم دور اول بار اوغلوم کولنی بیرمه مونا بو چوقمارنی آلوب چق آنک
برلان اولچاش قایسنکز بو چوقمارنی کوتاروب کول تیرالی بش قات
ایلانسه کول آنکار بولور دیدی صو ایاسی چوقمارنی کوتاروب چیقیدی ده
ایندی آغای مونا بو چوقمارنی قایسبز بش قات کوتاروب ایلانسه کول
آنکار بولور دیدی بوکشی ایندی یارار اول اوزنک ایلان دیدی صو
ایاسی چوقمارنی کوتاروب کوچکا ایلانیدی ده چوقمارنی بوکشی ننگ قولنه
بیردی بوکشی چوقمارنی یرکا اوتورتوب اوزی یوقاری تابا قاراب تورا
آغای نی اشلائی سن دیدی بوکشی ایندی مونا چوقمارنی بولوت آستنه
طغوب یبارورکا اینامن دیدی صو ایاسی آی آغای تبه کورمه اوز بزکاده
برگنه چوقمار دیب باباسی فانه نوشوب کیندی باباسی ایندی نی حال
اوغلوم دیدی اوغلی ایندی اولکشی چوقمارنی بولوت آستنه طغوب یباره
یازدی دیدی باباسی ایندی آلابسه بار اوغلوم مونا بو آیغرنی قایسنکز
کوتاروب ایلانسه کول آنکار بولور دیدی آیغرنی آلوب چیقیدی ده
ایندی آغای مونا بو آیغرنی قایسبز بش قات کوتاروب ایلانسه کول
آنکار بولور دیدی بوکشی ایندی یارار اول اوزنک کوتاروب ایلان
دیدى بو صو ایاسی بش قات ایلانیدی ده آیغرنی بوکشی کا بیردی بو
کشی آیغره سیکروب آطلانیدی ده کوز آچوب یومغونچی بش قات

ايلاندى صو اياسى تاغى قورقدى نيزراك باباسى قاتنه كيتدى باباسنه
ايتدى اول كشى بيك كوچلى ايكان باباي ديدى آيغرنى بو ط آراسنه
قستروب قنه كوز آچوب بومغوچمه ايلاندى ديدى كول كينمسه يارار
ايدى بزنگ ديدى باباسى ايتدى بار اوغلوم كوراش آننگ برلان
ديدى قايسنكز جينكسه كول آنكار بولور ديدى صو اياسى بو كشى
قاتنه چيقتى ده ايتدى آغاي ايدمه كوراشيك قايسمز جينكار ديدى بو
كشى ايتدى من الى بوشاميم آنا تيگى قواق آرتنده بر بيك قارت
آغاروب بنگان بابام باردرد آننگ برلان كوراش ديدى الى اول يوقلاغان در
سن بارده قولاق تويينه صوق يوق ايسه اول اويانماس ديدى آنده بر
آق آيو بارايدى بو صو اياسى آيو قاتنه باروب آيوننگ قولاق توبنه
صوقدى آيو سيكروب توردي ده بو صو اياسين كوناروب گوب ايتدروب
يركا صالدى اوزى قاچوب كيتدى بو صو اياسى بايناق ياندى صولوسز
بولوب آندان توردي يينه باباسى قاتنه كيتدى باباي خراب ديدى بزنگ
كول كينه كولسز فالابز ديدى باباسى ايتدى نيك ديدى بو ايتدى
يوق باباي سن بلماي سن الى ديدى آننگ بر قارت باباسى بار ايكان
آننگ برلان كوراشدم كوناروب صالدى اوزمنى نى چاقلنى صولوسز
بولوب ياندم اوله يازدم ديدى كولسز قالساق نى قيلدوق ديدى ايتدى
اول آرقان ايشوب بتوره كولنى كوك كا آصا ديدى باباسى ايتدى
ايتدى اوغلوم بولاي يارامى آننگ برلان كيلوشركا كراك بار ايتوب
قارا آقچه آلماس ميكان ديدى آندان صونك صو اياسى جلاب چيقتى
بو كشى قاتنه ده ايتدى آغاي نى آلسانكده آل كول كا تيه كورمه آقچه
پيروربز كوب مو آلورسز ديدى بو كشى ايتدى يارار ديدى باشنداغى
اشلپه سن كورساندى مونا بو اشلپه برلان بر اشلپه آقچه پيرسانكز جيتار
ديدى صو اياسى باباسى قاتنه كروب ايتدى شولاي شولاي ايتمه ديب
باباسى ايتدى بيك صورامى ايكان بار چيغاروب بير كينسون ديدى

آندان صونك بر اشلپه توتوروب بو كشي كا چنغاروب بيردي بو كشي
اشلبه سن بركا قويدى ده آقچهنى اشلپه كا صالدى يارطى اشلپه بولدى بار
ناغى كيتور الى تولمادى ديب يباردى صو اياسى ناغى باباسى قاتنه
كيتدى اول كيتكاج بو كشي اشلپهنك آستنه چوقر قازدى اشلپهنك
توبنده تيشوك ياصادى اول تيشوكدان آقچهلر چوقرغه نوشوب كيتدى
اشلپه ده بيك آز قالدى ينه چنغاروب صالدى تولمادى شولاي ايتنه ايتنه
اشلپهنى توتوردى اشلپه آستنداغى چوقرهم تولدى بو كشي ايندى صو
اياسنه ايندى سن بو اشلپهنى متم ايومه ايلتوب بير ديدى منكا پرى ده
گراك پرى برلان قازوب آلدنه كوناروب ايت ديدى صو اياسى يارار
ديب اشلپه قازوب آلدى ده باشى توباسنه كوناردى بو كشي ده شوشلى سن
قالوبون آلوب بركا كيتدى لار بارا نورغاج بر باغانا اوچرادى صو اياسى
ايندى آغاي بو نى نرسه ديدى بو كشي ايندى بايا سن گوراشكان
باباينك ناياغى ديدى آندان كيتدى لر بر سبركى اوچرادى آغاي
بو نى نرسه ديدى بو كشي ايندى باباينك صاقال طارى تورغان ناراغى
ديدى ينه آندان كيتدى لر بر صوفا اوچرادى صو اياسى ايندى آغاي
بو نى نرسه ديدى بو كشي ايندى باباينك تشى آرچى نورغان شربى سى
ديدى بىخشى بو كشي ننگ ايوينه باروب يتدى لار ايوكا كردى لر بو كشي
خاتوننه ايندى قايا خاتون قوناغه آشارغه كيتور ديدى خاتونى ابودان
چيغوب كيتدى ده بر سنك آلوب كردى ابرينه بيردى آندان صونك
بو كشي سنك نى آلوب سنك برلان صو اياسى ننگ بوغازينه تورندى
مونا سنكا جبلى توش آشا آشا ديب صو اياسين آپدرا توب بتردى صو
اياسى قچقرا باشلادى ايندى چينار بيك توبدم بيك توبدم ديب بار
ايندى توبسانك اوزاتوب يباريم ديب بو كشي چيقدى ده اتلرينه
قچقردى اوس اوس ديب اتلرى كيلوب يابوشدى هام هام ديب قايسى
اينا كندان نارنا قايسى بيننه سبكرا صو اياسى كوچكا قوتولوب كيتدى

قایتوب باباسنه ایتدی یا بابای کوردم بر تورلو آکمت دیب باریسین
سویلادی ناغی ده ایتدی باباسنه یا بابای شولسی بیکراک اکمت بولدی
باردم اول کشی ننگ ایوینه منکا اله نیداین جیلی نوش دیکان آش
آشاندی آشانوب صیلاب اوتوره یازدی تویدم دیب قچغرغاج قنه توقتادی
آشا آشا دیب ایرکسزلاب آشاندی آندان صونک منی اوزانوب ییاردی
اوزانونکز دیب بالالارینه ده قوشدی هاو هاو صاوبول صاوبول دیب
اولسی ده کیلوب تارنا بوسی ده کیلوب تارنا کوچکا قوتولوب قایتدم دیدی
باباسی ایتدی یارار اوغلوم نی بولسه ده بولدی اوزیز طچلاب قالدوق
دیدى بو کشى ناغى شوندان بایوب قالدی .

Въ прежнее время у одного человека было три сына. Самъ онъ былъ не очень богатъ; однако, хотя онъ и не былъ богатъ, но жизнь его была сладкая: ни передъ чѣмъ онъ не вставалъ въ тушикъ. Былъ у него жерновъ; былъ у него также барабанъ, была еще колодка для лаптей и вочедыкъ. Когда пришло ему время умереть, онъ созвалъ своихъ дѣтей и сказалъ: „вотъ, я умираю. Когда я умру, живите хорошо; вотъ этого вамъ будетъ достаточно“. Сказавъ это, онъ далъ одному сыну жерновъ, другому барабанъ, а третьему сыну далъ колодку для лаптей и вочедыкъ. „Вотъ, этими вещами пропитывайте себя (собст.: свои глотки); съ голоду не умрете“, сказалъ онъ и умеръ. Когда отецъ умеръ, всѣ трое вышли и разошлись въ разные стороны. Одинъ сынъ ушелъ съ жерновомъ: ходя изъ деревни въ деревню по домамъ, онъ молоть врупу, добывая кусокъ хлѣба силою своихъ рукъ; онъ самъ кормилъ себя (соб.: свою глотку) и голода не видалъ. Второй сынъ направился съ барабаномъ въ лѣсъ. Придя въ одинъ лѣсъ, онъ забрался на верхушку одного большого дуба и сталъ бить въ барабанъ. Стали собираться и сбѣгаться медвѣди. Онъ ловилъ тѣхъ медвѣдей, нѣкоторыхъ продалъ и, приобрѣтя нѣкоторое количество денегъ, купилъ лошадь, а

одного изъ медвѣдей взялъ съ собой. Вода за собой медвѣдя, онъ ходилъ изъ деревни въ деревню и заставлялъ медвѣдя плясать. И этотъ сынъ, благодаря барабану, жилъ хорошо и лишений не видалъ. Третій сынъ взялъ кочедыкъ съ колодкой и пошелъ въ лѣсъ. Придя туда, онъ на берегу одного озера сталъ драть кочедыкомъ липовую кору и вить лыко для лаптей. Вотъ, когда онъ стоялъ и сдиралъ лыко, изъ озера вышелъ водяной и сказалъ: „что ты дѣлаешь, дядюшка?“ Этотъ человекъ сказалъ; — „я вью веревку“. — „Для чего же эта веревка?“ спросилъ водяной. — „Я хочу, отвѣчалъ этотъ человекъ, повѣсить это озеро на небо, потому что на небѣ нѣтъ воды, и тамъ вовсе не падаетъ дождя“. — „Подожди, дядюшка, сказалъ тотъ, я скажу дѣдушкѣ“, онъ ушелъ и спустился въ озеро. На днѣ озера находился очень старый водяной. Подойдя къ нему, онъ сказалъ: „бѣда, дѣдушка! Какой-то человекъ говорить: я повѣшу это озеро на небо; онъ говоритъ, что вѣтъ и веревку“. Дѣдъ сказалъ: — „онъ, вѣдь, человекъ. Ступай, сынъ мой, и не давай этого озера. Вотъ, возьми эту дубину и ступай, помѣряйся съ нимъ: кто изъ васъ обойдетъ пять разъ вокругъ озера, поднявъ эту дубину, того и пусть будетъ озеро!“ Водяной, держа дубину, вышелъ и сказалъ: „дядюшка! вотъ, кто изъ насъ обойдетъ озеро пять разъ съ этой дубиной, тому оно и будетъ принадлежать“. — „Хорошо, сказалъ тотъ, обходи ты самъ первымъ“. Водяной, поднявъ насилу дубину, обошелъ и вручилъ ее этому человеку. Тотъ всадилъ дубину въ землю, а самъ всталъ, глядя вверхъ. „Дядюшка! ты что-же дѣлаешь?“ спросилъ водяной. — „Да, вотъ, хочу забросить эту дубину подъ облако“, отвѣчалъ этотъ человекъ. „Ахъ, дядюшка, сказалъ водяной, не дѣлай этого: у насъ самихъ, вѣдь, одна только дубина“, и онъ спустился къ своему дѣду. Дѣдъ спросилъ его: „какъ дѣла, сынъ мой?“ — „Этотъ человекъ, отвѣчалъ тотъ, едва было не подбросилъ дубину подъ облако“. Дѣдъ сказалъ: „если такъ, то ступай, сынъ мой: вотъ тебѣ жеребецъ. Кто изъ васъ обойдетъ озеро, поднявъ жеребца, тому оно и будетъ принадлежать“. Тотъ

вышелъ, взявъ жеребца, и сказалъ:— „вотъ, дядюшка, кто изъ насъ пять разъ обойдетъ озеро, поднявъ этого жеребца, того и будетъ озеро“. — „Ладно! отвѣчалъ тотъ; только подними и обходи первымъ ты самъ“. Водяной обошелъ пять разъ и передалъ жеребца этому человѣку. Тотъ вспрыгнувъ, сѣлъ на жеребца верхомъ и въ одно мгновеніе (собств.: не успѣлъ закрыть и открыть глаза, какъ уже) обскакалъ пять разъ. Водяной испугался еще сильнѣе. Поспѣшно онъ отправился къ своему дѣдушкѣ и сказалъ ему: „человѣкъ этотъ, овазывается, очень силенъ, дѣдушка! Онъ въ одинъ мигъ обошелъ озеро, захвативъ жеребца между ногами. Если-бы озеро не ушло отъ насъ, намъ было-бы хорошо“. Дѣдъ сказалъ:— „иди, сынъ мой, поборись съ нимъ. Кто изъ васъ побѣдитъ, того и будетъ озеро“. Водяной вышелъ къ этому человѣку и сказалъ: „ну, дядюшка, давай бороться! кто-то изъ насъ побѣдитъ?“ — „Я еще не готовъ, сказалъ тотъ, но вонъ за тѣмъ кустарникомъ находится мой дѣдушка—очень старій, совсѣмъ бѣлый, съ нимъ и поборись. Онъ спитъ, вѣроятно; ты пооди, ударь его въ ухо, если онъ не проснется“. А тамъ былъ бѣлый медвѣдь. Водяной подошелъ къ медвѣдю и ударилъ его по уху. Медвѣдь вскочилъ и всталъ, схватилъ водяного и—гопъ! ударилъ его объ землю, а самъ убѣжалъ. Долго лежалъ водяной безъ дыханія; наконецъ, всталъ и отправился къ своему дѣду. „Бѣда, дѣдушка, сказалъ онъ: уходитъ наше озеро; останемся ми безъ него“. — „Почему?“ спросилъ дѣдъ. Тотъ отвѣчалъ: „нѣтъ! ты не знаешь, видно, его дѣда. У него есть очень старій дѣдъ, и я съ нимъ-то и боролся. Онъ поднималъ меня и ударилъ, и сколько времени лежалъ я безъ дыханія! Я едва не умеръ. Что мы будемъ дѣлать, если останемся безъ озера? Теперь онъ кончаетъ вить веревку и повѣситъ озеро на небо“. — „Это не хорошо теперь, сказалъ дѣдъ; надо съ нимъ сойтись. Ступай, попробуй-ка сказать, не возьметъ-ли онъ денегъ“. Послѣ этого водяной, плача, вышелъ и сказалъ этому человѣку: „дядюшка! возьми, что хочешь, не трогай только озера. Мы дадимъ денегъ; много-ли возьмешь?“

Этотъ человѣкъ сказалъ:— „ладно!“ Онъ показаль находившуюся у него на головѣ шляпу: „вотъ, если вы дадите денегъ одну шляпу, то будетъ достаточно“. Водяной пошелъ къ своему дѣду и разсказаль, что такъ и такъ. Дѣдъ сказалъ:— „онъ не очень много просить; ступай, вынеси ему и дай: пусть уходитъ“. Наполнивъ послѣ этого шляпу, тотъ вышелъ и отдалъ ее этому человѣку. Тотъ положилъ свою шляпу на землю, а деньги положилъ въ шляпу; оказалась только половина. „Ступай, принеси еще“, сказалъ онъ и отослалъ его. Водяной снова отправился къ дѣду. Когда онъ ушелъ, этотъ человѣкъ выкопаль подъ шляпой яму, а внизу шляпы продѣлаль дыру, и изъ этой дыры деньги, высыпаясь, падали въ яму, а въ шляпѣ оставалось очень мало. Водяной снова вынесъ и насыпаль, но не наполнилъ и, продѣлывая да продѣлывая такимъ образомъ, онъ наполнилъ, наконецъ, и шляпу, а также и яму, находившуюся подъ шляпой. Человѣкъ этотъ сказалъ тогда водяному: „теперь ты доставь мою шляпу ко мнѣ домой, но мнѣ нужна и земля, и вотъ выкопай землю, возьми все это, подними и доставь“.— „Хорошо“, сказалъ водяной, выкопаль шляпу, взялъ ее и поднялъ на макушку головы. Человѣкъ же этотъ, взявъ вочедыкъ и володку, отправился вмѣстѣ съ нимъ. Идя и идя, они встрѣтили одинъ столбъ. „Что это такое?“ спросилъ водяной.— „Это, отвѣчалъ тотъ, гребень—расчесывать бороду дѣдушкѣ“. Снова они пошли дальше и встрѣтили соху. Водяной опять спросилъ: „что это за вещь, дядушка?“ Этотъ человѣкъ отвѣчалъ:— „это спичка—чистить зубы дѣдушкѣ“. Хорошо. Наконецъ, они дошли до дома этого человѣка; они вошли въ него и тотъ сказалъ своей женѣ: „ну, жена! принеси гостю поѣсть“. Жена вышла изъ дому, вошла съ вилами и дала ихъ мужу. Тотъ взялъ вилы, ткнулъ ими въ горло водяному и сказалъ: „вотъ тебѣ сладкое кушанье; ѣшь, ѣшь!“ Онъ напугаль водяного, и тотъ началъ кричать:— „теперь будетъ; я совсѣмъ сытъ, совсѣмъ сытъ!“ говорилъ онъ. „Ну, ступай, сказалъ тотъ, если ты сытъ; я тебя провожу“, вышелъ и скричалъ собакамъ. „Усь! усь!“ на-

травилъ онъ. Собаки прибѣжали и уцѣпились, лая: которая изъ нихъ хватаетъ его за ногу, которая за лицо,—водяной едва спасся и ушелъ. Воротился къ дѣду и сказалъ: „охъ, дѣдушка! особенныя диковинки видалъ я“ и разсказалъ все, а затѣмъ сказалъ дѣду: „ну, дѣдушка! это дѣйствительно удивительная диковинка была. Пришелъ я въ домъ того человѣка, и онъ меня, не знаю, какимъ-то сладкимъ кушаньемъ угостилъ, заставляя ѣсть. Я чуть не умеръ и только когда я закричалъ „наѣлся“, онъ пересталъ говорить „ѣшь, ѣшь!“ Поневоѣ навормилъ! Послѣ того онъ пошелъ меня провожать, говоря: „мы проводимъ тебя“ и дѣтамъ своимъ велѣлъ провожать, тѣ стали говорить:—хау! хау! сау бул, сау бул! ¹⁾ (т. е. будь здоровъ, будь здоровъ!), стали тащить и дергать меня то тѣ; то другія. Насилу я спасся и ушелъ“. Дѣдъ сказалъ:—„хорошо, сынъ мой! Чтò было, то прошло, теперь же мы будемъ спокойно жить“.

А тотъ человѣкъ сталъ богачемъ.

Седьмая сазна: **عئلى بالا**—ушныи сынъ.

Цанă берен заманда бир катын бар-ыжы. Бир улы, бир кызы бар-ыжы. Бир кѣн кызы ўзј-гјнă цалцыз ѳйдă цылап утырадыр-ыжы. Анасы килп кјрдј, „нѣ цылысын, кызым?“ дјдј. Кызы айттј: „Јѣ ѳнјѣ, мѣн кјјăўгă барсам, мѣннѣн бала тўса, ул бала ўлсă, мѣн цыламыѣ, кјм цыласын?“ дјдј. Анасы-да цылыѣ башлады. Ул арада улы килп кјрдј, „нѣ цылы-сын?“ дјдј. Анасы айттј: „Мына сјңнјң „мѣн кјјăўгă барсам, мѣннѣн бала тўса, ул ўлсă, мѣн цыламыѣ кјм цыласын?“ дјдј. Шуның-ѳчѣн цылыбыз!“ дјдј. Улы „ўўлăрсјз-ивѣн!“ дјдј-дă чыцып-кјттј. Аннан-суң анасы сыжыр сауарѣа чыкты. Анасы сыжыр сауѣанда, сыжыр усырды: „Аѣ ѳјатлы булдым! сыжыр ѳјаты мѣнѣм ѳјат!“ дјп, барды-да базѣа тѣшѣп утырды. Анас' артынан кызы кјттј, анасын јзлѣп. Базѣа барды-да, „ѳнјѣ!“ дјп, кычкырды. Анасы „нјѣ, кызым?“ дјдј. Кызы айттј: „Ан-

¹⁾ Вслѣдствіе соввучія «хау» и «сау» по-татарски получается каламбуръ.

да нiшлiйсiн?" дiдi. Анасы айттi: „Харап булдым, кызым, сыыр усырды! сыыр ежаты минiм ежат!“ дiдi. Кызы айттi: „Ай аниi, сiнiң ежат минiм ежат! харап булдык!“ дiдi. Дә анасы катына төшөп, утырды, „уә, бiзнiң аниiләр кайда-икән?“ дiп, улы киттi iслäргä. Барып тапты, анасы-бiлән сiң-нiсi базда утыралар. „Аниi, анда нiшлiйсiз?“ дiдi. Анасы кычкырды баздан: „Ай улым, дәшä кiрмä, харап булдык: сыыр усырды! сыыр ежаты минiм ежат, минiм ежатым кызым ежаты!“ дiдi. Аннан улы „аниi, сау булыңыз! сiздән үлärнi тапсам, кайтырмын; тапмасам, кайтмамын!“ дiп, бiлнä балта кыстырды-да чыгып-киттi. Бара бара, байтак үр киттi. Бiр төшкä барып үттi, кiрдi: Тәрәзäсiз өйгä тубал-бiлән тыштан үакты тапшылар. Тубалны көжашка чыгарып куялар-да өстөн каплап, өйгä алып-кiрälär. Цук, өйгä үакты кiрмiй аптырадылар. Ул акыллы бала бiлiннән балтасын алып алар-да тәрәзä үасап-бiрдi. „Индi шөкөр Хөдäйгä, үлärнi таптым, бiзнiң аниiлäрдән-да үлär бар-икән дөнjädä!“ дiп, кайтып-кiлгändä, үәнä бiр үиргä өчөрäды: Бiр лапас башында бiр кiшiнi кiр-тi. Ыштансыз бiлiнä-чаклы кiлмäгiн кiтäriп, лапас башынан сiкiрiп, төшäргä төрә. Цәнä кiрдi: Түбән икi кiшi йштаннн икi балагыннан төгөп төрәлар. Бу акыллы бала байтак карап төрлө, „былар нiшлiй-икән?“ дiп. Алар лапас башындагы кi-шiгä йштан кijirtiргä азапланалар-икән. Сiкiрiп-төшä-кана, цук йштан балагына аяклары туры кiлмiй, тiгiлärнiң ку-лыннан йштан ычына-китä. Аннан-суң бу акыллы бала алар-да барып айттi: „Аңай, нiшлiйсiз?“ дiдi. „Мына бу кiшiгä йштан кijirtмävчi-йiк!“ дiдiлär. Аннан-суң акыллы бала ул кiшiнi бiр бiкән өстөнгä утыртты-да афал бiр балагын кijirt-тi, аннан-суң икiнчi балагын, „мына йштаннн шулай кiймäк кiрäk!“ дiдi. Аннан-суң бу акыллы бала „бусы бајагылардан-да үлär-икән!“ дiп, сөйөнөп, кiтiнä ажагы тiйгiнчä цөгөрөп кайтты. Капкадан-ук кычкырып, кiрдi: „Аниi, чыгыңыз: сiз-дән үлärнi таптым!“ дiп, анасы-бiлән сiңнiсiн баздан бiрәм-бiрәм тартып чыгарды.

ینه بورون زمانده بر خاتون بار ایدی بر اوغلی بر قزی بار ایدی
بوکون قزی اوزی گنه بالغوز ایوده جلاب اوتورادر ایدی آناسی کیلوب
کردی نیک جلی سن قزم دیدی قزی ایتدی ای انی من کیاوکا بارسام
من دان بالانوغسه اول بالا اولسه من جلامای کیم جلاسن دیدی آناسی ده
جلای باشلادی اول آراده اوغلی کیلوب کردی نیک جلای سز دیدی
آناسی ایتدی مونا سنکلنک من کیاوکا بارسام من دان بالانوغسه اول اولسه
من جلامای کیم جلاسن دیدی شوننک اوچون جلای بز دیدی اوغلی
جولار سر ایکان دیدی ده چیغوب کیندی آندان صورنک آناسی صیر
صاوارغه چیتدی آناسی صیر صاوغاندا صیر اوصردی آی اویاتلی بولدم
صیر اویاطی منم اویاط دیب باردی ده بازغه توشوب اوتوردی آناسی آرتندان
قزی کیتدی آناسین ازلاب بازغه باردی ده انی دیب قچوردی آناسی نی
قزم دیدی قزی ایتدی آنده نیشلای سن دیدی آناسی ایدی خراب
بولدم قزم صیر اوصردی صیر اویاطی منم اویاط دیدی قری ایتدی
آی انی سننک اویاط منم اویاط خراب بولدوق دیدی ده آناسی قاتنه
توشوب اوتوردی جه بزینک انی لر قایده ایکان دیب اوغلی کیتدی اولارکا
باروب تابدی آناسی برلن سنکلیسی بازده اوتورالار انی آنده نیشلی سز
دیدي آناسی قچوردی بازدان آی اوغلوم دسه کورمه خراب بوللق صیر
اوصردی صیر اویاطی منم اویاط منم اویاطم قزم اویاطی دیدی آندان
اوغلی انی صاوبولونکیز سزدان جولارنی تابسام قایتورمن تابسام قایتامان
دیب بیلینه بالطه قستردی ده چیغوب کیتدی بارا بارا بایناق یر کیتدی
برتوشکا باروب یتدی کوردی ترزه سز ایوکا توبال برلن طشدان یاقنی
تاشیلار توبالنی قویاشغه چیغاروب قویالارده اوستون قابلاب ایوکا آلوب
کرالار یوق ایوکا یاقنی کرمای آبدراددی لار اول عقللی بسالا بیلندان
بالطاسن آلوب آلازغه ترزه یاصاب بیردی ایندی شکر خدایغه جولارنی
تابدم بزینک انی لردن ده جولار بار ایکان دنیاده دیب قایتوب کیلکانه

ينه بر یرکا اوچرادى بر لاپاس باشنده بر كشى نى كوردى اشطان سز
ييلينه چاقلى كولماكن كوناروب لاپاس باشندان سيكروب نوشاركا تورا
ينه كوردى توبان ايكي كشى اشطان نى ايكي بالاغندان توتوب تورالر بو
آقلى بالا بايناق قاراب توردى بولار نيشلاى ايكان ديب آلا لاپاس
باشنداغى كشى كا ايشطان كيرتوركا آزابلانلار ايكان سيكروب توشه قانا بوق
اشطان بالاغنه آياقلارى توغرى كيلماى نيكي لارننگ قولوندا اشطان
اچقنه كينه آندان صونك بو عقللى بالا آلاغره باروب ايندى آغاي
نيشلاى سز ديدى مونا بو كشى كا اشطان كيرتما كچى ايدوك ديدى لار
آندان صونك عقللى بالا اول كشى نى بر بوكان اوستنه اوتورتدى ده
اول بر بالاغين كيرندى آندان صونك ايكيچى بالاغين مونا اشطان نى
شولاي كيمك كراك ديدى آندان صونك بو عقللى بالا بوسى باياغى لاردان ده
جولار ايكان ديب سيونوب كوتنه آياغى نيكوچمه يو كوروب قايندى
قابته دان اوق نچوروب كردى انى چيفنكز سزدان جولرى تابدم ديب
آناسى برلان سنكلى سن بازدان برام برام نارتوب چيفاردى .

Въ прежнее время жила-была одна женщина; у ней
былъ одинъ сынъ и одна дочь. Однажды дочь ея сидѣла одна
въ домѣ и плакала. Вошла мать и спросила: „что ты плачешь,
дочь моя?“ Дочь отвѣчала:—„ахъ, матушка! вотъ, если я
выйду замужъ, отъ меня родятся дѣти; если они умрутъ, и я
не буду плавать, то кто же и будетъ плавать?“ Мать тоже
принялась плавать. Тѣмъ временемъ пришелъ сынъ. „Что вы
плачете?“ спросилъ онъ. Мать его отвѣчала:—„да, вотъ, дочь
моя сказала: если-де я выйду замужъ, отъ меня родятся дѣти
и они помрутъ, а я не буду плавать, то кто тогда и плавать
будетъ? Потому-то мы и плачемъ.“—„Дуры вы, овазывается“,
сказалъ сынъ и вышелъ. Послѣ того мать его пошла доить.
Когда она доила, корова вдругъ испустила вѣтеръ. „Ахъ! мнѣ
стыдно, сказала мать, мнѣ стыдно за корову“ (собств.: стыдъ

коровы есть и мой стыдъ), она пошла въ погребъ, спустилась и усѣлась. Вслѣдъ за матерью пришла и дочь, ища ее. Подошла къ погребу и закричала: „матушка!“— „Что, дочь моя?“ спросила мать ее. „Что ты тамъ дѣлаешь?“ спросила дочь. Мать отвѣчала:— „я погибла, дочь моя! корова, вѣдь, испустила вѣтеръ, и мнѣ стыдно за нее“ (досл., какъ выше). Дочь сказала: „ахъ, матушка! вѣдь, и мнѣ стыдно за корову; бѣда намъ!“ и, спустившись къ матери, усѣлась тамъ.— „Ну! гдѣ же находится наша мать?“ сказалъ сынъ и пошелъ искать ее. Онъ нашелъ мать съ дочерью сидящими въ погребѣ. „Что вы тамъ дѣлаете?“ спросилъ онъ. Мать закричала изъ погреба:— „ахъ, сынъ мой! чуръ, не смотри на насъ: бѣда намъ! Корова испустила вѣтеръ, и мнѣ стыдно за нее, а дочери стыдно за меня“ (собств.: а мой стыдъ есть стыдъ и дочери). Тогда онъ сказалъ: „ну, будьте здоровы, матушка! если я найду глупѣе васъ, то вернусь; если же не найду, то не возвращусь“. Онъ заткнулъ себѣ за поясъ топоръ и вышелъ. Шелъ, шелъ онъ; прошелъ уже порядочное разстояніе. Пришелъ онъ въ одно мѣсто и видитъ: въ домъ безъ оконъ снаружи посредствомъ корзины таскаютъ свѣтъ; вынесутъ корзину на солнце, наладутъ свѣту и, закрывъ сверху, несутъ обратно въ домъ. Но въ домъ свѣтъ не попадаетъ, а они недоумѣваютъ. Тогда умный сынъ взялъ изъ-за пояса топоръ и прорубилъ имъ (т. е. людямъ) окно. Они воздали благодарность Богу, а сынъ сказалъ: „я нашелъ дураковъ; на свѣтѣ есть еще глупѣе, чѣмъ моя мать“. Когда онъ возвращался, онъ наткнулся еще на одно мѣсто. На вершинѣ одного лабаза онъ увидѣлъ одного человѣка; онъ былъ безъ штановъ и, поднявъ рубаху до пояса, готовился прыгнуть съ вершины лабаза, а внизу, онъ увидалъ,—стоятъ еще двое и держатъ съ двухъ сторонъ штаны. Умный сынъ, достаточно наглядѣвшись, остановился и спросилъ ихъ, что они дѣлаютъ. Оказывается, что они мучились (надъ тѣмъ, чтобы) надѣть штаны на человѣка, который находился на лабазѣ. Вотъ, тотъ спрыгиваетъ и снова безъ штановъ: ноги его не попадаютъ въ штанины,

а у тѣхъ штаны вырываются изъ рукъ. Послѣ того умный сынъ подошелъ къ нимъ и сказалъ: „что это вы дѣлаете, дядюшки?“ — „Да, вотъ, мы хотѣли надѣть на этого человѣка штаны“, сказали они. Тогда умный сынъ посадилъ этого человѣка на чурбанъ и надѣлъ сначала одну штанину, а потомъ и другую: „вотъ, какъ надо надѣвать штаны“, сказалъ онъ. Послѣ того этотъ умный сынъ сказалъ:— „эти, оказываются, еще глупѣе давнишнихъ!“ Онъ съ радостью побѣжалъ домой, такъ что ноги его касались зада и, добѣжавъ, онъ еще изъ калитки закричалъ:— „выходите! я нашелъ еще глупѣе васъ!“ И онъ вытащилъ мать вмѣстѣ съ дочерью изъ погреба одну за другой.

Восьмая сказна: نولكى—лисица.

Цанă бѣр кѣшѣ бар-ыжы. Балык тетарѣа барды. Балык тетеп кайткан чакта цулда бѣр тѣлкѣ очерады. Ул тѣлкѣнѣ ни-чѣк булса-да тетеп, кѣшилѣнă салды балыклар катына. Тѣлкѣ килă килă кѣшилѣнѣ тиштѣ, балыкларны барын-да кѣшилѣн бѣрам-бѣрам цул булывча тѣшѣрѣп бѣтѣрдѣ, ѳзѣ-дă кѣшилѣ тиштѣгѣннѣн тѣшѣп калды. Тѣлкѣ цулдагы балыкларны аммасѣнѣ цыжыб алды. Бѣр пѣчѣн кѣбѣнѣ башына минѣп, балыкны ашыѣ башлады. Бѣр ажѣ килѣ-дă тѣлкѣ катына минă башлады. Тѣлкѣ ажѣны ца-ѣагына чабып тѣшѣрдѣ. Ажѣ айттѣ: „Тѣлкѣ дус, ѣчмаса бѣргѣнă кылчыгын бѣр!“ дилѣ. Ажѣга тѣлкѣ бѣрмăлѣ. Ажѣ айттѣ: „Тѣлкѣ дус, бу балыкны кажан теттѣ?“ дилѣ. Тѣлкѣ айттѣ: „Ана шул бăкѣдѣн теттѣ!“ дилѣ. „Ничѣк теттѣ?“ дилѣ. Тѣлкѣ айттѣ: „Кѣйрѣѣма кызау бăйлăп, бăкѣгă тыгып тѣрдѣм-дă балыклар ѳзлăрѣ кызауѣа кѣрѣп тулдылар!“ дилѣ. Алай дигăч, ажѣ-да кѣйрѣѣнă кызау бăйлăп, шул бăкѣгă кѣттѣ. Тѣлкѣ кычкырды: „Ажѣ дус, кызауыңны бăкѣгă ѳбѣр-дă шытыр-шытыр ѣтѣнчă кѣтѣп тѣр!“ дѣй, шытыр-шытыр ѣтсă, балык кѣргѣн булыр!“ дилѣ. Ажѣ шытыр-шытыр ѣтѣнчă тѣрдѣ. Бѣр катын сѣѣа килѣ. Ул катынны вѣргăч ажѣ тѣрă башлады. Ул арада ажѣнѣ

А. Е. Алекторовъ.

УКАЗАТЕЛЬ
КНИГЪ,
ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ГАЗЕТНЫХЪ
СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ
О КИРГИЗАХЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ
9 сентября 1899 года.

Секретарь Общества В. Борисовъ.

(Приложеніе къ «Извѣстіямъ Общ. Арх., Ист. и Этн.» за 1900 годъ).

Подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ или, правильнѣе, киргизъ-казаковъ извѣстенъ у насъ съ XVIII столѣтія многочисленный кочевой народъ тюркскаго племени, занимающій почти все пространство западныхъ средне-азиатскихъ степей, разстилающихся къ востоку отъ границъ Европейской Россіи, къ югу отъ Сибири, на западъ отъ предѣловъ китайскихъ и на сѣверъ отъ владѣній кокандскихъ, бухарскихъ и хивинскихъ. Самъ себя народъ этотъ называетъ просто „казаками“, то есть „вольницею“, людьми вольными; имя же киргизовъ принадлежитъ собственно другому, хотя и одноплеменному народу, который вочуется нынѣ около озера Иссы-Куля и въ горахъ, простирающихся между Андиджаномъ и Кашгаромъ, а прежде обиталъ гораздо сѣвернѣе, между рр. Томью и Енисеемъ. Тутъ и познакомились съ нимъ русскіе въ началѣ XVII столѣтія, при водвореніи своемъ въ юго-западной Сибири; какимъ же образомъ имя этого народа перенесено было на казаковъ тюркскаго племени—неизвѣстно; по всей вѣроятности, произошло это въ Сибири, вслѣдствіе необходимости отличать этихъ казаковъ, занявшихъ прежнія кочевья киргизовъ, отъ нашихъ русскихъ казаковъ.

Названіе казакъ, равно какъ и нѣкоторыя другія обстоятельства, свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что народъ киргизъ-казацкій сложился постепенно и не въ очень древнее время изъ остатковъ разныхъ другихъ древнѣйшихъ тюркскихъ народовъ, а не родился путемъ естественнаго размноженія, отъ одного родоначальника, какъ утверждаютъ новѣйшіе его генеалоги; но какимъ образомъ произошло это сліяніе, когда и гдѣ именно образовалось первоначальное ядро тюркскаго

казачества, не изслѣдовано доселѣ съ достаточною основательностью. Какъ отдѣльный кочевой народъ, киргизъ-казаки извѣстны были русскимъ еще въ началѣ XVI столѣтія. Въ концѣ этого столѣтія, по сказанію книги „Большой чертежъ“, кочевья ихъ, на протяженіи 600 верстъ, занимали тѣ самыя мѣста, которыя составляютъ нынѣ середину киргизъ-кайсацкихъ земель. Восточная часть этихъ земель принадлежала тогда джунгарамъ, сѣверною владѣли разныя отрасли татаръ сибирскихъ, въ западной жили ногаи и, выше ихъ, башкиры, а потомъ мѣсто ногаевъ заняли выселившіеся изъ Джунгаріи калмыки. Въ началѣ XVII столѣтія, на югѣ, киргизъ-казаки владѣли уже Туркестаномъ, гдѣ ханы ихъ и утвердили съ того времени постоянное мѣстопробываніе свое, а на сѣверѣ подходили они уже къ самой границѣ нашей со стороны Сибири. Такимъ образомъ могущество этого народа увеличилось постоянно. Самымъ блестящимъ его періодомъ былъ конецъ XVII и начало XVIII столѣтій, когда ханъ Тявва справедливостію и благоразуміемъ успѣлъ подчинить себѣ всѣ три отдѣла или орды (Большую, Среднюю и Меньшую), на которыя издавна раздѣлялся этотъ народъ, прекратилъ волновавшія его внутреннія междоусобія, слабые роды, для сопротивленія сильнымъ, соединилъ вмѣстѣ, а сильные усмирить, и для всѣхъ вообще постановилъ однообразные законы, память о которыхъ сохраняется и доселѣ между киргизами. Но вслѣдъ затѣмъ наступили для нихъ времена тяжкія: въ сосѣдней Джунгаріи усилился честолюбивый Галданъ-церынь, не только заставившій трепетать всѣхъ кочевыхъ сосѣдей своихъ, но возбудившій даже опасенія Китая и Россіи. Пользуясь раздорами преемниковъ Тявки, онъ нанесъ киргизъ-кайсакамъ нѣсколько жестокихъ ударовъ; въ 1723 году отнялъ столицу хановъ ихъ Туркестанъ и другіе города, которыми владѣли они по Сыръ-Дарьѣ, а потомъ и совершенно подчинилъ себѣ нѣкоторыя отдѣленія ближайшихъ къ его владѣніямъ Большой и Средней орды. Ища спасенія отъ этого завоевателя, оскудѣвшіе скотомъ, изнуренные недостатками,

ослабленные потерей людей, киргизь-кайсаки рѣшились удалиться отъ него, какъ можно далѣе, подавшись частію на западъ, а частію на сѣверъ. Меньшая орда, перейдя на правый берегъ Эмбы, напала на кочевавшихъ тутъ калмыковъ и, стѣснивъ ихъ, проникла до самаго Урала, гдѣ встрѣтилась съ нашими казаками. Въ то же время Средняя орда подвинулась на сѣверъ до Ори и Уя, вытѣснивъ обитавшихъ тамъ башкиръ далѣе на западъ. Но такимъ образомъ, на западѣ и сѣверѣ киргизь-кайсаки нажили себѣ въ калмыкахъ, башкирахъ и уральскихъ казакахъ новыхъ враговъ, которые, мстя какъ за вновь отнятыя земли, такъ и за старыя обиды, стали тревожить ихъ безпрерывными набѣгами.

Чтобы выйти изъ этого гибельнаго положенія, киргизь-кайсакамъ оставалось одно средство—признать себя подданными той же власти, которой повиновались башкиры, калмыки и казаки уральскіе—власти Государей русскихъ. Киргизы чувствовали это какъ нельзя лучше, но народная гордость мѣшала имъ рѣшиться на такое уничиженіе, и нерѣшительность ихъ продлилась бы, можетъ быть, весьма долго, если бы ханъ Абуль-Хаиръ, управлявшій въ это время большею частію Меньшой и нѣкоторыми родами Средней орды, не понадѣялся найти въ подданствѣ Россіи, сверхъ блага для народа, и средствъ къ удовлетворенію личнаго своего честолюбія. Признавъ себя вассаломъ Россіи, съ помощію ея располагалъ онъ возвыситься надъ соперникомъ своимъ, ханомъ Каипомъ, которому подвластна была остальная часть Меньшой орды, потомъ покорить каракалпаковъ и хивинцевъ, а затѣмъ, усилившись достаточнымъ образомъ, мечталъ, быть можетъ, возвратить и самую независимость. Въ этихъ видахъ, склонивъ на подданство Россіи незначительное число своихъ приверженцевъ и не дожидаясь согласія остальныхъ подчиненныхъ, лѣтомъ 1730 года отправилъ онъ къ уфимскому воеводѣ Бутурлину нѣсколькихъ посланцевъ съ письмомъ, въ которомъ, признавая себя и орду свою вѣчными подданными Россіи, обѣщался жить на собственномъ иждивеніи и даже

помогать Россіи въ усмиреніи ея неприятелей, а между тѣмъ просилъ вспомогательнаго войска для покоренія хивинцевъ и другихъ народовъ. Изъ Уфы посольство немедленно препровождено было въ Петербургъ, гдѣ, по неизвѣстности истинныхъ поводовъ его, безсилія хановъ у киргизъ-казаковъ и вообще хитраго, коварнаго и вѣроломнаго характера азіатцевъ въ дѣлахъ политическихъ, неожиданное предложеніе Абуль-Хаира принято было съ радостію: льстя славѣ государства присоединеніемъ къ нему безъ кровопролитія нѣсколькихъ сотъ тысячъ новыхъ подданныхъ, оно обѣщало спокойствіе юго-восточнымъ областямъ нашимъ, нерѣдко страдавшимъ отъ опустошительныхъ вторженій киргизъ-кайсаковъ ¹⁾, и въ то же время открывало для правительства множество блестящихъ надеждъ по торговлѣ съ Среднею Азіею; думали, что добровольно покорившихся ордынцевъ можно будетъ употребить въ ослабленію враговъ ихъ джунгаровъ, предприимчивый властитель которыхъ Галданъ-церынь былъ еще живъ; надѣялись, что киргизъ-казаки послужатъ и къ усмиренію башкирцевъ, частыми бунтами своими безпокоившихъ правительство; радовались, наконецъ, и вызову Абуль-Хаира усмирить каракалпаковъ, аральцевъ и въ особенности хивинцевъ, которые носили на себѣ свѣжіе еще тогда слѣды крови коварно умерщвленнаго ими посла русскаго, князя Бековича—Черкаскаго, съ многочисленными товарищами его несчастія. Вслѣдствіе всего этого, посланцы Абуль-Хаировы, осыпанные милостями и подарками, отправлены были обратно въ орду вмѣстѣ съ переводчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Мурзою Тевкелевымъ и нѣсколькими уфимскими дворянами и русскими казаками, которымъ поручено было привести новыхъ подданныхъ къ надлежащей присягѣ.

¹⁾ Такъ въ 1717 году вторгнувшись въ сибирскія границы наши, они проникли даже до Шешминска, въ Казанской губерніи, взяли его, разорили, и хотя потомъ прогнаны были съ потерей, но тѣмъ не менше успѣли увлечь съ собою много плѣнныхъ.

Появленіе Тевкелева въ ордѣ тотчасъ же обнаружило обманъ Абуль-Хаира. Узнавъ о предложеніи хана и зачѣмъ пріѣхали къ нимъ русскіе, киргизы взволновались и въ первомъ пылу негодованія чуть было не убили Тевкелева и его товарищей; грозили смертью и самому Абуль-Хаиру. Но Тевкелевъ рѣдкимъ благоразуміемъ своимъ и необыкновенною увлекательностью рѣчей не только выручилъ изъ бѣды и себя и хана, но, дѣйствуя съ самоотверженіемъ и настойчивостью, успѣлъ даже расположить киргизовъ къ покорству Россіи: на общемъ съѣздѣ 1732 года присягнули добровольно на подданство Имперіи всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и ханъ Средней орды, по имени Шемяка. Послѣ этого, по европейскимъ понятіямъ, дѣло было кончено, и отъ киргизовъ Меньшой и Средней орды надлежало ожидать, согласно съ даннымъ ими обѣщаніемъ, совершенной покорности. Но азіатцамъ, легкомысленнымъ и вѣроломнымъ, ничего не значило, какъ дать, такъ и нарушить вѣтву. Не успѣлъ еще Тевкелевъ сообщить правительству объ успѣхахъ своихъ дѣйствій, какъ киргизы Средней орды, и во главѣ ихъ самъ ханъ Шемяка, ознаменовали вступленіе свое подъ защиту Россіи двумя, неудачными впрочемъ, вторженіями въ ея предѣлы, что тотчасъ же поколебало вѣрность собратій ихъ и въ Меньшой ордѣ. Тевкелевъ, собиравшійся въ обратный путь, былъ снова ими задержанъ и, вмѣстѣ съ Абуль-Хаиромъ, принужденъ отвѣчать къ устью Сыръ-Дарьи. Здѣсь, неожиданно, явилась къ нему депутація отъ каракалпаковъ, народа мирнаго и угнетеннаго сосѣдами, который, прослышавъ о могуществѣ Россіи и вступленіи киргизовъ въ ея подданство, сталъ искать того же и немедленно далъ присягу на вѣрность. Примѣръ этотъ подѣйствовалъ на подданныхъ Абуль-Хаира въ добрую сторону: они окончательно рѣшились признать себя подвластными Россіи. Вслѣдствіе этого, вмѣсто съ Тевкелевымъ, Абуль-Хаиръ отправилъ ко Двору Императрицы Анны новое значительное посольство, состоящее изъ сына его Ирали и нѣсколькихъ другихъ почетныхъ лицъ. Видимою

цѣлью этого посольства было торжественное изъясненіе покорности отъ лица всего подвластнаго Абуль-Хаиру народа, а настоящее желаніе—получить отъ двора обычные въ такихъ случаяхъ подарки и похлопотать кое о чемъ въ свою пользу. Торжественно представленный Императрицѣ въ февралѣ 1734 года, Ирали, отъ имени отца своего, обязывался: 1) охранять безопасность русскихъ границъ, смежныхъ съ землями его орды; 2) защищать купеческіе караваны наши при проходѣ ихъ черезъ киргизскія степи; 3) давать изъ подвластныхъ своихъ, въ случаѣ нужды, подобно башкирамъ и калмыкамъ, вспомогательное войско и 4) платить ясака звѣринными кожами. Взамѣнъ этого Абуль-Хаиръ просилъ утвердить въ его родѣ ханское достоинство на вѣчныя времена и построить при впаденіи Ори въ Уралъ городъ съ крѣпостью, въ которой бы могъ онъ находить себѣ убѣжище въ случаѣ опасности. Послѣдняя его просьба свидѣтельствовала, какъ мало средствъ имѣлъ Абуль-Хаиръ исполнить на дѣлѣ принятыя имъ на себя обязательства. Тѣмъ не менѣе правительство наше повѣрило обѣщаніямъ, приняло ихъ, за исключеніемъ ясака, отъ котораго сочло нужнымъ отказаться на первый случай, и такъ какъ просьбы Абуль-Хаира не заключали въ себѣ ничего противнаго нашимъ пользамъ, рѣшилось исполнить ихъ немедленно. Съ другой стороны, и ханъ Средней орды Шемяка прислалъ въ Уфу своихъ посланцевъ съ изъясненіемъ раскаянія въ сдѣланныхъ послѣ присяги нападеній и съ новымъ предложеніемъ подданства. Такимъ образомъ казалось, что присоединеніе кайсаковъ Меньшой и Средней орды было дѣломъ конченнымъ, и оставалось только наслаждаться въ мирѣ плодами столь удачнаго приобрѣтенія. На дѣлѣ вышло совсѣмъ не то.

Построеніе крѣпости на Ори, равно какъ и приведеніе въ исполненіе собственныхъ видовъ правительства относительно кайсаковъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, возложено было на извѣстнаго государственными свѣдѣніями и способ-

ностями статскаго совѣтника Кириллова, Въ инструкціи, ему данной, между прочимъ предписывалось:

1) Отъ Большой и Средней ордъ потребовать присяги.
2) Построить городъ съ крѣпостью при устьѣ р. Ори и стараться о привлеченіи въ него жителей.

3) Границею со стороны Россіи назначить р. Уралъ и смотрѣть, чтобы никто изъ киргизовъ не переходилъ самовольно на правый ея берегъ.

4) Для разбирательства пограничныхъ дѣлъ учредить судъ изъ русскихъ чиновниковъ и значительнѣйшихъ киргизовъ, съ тѣмъ—чтобы каждый судился въ немъ по обычаямъ своей земли.

5) Отправить, при первомъ удобномъ случаѣ, караванъ съ товарами въ Бухарію и, если можно, далѣе. Равнымъ образомъ стараться привлечь въ Россію для торговли купцовъ изъ разныхъ мѣстъ Азіи.

6) Въ каждомъ караванѣ отправлять геодезистовъ для осмотра съемки мѣстъ.

7) Стараться завести въ Аральскомъ морѣ пристань и вооруженныя суда. для чего построить сначала нѣсколько шлюпокъ на Уралѣ и, разобравъ ихъ, держать, со всѣми снастями, во всегдальной готовности. Когда же городъ построится и связи съ киргизъ-кайсаками и каракалпаками утвердятся, то разобранныя суда, въ зимнее время, перевезти на Аральское море и тамъ, собравъ, опять вооружить пушками.

8) Абуль-Хаиру, въ войнѣ его противъ хивинцевъ, дѣлать пособіе только порохомъ и оружіемъ, но войскъ вспомогательныхъ не давать.

Для приведенія этихъ предположеній въ исполненіе, Кирилловъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ: артиллерією, войсками, мастеровыми, инженерами, геодезистами, горными и другими чиновниками. Но ему удалось исполнить лишь весьма немногое: нѣкоторыя изъ помянутыхъ предположеній осуществились лишь въ самое недавнее время, другія и до сихъ поръ не могли быть приведены въ дѣйствіе.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ іюнѣ 1734 года, въ ноябрѣ Кирилловъ прибылъ въ Уфу, а въ слѣдующемъ году заложилъ на мѣстѣ нынѣшняго Орска небольшой городъ Оренбургъ, послѣ чего приступилъ къ возведенію укрѣпленій по рѣкѣ Уралу и, для поддержанія безопаснаго сообщенія съ этою уральскою линіей, къ возведенію такой же линіи укрѣпленій отъ новопостроеннаго Оренбурга до города Самары на Волгѣ. Эти первоначальныя и самыя необходимыя работы затруднены были возмущеніемъ башкиръ, которые не могли смотрѣть равнодушно на водвореніе между ними русскихъ поселеній съ русскими войсками. Усмиреніе возмущенія заняло почти все вниманіе не только Кириллова, но и преемника его въ управленіи оренбургскимъ краемъ,—извѣстнаго историка Татищева.

Что же дѣлали въ это время наши вѣрноподанные киргизы?

Пользуясь безпокойствами, возникшими у волжскихъ калмыковъ, также считавшихся нашими подданными, они три года сряду—1736, 1737 и 1738—разорали ихъ, угоняя скотъ и полоня людей. Въ послѣдній изъ этихъ набѣговъ, вмѣстѣ съ калмыками, захвачено было много и русскихъ. Самъ же Абуль-Хаиръ—ханъ, пользуясь даннымъ ему позволеніемъ дѣйствовать противъ непокорныхъ намъ башкиръ, грабительствовалъ въ землѣ ихъ цѣлыхъ два мѣсяца, такъ что надо было, наконецъ, распорядиться объ удаленіи его оттуда. Несмотря на все это, въ 1738 году, при свиданіи съ Татищевымъ въ Оренбургѣ, онъ снова принятъ былъ съ почестями и осыпанъ подарками. Войдя въ палатку Татищева, ханъ сказалъ ему и бывшимъ съ нимъ такого содержанія на татарскомъ языкѣ небольшую рѣчь:

„Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, какъ единое солнце на небѣ всѣ прочія свѣтила въ мірѣ превосходить, которой хотя за отдаленіемъ глазами не вижу, но сердцемъ великолѣпіе и милость ея ощущая, въ васъ—господиѣ

тайномъ совѣтникѣ, какъ въ дуплѣ, приемлющей отъ Ихъ Величества лучъ сіянія, припадая, подданнѣйшую мою покорность, любовь сыновскую и рабское повиновеніе пзъявляю и съ великими надъ неприятели побѣдами съ великимъ мпѣ порадованіемъ и всегда преимуществовать желаю; себя же со всею моею фамилією и съ моими ордами во Всевысочайшую Ея Императорскаго Величества милость и защищеніе, какъ подъ крыло орла великаго, подвергаю и вѣчно въ вѣрности и покорности пребываю и пребуду. Васъ же—господина тайнаго совѣтника, какъ моего пріятеля, благополучнымъ сюда прибытіемъ поздравляю, желаю вашу къ себѣ и къ моимъ любовь и дружбу видѣть, которыя отъ меня и моихъ съ крайнею возможностію изъявлены будутъ“.

Татищевъ на эту весьма любезную рѣчь хана отвѣчалъ своею, не менѣе любезной:

„Почтенный Абуль-Хаиръ-хапъ.

Ваше къ Ея Императорскому Величеству подданническое поздравленіе не иначе, какъ за утвержденіе ваше къ Ея Императорскому Величеству покорности и вѣрности приѣмля, всеподданнѣйше донести не оставлю, а потомъ Высочайшимъ повелѣніемъ Ея Императорскаго Величества обнадеживаю, что Ея Императорское Величество васъ—хана, какъ со всею вашею фамилією и ордами Всемиловивѣйше въ подданство и во Всевысочайшее Ея десницы защищеніе и материнскую милость принять соизволила, такъ и всегда васъ, какъ вѣрноподанныхъ, въ томъ содержать соизволить, службу же и вѣрность, показанную отъ васъ, Всемиловивѣйше похваляетъ. При томъ объявляю вамъ Всемиловивѣйшее Ея Императорскаго Величества соизволеніе, чтобы одинажды обѣщанное свое подданническое желаніе присягою по закону вашему утвердили. Я же собственно, васъ видя, весьма радуюся и, отъ сердца желая вамъ всякаго благополучія, поздравляю и о моей къ вамъ любви и дружбѣ не иначе, какъ моего друга и брата—увѣряю, и оно непременно сохранять желаю“.

Послѣ этихъ рѣчей принесли въ палатку золотомъ вышитый коверъ, стоя на которомъ Абуль-Хаиръ-ханъ, по настоянію Татищева, далъ ниже помѣщенную присягу въ вѣрности на подданство нашему правительству:

„Я киргизъ-кайсацкій ханъ Абуль-Хаиръ даю обѣщаніе и клятву всемогущимъ Богомъ, что хочу и долженъ со всѣмъ моимъ родомъ и со всею моею ордою Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской и по ней Ея Императорскаго Величества высокимъ законнымъ наслѣдникамъ, которые по изволенію и самодержавной Ея Императорскаго Величества власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію престола удостоены будутъ,—вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть, и всѣ къ Высокому Ея Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежація права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и въ томъ живота своего въ потребномъ случаѣ не падать и при томъ, по крайней мѣрѣ, стараться и приспѣшествовать все, что къ Ея Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касаться можетъ; о ущербѣ Ея Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявить, но и всякими мѣрами отвратить и не допустить и по указамъ Ея Императорскаго Величества присылаемымъ съ крайнею возможностью исполнять тшчаться буду, какъ я передъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же этой моей клятвы цѣлую слова, данныя отъ Всевышняго“.

Ханъ поцѣловалъ при этомъ коранъ у приводившаго его къ присягѣ ахуна.

Татищевъ подошелъ къ Абуль-Хаиру съ богатою саблей, приготовленной въ подарокъ хану киргизовъ-казаковъ.

„Сія тебѣ милость, сказалъ онъ, отъ Ея Императорскаго Величества въ знакъ Всевысочайшей къ тебѣ и ко всему народу твоему защиты; ты же долженъ противу всѣхъ враговъ Ея Величества со оною такъ храбро и вѣрно поступать, какъ честному человѣку и вѣрному слугѣ прилично и должно, и сію для той памяти имѣешь всегда неотлучно при себѣ носить“.

Татищевъ подалъ при этомъ Абуль-Хаиру саблю и— раздалась пальба изъ пушекъ. Какъ хвастливый азіатецъ, ханъ обѣщалъ собрать и доставить въ Россію всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находившихся въ ордахъ киргизскихъ и во владѣніяхъ сосѣднихъ народовъ. Въмѣсто же этого, подданные его въ слѣдующемъ 1739 году, почти на самой границѣ нашей, разграбили два купеческіе каравана, вышедшіе изъ Оренбурга, и потомъ въ 1740 году, когда бѣжалъ отъ нашихъ войскъ за рѣку Уралъ главный башкирскій возмутитель Карасагалъ, ханъ и его султаны рѣшительно отказались ловить бѣглеца. Въ такомъ же родѣ было и дальнѣйшее поведеніе Абуль-Хаира и подвластныхъ его въ отношеніи къ Россіи. Онъ и сыновья его, пріѣзжая въ Оренбургъ пользовались дорогими подарками и въ высшей степени дружескимъ къ нимъ отношеніемъ, взамѣнъ чего повторяли нѣсколько разъ свою присягу въ вѣрности и давали разныя обѣщанія, исполнять которыя не могли, да и не хотѣли, и нарушеніе которыхъ происходило при первомъ же удобномъ случаѣ. Хорошо было одно, что до 1743 года ни ханъ и ни его султаны не осмѣливались дѣлать явнымъ образомъ набѣги на наши границы и крѣпости, а въ этомъ году, получивши отказъ въ принятіи заложникомъ побочнаго сына его Ченгиза, вмѣсто законнаго Ходжи-Ахмета, Абуль-Хаиръ-ханъ озлобился до такой степени, что самъ сталъ подущать своихъ киргизовъ къ нападенію на пограничныя наши селенія. Вслѣдствіе этого, партія въ 1000 и 2000 человѣкъ вторгались въ малочисленныя, едва основанныя русскія села и увлекали съ собою за Уралъ все, что не могло спастись отъ нихъ или быть

ими истреблено. Подъ Илецкимъ городкомъ въ одинъ несчастный день было взято въ плѣнъ около 80 человекъ. Въ довершеніе всего—виновникъ этихъ злодѣйствъ, скрывая злобу свою, не переставалъ увѣрять письменно наше правительство въ своей преданности Россіи и повторять, что всѣ нападенія производимы были ему непокорными киргизами; только въ слѣдующемъ 1744 году сбросилъ ханъ коварную личину: сначала онъ разграбилъ шедшій изъ Астрахани въ Хиву нашъ караванъ, а потомъ задержалъ поручика Гладышева, отправленнаго изъ Оренбурга къ каракалпакамъ, и отнялъ имущество и „грамоту“ у возвращавшихся изъ Петербурга посланниковъ этого народа. Таковы были подвиги Абуль-Хапра-хана до самаго конца его жизни, наступившаго въ 1748 году. Наказанія со стороны нашего правительства готовились ему нѣсколько разъ, но тѣ или другія обстоятельства и соображенія всегда отклоняли грозу. Преемникомъ Абуль-Хаиру, въ званіи хана Малой орды избранъ былъ стараніями Россіи старшій сынъ его Нурали; народный выборъ былъ утвержденъ официально Императорскою грамотой.

Зависимость Средней орды была еще менѣе существенна. По смерти хана Шемяки, эта орда управлялась двумя султанами Абуль-Магметомъ и Аблаемъ, которые, по приглашенію Татищева, пріѣхали въ Оренбургъ и приняли здѣсь въ 1740 году, вмѣстѣ съ 120 старшинами, присягу на подданство Россіи. Расположеніе ихъ къ русскому правительству казалось искренно, по находясь ближе, нежели къ намъ, къ сильному въ то время властителю джунгаровъ—Галданъ-церию, принуждены были вскорѣ затѣмъ признать надъ собою верховную власть этого послѣдняго. Это не помѣшало, однако же, Абуль-Магмету присягнуть еще въ 1742 году, по поводу восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы на вѣрность Россіи. Въ то же время призналъ себя впервые поданнымъ нашимъ и повелѣвавшій значительною частью Средней орды султанъ Баракъ; посланные его осыпаны были въ Петербургѣ милостями и разнаго рода подарками; но когда

позвали его самого для принятія присяги въ Оренбургъ, высокоомѣрный султанъ обидѣлся и прогналъ прибывшаго къ нему чиновника, не допустивъ его даже къ себѣ. Черезъ нѣсколько времени, однако же, гордецъ этотъ принужденъ былъ смириться передъ Галданъ-церынемъ и отослать къ нему, въ залогъ вѣрности, собственнаго своего сына.

Большая орда во все это время находилась въ полной зависимости отъ джунгаровъ и платила имъ ежегодную дань.

Все предшествующее даетъ уже нѣкоторое понятіе о томъ, что значили присяги на вѣрноподданничество, которыя столько разъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ давали нашему правительству народъ и владѣтели Малой и Средней орды киргизовъ-вазаковъ: въ глазахъ ихъ это было не болѣе, какъ средство—съ одной стороны получать подарки и въ случаѣ нужды—съ другой—защиту отъ русскихъ, самихъ же ихъ ни къ чему совѣмъ не обязывавшее. Эти киргизы, подданные на словахъ и бумагахъ, часто вели себя и были опаснѣе, нежели открытые враги. Точно такими же оставались отношенія ихъ къ намъ во все продолженіе прошедшаго и частію въ первой четверти настоящаго столѣтія. Простой народъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ безуправнаго существованія пріобышій, такъ сказать, къ непокорности и буйству, къ грабежу чужихъ и своихъ, вполне оправдывалъ имя кайсаковъ-вольницы, повинясь только охотно предводителямъ, которые отличались дивнымъ удалствомъ своимъ и умѣли возбуждать дивныя страсти народа. Приказанія султановъ и биевъ киргизъ-кайсаки исполняли тогда лишь, когда они согласовались съ собственными ихъ стремленіями или когда повиновеніе обуславливалось физическою необходимостью. Начальники родовъ и племенъ, бии и султаны такого же рода повиновеніе оказывали—въ свою очередь—передъ ханами, во всѣхъ поступкахъ своихъ руководствуясь или семейными связями, или родовою враждою: ханы же ¹⁾, большею частью бессильные и малоува-

¹⁾ Нурали, сынъ Абуль-Хаира, возведенный въ ханское достоинство

жаемые или пользовавшіеся властью надъ нѣкоторыми только частями народа, снѣдаемые, однако же, тщеславіемъ и взаимною завистью, думали не о томъ, какъ бы упрочить благо подвластныхъ имъ, а какъ бы распространить свое личное вліяніе. Съ этою цѣлью рѣшались они на междоусобныя войны, клеветали другъ на друга передъ русскимъ правительствомъ, дружились по временамъ съ джунгарами, искали покровительства китайцевъ; наружная преданность русскому правительству была лишь средствомъ возвыситься, при помощи его, надъ соперниками; чтобы получить отъ насъ подарки и отличія, ханы старались представлять себя значительнѣе, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ,—обѣщали, безъ зазрѣнія совѣсти, чего никогда не могли и не намѣревались исполнить. Въ продолженіе почти ста лѣтъ, со времени принятія киргизъ-кайсаками русскаго подданства, какъ селенія на русской границѣ,

въ 1749 году, въ 1785 году лишень былъ его за слабость въ управленіи. До кончины его въ 1790 году ордомъ управляло народное собраніе, созванное русскимъ правительствомъ. Въ 1791 году ханомъ провозгласили брата Нурали, по имени Ирали или Эрали. Въ 1794 году по смерти Эрали, ханское достоинство перешло къ сыну Нурали, по имени Ишиму, который въ 1798 году лишился жизни отъ руки разбойника; послѣ этого, ханомъ утвержденъ былъ сынъ Абуль-Хайра Айчувакъ. Согбенный лѣтями и болѣзнями, въ 1805 году онъ былъ уволенъ, а на мѣсто его возвели сына его Джантюру, который былъ злодѣйски умерщвленъ своими родственниками въ 1809 году; черезъ два съ половиною года ему наследовалъ братъ его Ширгази, бывший послѣднимъ ханомъ въ Малой ордѣ; по вызовѣ его въ 1824 году въ Оренбургъ, ханское достоинство было совсѣмъ уничтожено.

Въ Средней ордѣ хану Абуль-Магмету наследовалъ въ управленіи поколѣніемъ Наймановъ съ титуломъ султана сынъ его Абуль-Фейзъ, который призналъ себя подданнымъ китайской имперіи, а по смерти Аблая, съ 1778 г. утвержденнаго въ ханскомъ достоинствѣ, которое задолго передъ этимъ онъ принялъ самовольно, въ 1782 году ханомъ сѣверной части орды утвержденъ былъ сынъ его Вали. Китайское правительство, напротивъ того, утвердило ханомъ пасынка Абуль-Фейзова Ханъ-Ходжу, избраннаго поколѣніемъ Наймановъ. Въ 1821 году Вали скончался; ханомъ, вмѣсто его, еще въ 1816 году назначенъ былъ Букей, сынъ Барака. Со смертію Букей (въ 1819 году) ханское достоинство въ Средней ордѣ упразднили и орду раздѣлили на округа.

такъ и торговые караваны внутри степи постоянно подвергались ихъ грабительствамъ; но родовая вражда потомковъ Абуль-Хаиръ-хана съ потомками Каипа, восходившими не однажды на хивинскій престолъ,—вражда, продолжавшаяся до послѣдняго времени и составлявшая внутреннюю связь почти всѣхъ явленій новѣйшей исторіи киргизъ-кайсацкаго народа, стояла самому ему, быть можетъ, несравненно болѣе, нежели весь вредъ, нанесенный имъ въ то же время русскимъ и другимъ сосѣдямъ, которые, въ возмездіе за его грабительства, довольно часто платили тою же монетою.

Русское правительство не могло, разумѣется, быть равнодушнымъ къ такому положенію народа, гибельному для него самого и вредному для нашей имперіи, принявшей его въ свое подданство. Съ царствованія императрицы Екатерины Великой принимало оно многочисленныя мѣры для усмиренія киргизовъ и для водворенія въ степяхъ ихъ болѣе прочнаго гражданскаго и политическаго порядка; но, къ сожалѣнію, мѣры эти не увѣнчивались въ большинствѣ случаевъ успѣхами. Причиною тому была отчасти несвоевременность, такъ сказать, предпринимаемыхъ мѣръ, отчасти несообразность ихъ съ основными чертами азіатскихъ характеровъ. Намѣренія правительства были вообще хорошия, и наша власть дѣйствовала въ большинствѣ случаевъ вполне справедливо, но не строго и не рѣшительно, тогда какъ азіатецъ всякую кротость, всякое снисхожденіе считаетъ за слабость, уважаетъ только силу и уступаетъ одной лишь твердости и настойчивости. Укрощать строптивыхъ хановъ и имъ подвластныхъ военною силою удавалось рѣдко, да и старались избѣгать этого, жалѣя проливать русскую кровь; старались достигать той же цѣли, лаская ихъ тщеславіе и корыстолюбіе, прощая вліятельнѣйшихъ ордынцевъ, раздавая имъ почетные знаки, осыпая подарками, назначая постоянное жалованье; но всѣ эти средства еще болѣе возбуждали ихъ алчность и, вмѣсто мира, производили часто зависть, нерѣдко выражавшуюся кровавыми и вредными для насъ послѣдствіями; единственно по-

лезнымъ средствомъ оказывался хорошій и осторожный выборъ заложниковъ (или аманатовъ). Съ царствования императрицы Екатерины II, вмѣстѣ съ прежними, начался и рядъ мѣръ другого характера. Благодушная Государыня эта, стремившаяся дѣйствовать повсюду кротостью и милосердіемъ, видѣла въ киргизахъ народъ не коварный и преступный, а только дивій и, вслѣдствіе этого, не понимающій ни своихъ, ни чужихъ выгодъ,—потому и рѣшилась дѣйствовать на него путемъ, такъ сказать, образованія и гражданскихъ учреждений, надѣясь, что поспѣянное ею не замедлитъ дать хорошіе плоды. Чтобы сблизить киргизовъ съ русскими и сближеніемъ этимъ смягчить ихъ нравы, въ 1782 году велѣно было открыть въ Оренбургѣ особое учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Пограничной Экспедиціи, которое всевозможными средствами должно было стремиться къ исполненію благихъ намѣреній Императрицы относительно киргизъ-кайсаковъ; отмѣнено было существовавшее съ основанія оренбургской линіи запрещеніе перепускать киргизскій скотъ на зиму въ предѣлы Россіи. Начальникамъ пограничныхъ мѣстъ строжайше подтверждено было, чтобы они смотрѣли за соблюденіемъ правосудія и оказывали киргизамъ всевозможное покровительство и справедливую защиту и, наконецъ, отпущены были весьма значительныя суммы для построенія на границахъ оренбургской и сибирской мечетей, при которыхъ находились бы школы и караванъ-сарай. Затѣмъ, имѣя въ виду, что Пограничная Оренбургская Экспедиція, учрежденная для завѣдыванія отношеніями правительства съ киргизъ-кайсаками, не могла входить въ разбирательства частныхъ жалобъ между жителями обѣихъ сторонъ границы, Императрица возымѣла намѣреніе учредить такое судебное мѣсто, въ дѣйствіяхъ котораго киргизъ-кайсаки принимали бы участіе равное съ русскими и которое служило бы имъ, какъ надѣялась она, училищемъ правосудія; съ этою цѣлью и былъ изданъ въ 1784 году указъ объ открытіи въ Оренбургѣ пограничнаго суда, который бы разбиралъ какъ пограничныя, такъ и уголовныя дѣла, возникающія

между киргизами и пограничными жителями Россіи. Наконецъ, въ 1787 году для большаго порядка въ Малой ордѣ, который бы приближался къ устройствѣ, начертанному „въ учрежденіи объ управленіи губерній“, одному изъ любимѣйшихъ законодательныхъ произведеній императрицы, открыты были, по мысли тогдашняго правителя оренбургскаго края—барона Игельстрома, посреди самой орды пять судебныхъ мѣстъ, подъ названіемъ расправъ. Каждая расправа состояла изъ предсѣдателя и двоихъ членовъ, которые обязаны были сѣзжаться ежедневно и, рассматривая всѣ поступающія къ нимъ просьбы, поставлять по нимъ опредѣленія, обиженныхъ удовлетворять, а недовольнымъ представлять право переносить дѣло—на апелляцію—въ оренбургскій пограничный судъ.

Такъ какъ управлявшій тогда ордою сынъ Абуль-Хаира ханъ Нурали оказался человѣкомъ крайне слабымъ и неспособнымъ и такъ какъ не знали, кѣмъ было можно его замѣнить, то, по представленію Игельстрома, управленіе народомъ, еще въ 1786 году, ввѣрено было особому народному собранію и, сверхъ того, въ каждомъ изъ трехъ поколѣній, составлявшихъ Малую орду, избрано было для наблюденія за поведеніемъ народа по одному главному и по нѣскольку второстепенныхъ старѣйшинъ. Предположенныя мечети съ училищами и караванъ-сараями были въ этомъ году построены въ Оренбургѣ и въ Троицкѣ. Игельстромъ готовился построить такія же среди степей, но онъ и Государыня должны были увидѣть съ горестью, что обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: прекрасныя, но, къ сожалѣнію, несвоевременныя и неприспособленныя къ степному быту начинанія ихъ кончились тѣмъ, что народъ, привыкшій къ волненіямъ и грабежамъ, предался снова междоусобіямъ и возобновилъ свои набѣги на линію. Черезъ нѣсколько лѣтъ слѣдомъ существованія расправъ остались только члены ихъ, аккуратно ѣздившіе въ Оренбургъ за полученіемъ жалованья. Народное собраніе было распущено, ханское достоинство возставлено, и все вошло опять въ свой первобытный порядокъ и неустройство. Въ 1799 году

признанъ былъ излишнимъ и пограничный судъ; вмѣсто него и Пограничной Экспедиціи, учреждена была, на иныхъ началахъ, Коммиссія Пограничныхъ Дѣлъ.

Всѣ эти опыты прививки гражданственности къ дикому быту кочевыхъ азіатцевъ производились главнымъ образомъ надъ ближайшею къ намъ Малою ордой. Относительно Средней, болѣе отдаленной и болѣе покойной, на половину подданной Китайской имперіи, не было предпринимаемо никакихъ подобныхъ мѣръ, за исключеніемъ того, что открытъ былъ въ Петропавловской вѣрности судъ для разбора тяжбъ и несогласій между киргизами Средней орды и пограничными жителями Сибири. Открытіе пограничныхъ судовъ въ Петропавловскѣ и Бійскѣ мало помогло дѣлу, и генералъ-отъ-инфантеріи Штрандманъ въ запискѣ о нуждахъ Сибири, поданной Императору Александру I-му 15-го декабря 1801 года, представилъ о необходимости учрежденія правительства въ степи; при этомъ онъ заявлялъ, что и сами киргизы желали бы учрежденія, въ ихъ средѣ, сильной власти. Штрандманъ полагалъ, что лучшимъ исходомъ въ этомъ дѣлѣ было бы возвращеніе власти Вали-хану посылкой къ нему отряда въ 50 казаковъ. Вали-ханъ съ начальникомъ этого отряда, а также съ 4 или съ 5 киргизскими султанами разбиралъ бы споры, но въ важныхъ случаяхъ рѣшеніе вопросовъ должно было бы восходить къ начальнику Сибирской дивизіи. Подобныя же коммиссіи Штрандманъ признавалъ нужнымъ учредить въ двухъ еще мѣстахъ: противъ Ямышевской дистанціи и противъ Устьбаменогорской, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ линіи въ степи. Этими средствами онъ полагалъ обезпечить движеніе въ степи торговыхъ каравановъ и рассчитывалъ получать вѣрныя свѣдѣнія о непріятельскихъ намѣреніяхъ. Для большаго пріохоченія Вали-хана и старшинъ къ той роли, къ которой предназначалъ ихъ Штрандманъ, онъ признавалъ нужнымъ опредѣлить имъ жалованье по 50 рублей въ годъ и выдавать каждому по 50 пудовъ муки.

Упомянутыя воммиссіи должны были высылаться только лѣтомъ, такъ какъ зимой киргизы перекочевывали съ табунами по сю сторону линіи. Разрѣшеніе на это дано имъ было въ 1798 году, по просьбѣ Акходжи-Мулла-Кочина, изъ состава Средней киргизъ-кайсацкой орды, владѣнія Аблай-хана. Акходжа просилъ дозволенія кочевать между крѣпостями Семипалатинскою и Омскою, по правому берегу р. Иртыша, заявляя при этомъ, что и другіе старшины той орды желали бы вступить въ російское подданство съ своими кибитками. Просьба о дозволеніи кочевать въ предѣлахъ Россіи вызывалась тѣмъ, что въ степяхъ погибалъ у киргизовъ скотъ отъ бурановъ, особенно много погибло рогатаго скота и овецъ въ 1799 году.

Въ 1803 году былъ разграбленъ киргизами караванъ, шедшій въ Бухарію. Вступя въ равнину Музъ-Биль, лежащую въ киргизъ-кайсацкой степи, караванъ увидалъ скачущаго къ нимъ киргиза, оставленнаго на посту для сбора свѣдѣній о киргизахъ. Гонецъ этотъ сообщилъ, что киргизы готовятся сдѣлать нападеніе на караванъ. Въ ночь съ 9 на 10 сентября караванъ былъ дѣйствительно окруженъ киргизами. Ставъ вагенбургомъ, караванъ успѣлъ отбить два первыхъ нападенія, Всего въ караванѣ было: 1 сотникъ, 15 казаковъ, 10 тептярей съ 3 хорунжими и 21 человекъ купцовъ съ проводниками и слугами. Испытавъ неудачу въ ночномъ нападеніи, киргизы раздѣлились на малые отряды и часть ихъ спѣшилась. Новая атака разорвала каре и начатась рукопашная схватка; въ это время киргизы, замѣтивъ нѣсколько верблюдовъ, навьюченныхъ, бросились грабить тюки, и это спасло караванъ, давъ людямъ возможность сплотиться, и когда киргизы отступили, осажденные принялись устраивать редутъ. Не довольствуясь малымъ, киргизы хотѣли разграбить весь караванъ, и вскорѣ ихъ собралось до 1500 человекъ. Встрѣтивъ отпоръ при новомъ нападеніи, киргизы рѣшились заморить караванъ голодомъ и расположились кругомъ на ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленія. Къ разсвѣту прибыли еще киргизы. Начались переговоры

объ отдачѣ имъ каравана безъ боя, съ ручательствомъ за сохраненіе жизни всѣмъ обороняющимся. Утомленіе и жара изнурили людей, казаки и они требовали отдать караванъ на разграбленіе, а самимъ пробиться сквозь враговъ силою, направляясь къ Чуменейскимъ ауламъ. Принявъ это рѣшеніе, осажденные вышли изъ укрѣпленія и направились на киргизовъ, которые, видя, что тюки съ товарами остались безъ защитниковъ, бросились на грабежъ, и это дало возможность оставшимся въ живыхъ людямъ каравана продолжать свободно путь. Чуменейскіе киргизы, вышедшіе навстрѣчу въ числѣ 200 человекъ, хотѣли было раздѣлить караванъ, посадивъ казаковъ на лошадей; но умыселъ былъ раскрытъ, и спасшимся отъ одного погрома пришлось отстрѣливаться и отъ друзей—киргизовъ. Дойдя до аула Чукапайскаго, гдѣ они могли утолить свою жажду, они снова были нагнаны грабителями, отъ которыхъ съ трудомъ отбивались. Плѣнные были возвращены впоследствии; въ числѣ ихъ оказался и докторъ Савва Большой, отбитый при выходѣ изъ укрѣпленія; онъ былъ возвращенъ въ 1804 году.

Таковы могли быть дѣла въ началѣ XIX столѣтія!

Несмотря, однако, на всѣ постигавшія наше правительство довольно крупныя неудачи, нельзя все-таки сказать того, чтобы долговременныя усилія, въ отношеніи сближенія киргизовъ съ Россіей и умиротворенія, такъ сказать, этого народа, оставались совершенно безплодны. Во-первыхъ, киргизы обѣихъ подвластныхъ намъ ордъ привыкли видѣть себя подданными русскихъ государей, привыкли видѣть вмѣшательство русскаго правительства не только въ пограничныя, но и во внутреннія дѣла ихъ, и хотя медленно, съ большимъ упорствомъ, а все-таки повиновались его приказаніямъ и распоряженіямъ. Это давало возможность дѣйствовать на нихъ успѣшнѣе въ будущемъ: если почва не была еще обработана и засѣяна, такъ—по крайней мѣрѣ—расчищена и приготовлена для обработки. Во-вторыхъ, завязался съ ними и упрочился взаимно выгодный мѣновой торгъ. Сначала производился онъ въ одномъ

лишь Оренбургъ, а потомъ съ 1750 года открытъ былъ въ Троицкѣ и черезъ тринадцать лѣтъ послѣ этого—въ Семипалатинскѣ. Война Джунгаріи съ Китаемъ, ея внутреннія междоусобія и разнаго рода неособенно пріятныя въ подвластныхъ джунгарскому хану азіатскихъ странахъ событія постепенно ослабили Джунгарію и значительно измѣнили ходъ событій въ пользу Россіи. Китайскія войска стѣснили на всѣхъ пунктахъ джунгарскаго хана, и онъ потерялъ въ 1757 году свою силу, а Джунгарія—свою самостоятельность. Калмыки были уведены въ предѣлы Китая и только незначительная часть ихъ, спасаясь отъ нападенія китайцевъ, удалилась къ границамъ нашей Сибири. Земли, на которыхъ кочевали калмыки, тотчасъ же заняты были киргизами Средней орды, которые дѣлились на многіе роды, подвластные султанамъ. Султанъ Аблай поселился на рѣчкѣ Чаръ-Курбанъ и при урочищѣ Кылчакты, которое находится въ Кокчетавскомъ округѣ киргизской степи; Абуль-Фейзъ—на урочищѣ Чагыль и по рѣчкѣ Чаганъ, недалеко отъ крѣпости Семипалатинской, въ той части киргизской степи, гдѣ нынѣ расположены уѣзды и округа: Каркаралинскій, Сергіопольскій и Кокпектинскій. Въ лицѣ пришедшихъ на мѣста калмыковъ киргизъ-кайсаковъ мы приобрѣли сосѣдей сравнительно мирныхъ и болѣе или менѣе къ намъ расположенныхъ. Они стали искать сближенія съ нами съ самаго начала своего поселенія въ при-иртышскихъ степяхъ. Султанъ Абуль-Фейзъ въ 1760 году отправилъ въ С.-Петербургъ своихъ довѣренныхъ Бекъ-Мурзу и Худай-Бергена просить принять его съ подвластнымъ ему народомъ въ подданство Россійской имперіи и дозволить пріѣзжать киргизамъ для торга въ крѣпость Семипалатинскую, что и было дозволено. Для торга съ ними былъ устроенъ мѣновой дворъ въ 15 верстахъ выше Семипалатинска, на лѣвой сторонѣ Иртыша, противъ семи обветшалыхъ чудскихъ палатъ, давшихъ наименованіе крѣпости. Мѣновой дворъ обнесенъ былъ рогадинами, а снаружи имѣлъ земляной валъ; внутри его были построены купеческія лавки и караульный домъ для воинской

команды, выславшейся изъ крѣпости въ видахъ охраненія нашихъ купцовъ отъ грабежа; кромѣ того, у зданія, гдѣ помѣщалась воинская команда, для охраненія границы, были двѣ пушки при одномъ капралѣ и пять человекъ „иртышской прислуги съ приличнымъ количествомъ снарядовъ“. Съ 1760 года киргизы вѣдѣнія султана Абуль-Фейза, волостей Увакъ-Кирейской, Кара-Кирей, Найманской и Бура-Найманской, и вѣдѣнія султана Аблая-Увакской, Буринской и Кипчакской стали пріѣзжать съ торгомъ въ Семипалатинскую крѣпость, а съ 1765 года пріѣзжали уже на мѣновой дворъ, привозя съ собой для промѣна мягкую рухлядь, овчины, мерлушки, пригоняли рогатый скотъ, барановъ и лошадей. Пріѣзды ихъ были преимущественно съ января по май, а также въ іюль, августъ и ноябрѣ мѣсяцахъ. Такъ ихъ пріѣзжало въ 1765 году 120 человекъ, въ 1766 году—60 и въ 1767 году 20. Русскіе подданные сбывали киргизамъ избытокъ своихъ хлѣбныхъ запасовъ и грубыя произведенія промышленности. Мѣна пріучала понемногу киргизовъ къ мирнымъ сношеніямъ съ нашей имперіей, а употребленіе хлѣба также понемногу обратило его въ потребность; потребность же эта поставила въ большую зависимость отъ Россіи, изъ которой только и могли они получать хлѣбныя произведенія за дешевую цѣну и въ достаточномъ для нихъ количествѣ. Въ—третьихъ, довольно значительная часть киргизъ-вайсацкаго народа, переселившись внутрь пограничныхъ нашихъ линій и отдѣлившись, такимъ образомъ, отъ родовичей своихъ, вступила въ полное и совершенное намъ подданство. Переселеніе это имѣло мѣсто при сынѣ хана Нурали султанѣ Букеѣ—въ 1801 году. Въ-четвертыхъ, въ степи было отрѣзано и включено при этомъ въ предѣлы Россіи находившееся за первоначальную уральскую линіей пространство между рѣками Илекомъ и Бердянкой, известное нынѣ подъ именемъ илецкаго района и заключающее въ себѣ болѣе 600,000 квадратныхъ десятинъ. Главное богатство этого отрѣзка состоитъ въ мѣсторожденіи каменной соли, площадь котораго занимаетъ около 770000 квадратныхъ

сажень, а глубина простирается за 60 погонныхъ сажень. Соляныя копи мы стали разрабатывать съ 1754 года, когда основано было здѣсь небольшое селеніе, носившее имя Илецкой Защиты, а присоединеніе всего района съ повелѣніемъ укрѣпить границы его ливіей форпостовъ послѣдовало только въ 1810 году. Въ 1817 году на рѣкахъ Куралѣ и Бердянкѣ возведены были форпосты, и весь илецкій районъ сталъ заселяться русскими.

Въ 1819 году былъ принятъ въ русское подданство сынъ хана Аблая султанъ Сюка, а въ 1824 году—дѣти султана Адилы со всеми подвластными имъ киргизами Большой орды. Киргизы адилевы жили на торговомъ пути въ Кульджу и въ Ташкентѣ, возбуждали жалобы не разъ нашего купечества на грабежъ торговыхъ каравановъ и наводили страхъ на нашихъ торговцевъ.

Съ 1820 года, чтобы поддержать нашу власть съ одной стороны и дать возможность безопасно двигаться торговымъ караванамъ—съ другой, былъ принятъ нами иной методъ дѣйствій. Рѣшено было ежегодно отправлять въ степь отряды болѣе илименѣе значительнаго состава. Дѣла съ этимъ пошли, однако, не только не лучше, но, напротивъ, хуже. Въ 1822 году сильныя роды Чиклинцевъ признали надъ собою власть хивинскаго хана. Между киргизами независимыми и киргизами, считавшимися нашими подданными, возгорѣлись войны и грабежи. Уводъ нашихъ людей съ линіи удесятерился; особенно усилились разбои на Каспійскомъ морѣ, отъ которыхъ сильно терпѣли наши рыбопромышленники.

Въ это самое время начали вводить новое положеніе для управленія киргизами, и такъ какъ администрацію киргизы были раздѣлены такимъ образомъ, что Малая орда подчинилась оренбургскому генераль-губернатору, а Средняя западно-сибирскому, то новое положеніе для тѣхъ и другихъ киргизовъ разнилось весьма существенно потому, что исходило изъ различныхъ взглядовъ областныхъ управителей.

Новый уставъ для сибирскихъ киргизовъ изданъ былъ въ 1822 году, но осуществленъ только въ 1824 году. По этому

уставу сибирскихъ киргизъ раздѣлили на два округа—Каркаралинскій и Ковчетавскій. При учрежденіи этихъ округовъ старались соблюсти, по возможности, родовыя начала. Округа раздѣлили на волости; округами должны были завѣдывать старшіе султаны, къ которымъ приданы были диваны, долженствовавшіе обуздывать власть султановъ.

Между тѣмъ вопросъ, что дѣлать съ киргизами, чтобы уничтожить ихъ кровавыя междоусобія и, по возможности, остановить невѣроятно сильную склонность ихъ къ грабительству и разбоямъ—оставался еще открытымъ. За это дѣло взялся въ 1824 году оренбургскій генераль-губернаторъ графъ Эссенъ. По его представленію, для достиженія извѣстныхъ цѣлей нашего правительства, было положено прибѣгнуть къ новой рѣшительной мѣрѣ: ханское достоинство уничтожили; хана Малой орды Ширгазы, сына Айчувака, который былъ нравственно ничтоженъ и корыстолюбивъ, вызвали въ городъ Оренбургъ, гдѣ и назначили первоприсутствующимъ въ Пограничной Коммиссіи, а орду его, не обративъ вниманія на родовое дѣленіе земли, раздѣлили, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на три слѣдующія части: восточную, среднюю и западную. Управление каждою изъ этихъ частей ввѣрено было особому старшему султану, которыхъ впоследствии переименовали въ султановъ-правителей. Султанамъ дана была почти неограниченная власть и право наказывать подвѣдомственныхъ имъ киргизовъ за грабежи на линіи, для чего каждому изъ нихъ былъ приданъ отрядъ изъ 200 казаковъ. Каждому султану-правителю было положено по 1200 рублей жалованья и по 60 четвертей ржаной муки въ годъ. Съ этихъ поръ порядокъ и тишина стали водворяться въ Малой ордѣ довольно замѣтнымъ образомъ, такъ что въ теченіе слѣдующаго тридцатипятилѣтія представилась уже возможность приступить къ другимъ, еще болѣе важнымъ мѣрамъ и выполнить ихъ, не возбуждая безпокойствъ и волненій въ степи, которыя отразились бы, какъ прежде, на сопредѣльныхъ съ нею краяхъ нашей имперіи. Не мало способствовалъ

тому въ самомъ началѣ и выборъ лицъ, назначенныхъ въ султаны-правители. Особенно удачными распоряженіями отличался между ними правитель западной части орды султанъ Каратай Нураліевъ, человекъ, хотя и честолюбивый, но твердый и умный. Добивавшійся прежде ханскаго достоинства и сильно злодѣйствовавшій въ степи, онъ принялъ съ удовольствіемъ предложенное ему званіе султана и въ этомъ званіи, при помощи двухсотеннаго отряда казаковъ, первый подалъ примѣръ тому, что киргизовъ, за ихъ преступленія относительно русскихъ, стали наказывать вооруженною силою не отъ руки русскаго правительства.

Насколько удачно было административное дѣло Эссена, можно видѣть изъ попытки Ширгазы возвратить отнятое у него ханское достоинство. Осенью 1825 года, отправившись съѣздить въ аулы свои на три недѣли, Ширгазы не возвратился болѣе въ Оренбургъ. Наше правительство не сочло нужнымъ преслѣдовать бѣжавшаго, а предписало только имѣть за нимъ строжайшій надзоръ черезъ султановъ-правителей и прекратило ему выдачу жалованья въ 2000 рублей. Не успѣвши собственными средствами возмутить спокойствіе въ ордѣ, бывшій ханъ отправился въ 1827 году въ городъ Хиву и, выдавъ дочь свою за хивинскаго хана Алла-Кула, жаловался ему на ослушаніе ордынцевъ и просилъ его покровительства. Алла-Кулъ далъ обѣщаніе исполнить обращенную къ нему просьбу и, вслѣдствіе этого, послалъ въ орду своихъ лазутчиковъ, чтобы они разузнали, какіе, именно, роды не повинуются хану Ширгазы, и, собравши съ нихъ закеты (подать), объявили виновникамъ, что, если они будутъ противиться волѣ своего хана, онъ къ нимъ, Алла-Кулъ, придетъ съ своимъ войскомъ и разоритъ въ конецъ. Угрозы эти не произвели на киргизовъ ни малѣйшаго дѣйствія и, разумѣется, остались безъ исполненія со стороны хивинскаго хана, такъ что Ширгазы, возвратившись въ орду, поневолѣ долженъ былъ примириться съ своею участью, и съ 1830 года по смерть свою жилъ онъ

покойно, кочуя съ небольшимъ ауломъ въ ста верстахъ отъ Оренбурга—вверхъ по Уралу.

При такомъ весьма благопріятномъ ходѣ обстоятельствъ нашему правительству оставалось только неуклонно продолжать начатое, развивая постепенно данное ордѣ устройство.

Въ 1825 году султанамъ-правителямъ приданы были помощники, а въ 1828 году, съ усиленіемъ занятій въ Пограничной Коммисіи, увеличена была и ея канцелярія, къ султанамъ же правителямъ были назначены письмоводители. На расходы по всему управленію киргизами Малой орды, въ томъ числѣ и на медицинскія пособія для бѣдныхъ киргизовъ, было тогда отпущено 55540 рублей на ассигнаціи въ годъ. Въ 1831 году съ пѣлюю, чтобы предписанія русскаго начальства, особенно по взаимнымъ претензіямъ прилипейныхъ киргизовъ и пограничныхъ жителей, могли исполняться возможно скорѣе, военный губернаторъ оренбургскаго края графъ Сухтеленъ все протяженіе степи, прилегающее къ оренбургской линіи раздѣлилъ на дистанціи, съ назначеніемъ въ эти дистанціи начальниковъ изъ киргизовъ, а противъ каждаго линейнаго форпоста и станицы опредѣлялъ мѣстныхъ или аульныхъ начальниковъ. Такимъ образомъ, было положено въ степи начало правильной администраціи, основывающейся не на родовомъ, а на государственномъ началѣ. Этимъ путемъ достигалась возможность управлять постоянно измѣняющимся кочевымъ населеніемъ около нашей границы.

Съ 1830 года на оренбургскихъ киргизовъ началось усиленное давленіе хивинцевъ съ одной стороны и кокандцевъ съ другой, стремившихся подчинить ихъ своей власти. Вслѣдствіе этого въ 1832 году, по предложенію графа Сухтелена, былъ утвержденъ четвертый округъ для сыръ-дарьинскихъ киргизовъ.

Нѣкоторые султаны-правители умерли, между тѣмъ какъ другіе, оказавшись неблагонадежными, были отставлены; и какъ тѣ, такъ и другіе замѣнены были новыми. Перемѣны всѣ произведены были безъ всякихъ затрудненій и безъ пре-

кословія со стороны ордынцевъ. Все это несомнѣнно свидѣтельствовадо о значительномъ укрощеніи мятежнаго духа киргизовъ-казаковъ и о приобрѣтеніи русскимъ правительствомъ дѣйствительнаго въ степи вліянія; но еще много времени и усилій требовалось, чтобы искоренить вѣковыя привычки ея обитателей къ безначалію, самоуправству и хищничеству. По временамъ, тамъ или тутъ, особенно на южной сторонѣ киргизской степи, сосѣдственной съ Хивою и Бокандомъ и находившейся подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ, привычки эти проявлялись въ большихъ еще размѣрахъ; но наказаніе немедленно слѣдовало за преступленіемъ черезъ киргизскихъ же султановъ-правителей или—въ болѣе важныхъ случаяхъ—черезъ высылаемые въ степь наши отряды. По оренбургской линіи, съ учрежденіемъ мѣстнаго киргизскаго начальства, хищничество киргизовъ обратилось въ простое воровство, но на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря, куда еще не проникала русская власть, господствовало оно во всей силѣ: эмбенскіе рыбопромышленники подвергались безпрестанному морскому разбою киргизовъ, были ими захватываемы и продаваемы въ Хиву нерѣдко цѣлыми десятками.

Въ 1833 году управленіе оренбургскимъ краемъ было возложено на Перовскаго. Перовскій, по прибытіи въ свой край, тотчасъ же приступилъ къ двумъ рѣшительнымъ, какъ онъ полагалъ, мѣрамъ для усмиренія киргизовъ. Первая мѣра заключалась въ построеніи укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ, другая—въ устройствѣ новой линіи. Постройкою укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ имѣлось въ виду подчинить нашему вліянію самый безпокойный родъ киргизовъ—Адаевскій, уничтожить разбой и увозъ людей на Каспій, обезпечивъ при этомъ нашихъ промышленниковъ, и упрочить наши торговыя сношенія съ Азією. Такое укрѣпленіе возведено въ 1833—34 году при заливѣ Койдакъ (Мертвый Култукъ, заливъ Цесаревича) и названо Ново-Александровскимъ ¹⁾ укрѣпленіемъ.

¹⁾ Въ 1846 году перенесено было на Мангышлацкій полуостровъ къ Тъезь-Карагайскому заливу и переименовано было въ Ново-Петропавловское, а нынѣ известно подъ прежнимъ своимъ названіемъ.

Гарнизонъ его полагался около 500 человѣкъ. Для сообщенія съ Гурьевымъ и возки почты въ зимнее время устроены были по берегу Каспійскаго моря пикеты.

Въ слѣдующемъ 1835 году была устроена новая линія возведеніемъ фортовъ—Императорскаго, Наслѣдника, Константиновскаго, Николаевскаго и Михайловскаго. Заселеніе линіи шло неуспѣшно; казаки неохотно шли на новоселье; вспыхнули даже мятежи, которые пришлось усмирять. Ново-Александровское укрѣпленіе оказалось неудачнымъ: во-первыхъ, оно было построено въ очень нездоровой мѣстности, вслѣдствіе чего болѣзненность и смертность гарнизона въ укрѣпленіи приняла громадныя размѣры; всѣ люди проходили черезъ лазаретъ, и изъ девяти человѣкъ умиралъ одинъ ¹⁾; во-вторыхъ, желаемая цѣль не была достигнута. Грабежи и увозъ людей на Каспія не только не прекратились, но усилились. Дерзость хищниковъ замѣтно возросла. Весною 1836 г. былъ захваченъ смотритель эмбенскихъ водъ, а осенью—командиръ четырехпушечнаго бота со своею командой, съ орудіями и со шлюпкой. Полагаютъ, что число плѣнныхъ въ это время въ одной Хивѣ доходило до 2000 душъ, да вдвое или втрое противъ этого числа погибло при захватѣ или отъ изнурительныхъ работъ во время неволи.

Зимю 1837—38 годовъ предпринята была изъ Гурьева по льду на полуостровъ Бузачи противъ киргизовъ Адаевскаго рода, промышлявшихъ главнымъ образомъ морскими грабежами, довольно удачная военная экспедиція, имѣвшая послѣдствіемъ истребленіе разбойническихъ судовъ, и затѣмъ—превращеніе самаго разбоя. Около того же времени постоянная вражда киргизовъ Джагалбайлинскаго рода съ сосѣдними родами—Аргынскимъ, Кипчавскимъ и другими на сѣверо-востокъ степи подала поводъ прибѣгнуть здѣсь, для ея превращенія,

¹⁾ Для уменьшенія зла положено было смѣнять гарнизонъ два раза въ годъ, но эта мѣра помогла немного.

къ мѣрамъ иного рода: между кочевьями этихъ родовъ проведенъ былъ почти прямою линіей, отъ Орской крѣпости до Березовскаго отряда, на протяженіи почти 500 верстъ степи, цѣлый рядъ военныхъ поселеній и укрѣпленій, получившій названіе новой оренбургской линіи. Прирѣзокъ этотъ обогатилъ русское государство на счетъ киргизовъ почти 40000 кв. верстъ пространства хорошей земли, довольно лѣсистой и обильной водами.

Всѣ изложенныя мѣры и учрежденія нашего правительства, имѣвшія цѣлью обуздываніе буйства въ степи и введеніе въ ней лучшей администраціи, потребовали, кромѣ потраченныхъ единовременно довольно значительныхъ суммъ, и постоянного расхода. Взамѣнъ этого расхода и вообще пожертвованій, которыхъ стоило почти столѣтнее подданство киргизовъ Россіи, она имѣла полное право на вознагражденіе—тѣмъ болѣе, что населеніе степи не несло никакихъ повинностей—ни денежныхъ, ни натуральныхъ. Единственный денежный сборъ, установленный въ 1817 году при военномъ губернаторѣ графѣ Эссенѣ, за билеты, выдаваемые на киргизовъ, нанимающихся въ работники у прилинейныхъ жителей, падалъ скорѣе на наемщиковъ, нежели на кайсаговъ. Первые шаги къ обложенію ихъ денежною податью сдѣланы были лишь въ управленіе оренбургскимъ краемъ генералъ-адъютанта графа Перовскаго. Шаги эти, при извѣстномъ, вѣками независимости укорененномъ отвращеніи всѣхъ кочевыхъ народовъ къ постояннымъ налогамъ, были явленіемъ почти непримѣрнымъ въ исторіи отношеній осѣдлыхъ государствъ къ кочевому народу и—при всемъ томъ сопровождались успѣхомъ, который превзошелъ тогда всѣ ожиданія.

Такъ какъ главное и можно сказать единственное богатство и вмѣстѣ средство пропитанія ординцевъ заключалось въ скотѣ, то пограничное начальство постоянно дозволяло имъ, по недостатку въ степи удобныхъ мѣстъ, для сохраненія стадъ въ зимнія непогоды тебеневать ¹⁾ скотъ свой на внутреннихъ

¹⁾ Продовольствовать скотъ поденными кормомъ.

полинейныхъ земляхъ. Переходы эти не были подчинены никакимъ правиламъ, и со стороны кайсаковъ возникали постоянныя жалобы на произвольное взыскиваніе пограничными жителями платы за тебеневку. По этому поводу въ 1833 году предписано было брать съ кайсаковъ, при перепускѣ стада ихъ внутрь линіи, опредѣленную плату—съ мелкаго скота по 2 коп., съ рогатаго по 5 коп., а съ лошади и верблюда по 10 коп. на ассигнаціи; затѣмъ, въ 1837 году, по предложенію бывшаго предсѣдателя Пограничной Коммиссіи Генса, взаимнѣмъ покровительства, оказываемаго киргизамъ въ продолженіе зимней тебеневки ихъ по линіи и аманатовъ (заложниковъ), которые брались отъ нихъ на это время, Высочайше повелѣно было „взимать ежегодную подать въ 1½ рубля серебромъ съ каждой кибитки“, подвергнувъ этому сбору, получившему названіе кибиточнаго, сначала однихъ лишь прилинейныхъ кайсаковъ, а потомъ уже, по мѣрѣ упроченія русской власти въ степи, и кочующихъ въ глубинѣ ея. Въ первое время по распоряженіи аульные начальники, подъ наблюденіемъ султановъ-правителей, собрали около 23260 рублей серебромъ въ годъ, а черезъ двадцать два послѣ этого года уже болѣе—201170 рублей.

Въ 1844 году при Пограничной Коммиссіи учреждена была для киргизскихъ дѣтей первоначальная школа и опредѣлены были особые попечители изъ русскихъ чиновниковъ „для миролюбиваго разбирательства споръ, возникающихъ между кайсаками и прилинейными жителями“. На содержаніе всего управленія ассигновано было 64454 рубля, и расходъ этотъ сначала частью, а впослѣдствіи и цѣликомъ велѣно было производить изъ суммъ кибиточнаго сбора. На коммиссіи лежала обязанность имѣть попеченіе о поддержаніи и улучшеніи киргизскаго хозяйства,—оказывать пособіе кайсакамъ въ несчастные годы и принимать мѣры къ охраненію въ степи народнаго здравія, наблюдать за сборами, судить и рѣшать, въ предѣлахъ предоставленной власти, уголовныя и гражданскія дѣла, возникающія въ степи,—собирать свѣдѣнія о кир-

гизскомъ народонаселеніи и скотоводствѣ, а также и по торговой части.

Введеніе кибиточнаго сбора между прилинейными кайсаками и постепенное распространеніе его на дальнихъ кочевниковъ естественно не могло нравиться ни тѣмъ, ни другимъ; нашлось много недовольныхъ, которые, чтобы избавиться отъ „сбора“, откочевали въ предѣлы Хивы; когда же хивинцы обобрали ихъ, бѣглецы, ушедшіе въ Хиву людьми достаточными, вернулись оттуда нищими; примѣръ ихъ образумилъ прочихъ и неудовольствіе въ степи мало-по-малу затихло.— Спокойствіе было нарушено только султаномъ изъ сибирскихъ киргизовъ Кенисарою Касымовымъ, который съ шайкою своихъ приверженцевъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ грабилъ аулы и караваны купцовъ на югѣ Сибири и въ предѣлахъ оренбургской степи и съ 1842 года явился настоящимъ вожакомъ мятежныхъ киргизъ-кайсаковъ. Народная молва много распускала слуховъ объ этой личности, объ его удали и силѣ. Рассказывали, что Кенисара имѣлъ на шеѣ волосатую гриву, точно звѣрь какой. Провозгласивши въ кругу сообщниковъ себя ханомъ, онъ проходилъ не разъ съ толпами своихъ приверженцевъ въ оренбургской линіи. По дорогѣ Кенисара захватывалъ съ собой находившихся по близости русскихъ селеній байгушей (бѣдняковъ), которымъ нечего было терять. Они, напротивъ, питали надежду нагрѣть руки около оруса (русскихъ), потому что Кенисара громко возвѣстилъ своимъ единомышленникамъ, что прежде сожжетъ Екатерининскій поселецъ, потомъ разгромитъ Наслѣдницеую станицу, далѣе— поселецъ Атаманскій, пройдетъ всю новую оренбургскую линію до самаго Троицка съ огнемъ, копьемъ, чоблаками и арканами,—перспектива хорошая, общавшая много добычи.

На Екатерининскій поселецъ, дѣйствительно, Кенисара сдѣлалъ нападеніе. Нападеніе это для жителей поселка было неожиданнымъ. Хотя прежде и ходили темные слухи о движеніяхъ Касимова, но русскіе не придавали имъ почти никакого значенія, и прилинейные жители считали себя въ безопасности,

между тѣмъ какъ опасность эта была близка, около нихъ. Скопище киргизовъ Кенисары простиралось до 3000 человекъ когда они, наканунѣ нападенія засѣли въ лѣсахъ, окружающихъ Еватерининскій поселокъ.

Нападеніе произошло около семи часовъ утра. Разгромивши поселокъ, киргизы поворотили своихъ коней и направились въ глубину степи, уведя въ плѣнъ 13 человекъ мужчинъ, трехъ женщинъ и двухъ дѣвушекъ. Въ пяти верстахъ отъ поселка киргизы остановились для отдыха и празднованія побѣды, а потомъ ушли съ награбленнымъ имуществомъ и людьми, выжигая за собою степь, чтобы русскимъ невозможно было преслѣдовать ихъ. И дѣйствительно, русскіе не въ силахъ были догнать хищниковъ за неимѣніемъ подножнаго корма.

Пробывъ около года въ плѣну, русскіе были отпущены Кенисарою на свободу, отпущены были, впрочемъ, послѣ того, какъ ему возвратили жену и нѣсколько приверженцевъ, захваченныхъ высланными противъ него отрядами съ линіи. Отряды эти не разъ доводили мятежника до крайности; тогда онъ обращался съ просьбою о помилованіи и былъ много разъ Всемиловивѣйше прощаемъ; но едва проходила опасность, какъ онъ снова измѣнялъ клятвѣ своей жить мирно и снова обращался на путь своихъ злодѣйствъ.

Въ 1845 году Кенисара бѣжалъ къ китайскимъ предѣламъ и, схватившись тамъ съ бурутами, мучительною смертію погибъ въ 1847 году.

Однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ шайкахъ Кенисары Касимова былъ бій Табынскаго рода Байбадамъ Агайдаровъ, у котораго въ одной изъ схватокъ казаки наши отбили почти весь рогатый скотъ и барановъ; хотя, по распоряженію главнаго оренбургскаго пограничнаго начальства, скотъ этотъ и былъ возвращенъ Агайдарову, онъ всетаки не захотѣлъ мирно кочевать съ своимъ ауломъ на указанныхъ ему мѣстахъ и до 1849 года скитался въ степи, а затѣмъ ушелъ въ кокандскіе предѣлы, откуда двинулся съ ауломъ въ Кара-Бумы, гдѣ и расположился по сосѣдству съ управляющимъ Кичкене-

Чиклинцами Нурмухаммедовымъ; этотъ послѣдній тотчасъ же выслалъ въ нему до 300 человекъ, но они были встрѣчены вооруженною рукой; при происшедшей тутъ схваткѣ Агайдаровъ тяжело былъ раненъ и вскорѣ умеръ; его приверженцы, на голову разбитые, бѣжали въ кокандскія крѣпости: Авъ-Мечеть, Чумъ-Курганъ и Косъ-Курганъ, откуда на киргизовъ Нурмухаммедова выступило до 700 кокандцевъ; на пути своемъ они разграбили до 60 ауловъ Чумекеевского рода. Нумухаммедовъ просилъ себѣ подкрѣпленія, и отрядъ изъ 160 казаковъ, при двухъ орудіяхъ, и изъ 1000 киргизовъ сразился съ кокандцами; при укрѣпленіи Чумъ-Курганъ они были разбиты, и крѣпость ихъ съ начальникомъ, его дѣтьми и женами взята была русскими.

Разбой Кенисары подали управлявшему тогда оренбургскимъ краемъ генералу Обручеву мысль занять нѣкоторые важные въ стратегическомъ отношеніи пункты степи постоянными воинскими укрѣпленіями. Вслѣдствіе этого, по Высочайшему повелѣнію, одно изъ такихъ укрѣпленій возведено было въ 1845 году съ наименованіемъ Оренбургскимъ на рѣкѣ Тургаѣ въ восточной части киргизской степи (г. Тургай), а другое — на рѣкѣ Иргизѣ въ средней части ея, названное Уральскимъ (г. Иргизь).

Киргизы успокоились, но не надолго; черезъ годъ они возобновили набѣги, но набѣги эти были уже очень слабые.

Въ 1847 году, съ цѣлью огражденія кайсаковъ отъ притязательныхъ дѣйствій хивинцевъ и въ виду возможности устроить пароходство по Аральскому морю, на устьяхъ Сыръ-Дарьи въ урочищѣ Раимъ устроено было третье укрѣпленіе, названное сначала Раимскимъ, а потомъ Аральскимъ; въ слѣдующемъ же 1848 году, на пути сообщенія оренбургской линіи съ Уральскимъ укрѣпленіемъ, заложенъ былъ на горѣ, при слияніи Иргиза съ Карабутакомъ, фортъ Карабутацкій ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время Карабутацкій фортъ утратилъ свое значеніе и отличается только своими буранами, которые бывають здѣсь круглый

Въ 1851 году выразила готовность принять русское подданство главная масса киргизовъ Большой орды. Въ Государственномъ Совѣтѣ состоялось тогда рѣшеніе послать въ Оренбургъ къ начальнику казачьихъ войскъ предписаніе, чтобы онъ выслалъ нѣсколько сотъ казаковъ въ киргизскую степь и чтобы прошли они степь эту до самой китайской границы и узнали духъ народа. Весной слѣдующаго года, дѣйствительно, въ степи киргизовъ были высланы изъ Оренбурга казаки.

Первые три дня, пишетъ Іавинезъ, шли они, никого не встрѣчая, а потомъ увидѣли—стоитъ стѣна народа. Въ первое время они подумали, что попали въ ловушку,—послали, однакоже, казака спросить, что это за народъ? На его вопросъ: что вы за люди и зачѣмъ пришли сюда? они сказали: мы услышали, что пойдутъ здѣсь казаки, вотъ мы и пріѣхали. Мы, ханы и старшины и всѣ начальники, встрѣчаемъ казаковъ съ хлѣбомъ и солью. Казакъ, воротившись, сказалъ объ этомъ начальнику, который, взявъ съ собою нѣсколько человекъ, поѣхалъ къ киргизамъ. Какъ только подѣхалъ онъ, киргизы упали на колѣна; тогда начальникъ спросилъ ихъ, чего они желаютъ? Они ему отвѣтили: просимъ принять отъ насъ хлѣбъ-соль и принять насъ въ подданство Россіи. Начальникъ сказалъ: это доброе ваше желаніе; государь васъ приметъ съ любовью; потомъ онъ принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль на золотомъ блюдѣ и поблагодарилъ ихъ. Они спросили: далеко ли вашъ путь? — До китайской границы. Казаковъ вели киргизы по хорошимъ пастбищамъ и по мѣстамъ съ водою, питали ихъ мясомъ барановъ. Черезъ три недѣли до китайской границы оставалось не болѣе тридцати верстъ. Здѣсь казаки остановились, отыскали удобное мѣсто и основали городъ Копаль.

Такимъ образомъ, покорена была почти вся киргизская степь и упрочилось въ ней настолько русское вліяніе, что

годъ, наносятъ лѣтомъ песокъ и поднимаютъ ѣдкую соленую пыль съ близъ лежащихъ солончаковъ, а зимою до того бушуютъ, что часовые на гауптвахтѣ ходятъ, держась за веревку, чтобы не заблудиться.

оренбургскій генералъ-губернаторъ, не стѣсняясь, могъ уже сдѣлать распоряженіе о выдачѣ бывшихъ у киргизовъ невольниковъ; подъ опасеніемъ штрафа до 150 рублей, заключенія въ тюремные замки и ссылки въ отдаленныя мѣста Сибири съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, онъ запретилъ имъ даже покупку невольниковъ. И вотъ въ концѣ 1852 года 214 чело-вѣкъ получили свободу, изъ которыхъ 194 остались, по жела-нію ихъ, между киргизами, а остальные были отправлены на родину; между плѣнными находились афганцы, хивинцы, персы, харазинцы и армяне.

Послѣ этого степь была взволнована въ 1855 году чи-влинскимъ батыремъ—Исетомъ Кутебаровымъ. Вслѣдствіе под-стрекательства хивинцевъ, съ шайкою бунтующихъ киргизовъ напалъ онъ на правителя средней части Араслана Джантю-рина и убилъ его съ находившимися при немъ ордынцами. Бунтъ былъ скоро, однакоже, усмирень, а вмѣстѣ съ этимъ подчинились нашему правительству Чумичли—Табынцы и Адаевцы—два сильные рода киргизовъ, которые, кочуя въ юго-западной части степи, сопредѣльно съ хивинскими вла-дѣніями, признавали надъ собою скорѣе власть хана, нежели Россіи. Хивинское вліяніе на кайсаковъ, самое зловерное для спокойствія и гражданскаго преуспѣянія степени, было, по возможности, почти уничтожено на юго-западной ея ок-раинѣ, а на юго-восточной по рѣкѣ Сыръ—Дарьѣ, гдѣ хи-винцы и еще болѣе кокандцы грабили нашихъ киргизовъ по нѣскольку разъ въ годъ, сопровождая обыкновенно набѣги свои увлеченіемъ въ неволю ограбленныхъ ими несчастныхъ и возмущающими душу жестокостями,—все было почти ула-жено еще въ 1853 году уничтоженіемъ кокандскихъ укрѣп-леній, находившихся въ низовьяхъ Сыръ—Дарьи, пораже-ніемъ кокандскихъ скопищъ зимою того же года и затѣмъ—возведеніемъ здѣсь фортовъ съ русскими гарнизонами: № 1 (нынѣ городъ Казаинскъ) и № 2 (Карамавчи). Фортъ № 1 основанъ былъ Перовскимъ сначала при самомъ устьѣ Сыръ-Дарьи, въ шестидесяти верстахъ ниже его настоящаго поло-

женія, и названъ фортомъ Аральскимъ. Это было въ 1847 году; потомъ мѣсто, гдѣ былъ основанъ фортъ Аральскій, признано было до такой степени неудобнымъ, вслѣдствіе окружающихъ его болотъ, что фортъ былъ перенесенъ вверхъ по рѣкѣ—въ его настоящему мѣсту. Это былъ первый стратегическій пунктъ, занятый на востокъ отъ Орска,—пунктъ, съ котораго начало распространяться серьезно русское владычество и вліяніе въ центральной Азіи. Основавъ два форта—№ 1 и № 2, русскіе двинулись, подъ предводительствомъ графа Перовскаго, въ кокандской крѣпости Агъ-Мечети. Изъ Оренбурга выступили въ походъ, за Уралъ, 15 мая, шли преимущественно по рѣкѣ Илеку—до укрѣпленія Карабутака (428 верстъ) 10 дней; затѣмъ отъ Карабутака до укр. Уральскаго (187 верстъ) 4 дня; отъ укрѣпленія Уральскаго черезъ пески Кара-Кумъ до укр. Аральскаго или Раимскаго (315 верстъ)—8 дней. На урочище Раимъ пришли 6 іюня. Приготовленія къ дальнѣйшему слѣдованію отряда вверхъ по Сыру длились до 15 іюня; въ этотъ день отправились къ Агъ-Мечети, до которой оставалось 400 верстъ; эти 400 верстъ были пройдены въ 17 дней. На пути до Аральскаго озера не встрѣтилъ ни одного киргизскаго аула: имъ заранѣе было приказано откочевать съ дороги, чтобы не потрепали нужныхъ для отряда кормовъ. Обстоятельства вполне благопріятствовали походу: на пути отрядъ не тревожили ни хивинцы, ни кокандцы; жаркіе дни выдавались изрѣдка и—наоборотъ—рѣдкіе здѣсь дожди шли весьма часто, вслѣдствіе этого, здоровье отряда было въ очень хорошемъ состояніи.—Въ своихъ пяти-саженныхъ стѣнахъ кокандцы держались твердо; съ обѣихъ сторонъ перестрѣлки шли по цѣлымъ ночамъ, а днемъ—больше отдыхали; наконецъ, крѣпость взята была штурмомъ и переименована, въ честь побѣдителя, въ фортъ Перовскаго. Занятіемъ (въ 1853 году) Агъ-Мечети русскіе окончательно укрѣпили свое положеніе на Сыр-Дарьѣ.

Въ 1855 гооу срыта была хивинская крѣпостца Ходжа-Ниязъ на Куванъ-Дарьѣ и, такимъ образомъ, безопасность всего юго-восточнаго угла киргизской степи—какъ отъ хивинскихъ, такъ и отъ кокандскихъ вторженій была довольно прочно обезпечена, тѣмъ болѣе, что въ 1861 году русскіе основали еще одну крѣпость, извѣстную подъ именемъ крѣпости Джулекъ.

Такъ какъ завѣдываніе дѣлами киргизовъ по Сыру и Кувану, вслѣдствіе отдаленности этихъ мѣстъ отъ Оренбурга, было очень затруднительно для Пограничной Коммисіи, то изъ означенныхъ киргизовъ было устроено особое мѣстное управленіе подъ начальствомъ командующаго вновь основанною Сыръ-Дарьинскою линіей.

Вмѣстѣ съ устройствомъ Сыръ-Дарьинской линіи, близость Аральскаго моря вызвала необходимость создать на водахъ его пароходство и рѣчную флотилію. Въ 1860 году средства аральской флотиліи заключались въ одномъ пароходѣ, одномъ рѣчномъ паровомъ баркасѣ и гребныхъ судахъ; кромѣ того, въ Англій дѣлались два парохода и рѣчныя суда; для ихъ заказа туда командированъ былъ флигель-адъютантъ капитанъ Бутаковъ.

Когда водворились въ степи внутренній порядокъ и спокойствіе, забывая грабежи и разбои, киргизы стали понемногу обращаться къ земледѣдію, которое вскорѣ сдѣлало столь большіе успѣхи, что они начали снабжать своимъ хлѣбомъ нашихъ казаковъ.

Теперь явилась возможность приступить къ дальнѣйшему въ степи устройству. Еще въ 1858 году учреждено было между оренбургскою линіей и Уральскимъ укрѣпленіемъ правильное почтовое сообщеніе. До 1858 года ѣздили по транспортнымъ дорогамъ, ѣздили „при оказіи“, при какомъ-нибудь казенномъ транспортѣ, въ своемъ или наемномъ экипажѣ или просто на верблюдахъ, съ большимъ или меньшимъ конвоемъ казаковъ, смотря по степени спокойствія ордѣ киргизскихъ. Дѣлали въ день одинъ или два перехода, смотря по

величинѣ ихъ. Переходы обуславливались разстояніемъ между колодцами и рѣчками. Наконецъ, все это было найдено весьма неудобнымъ и трактъ въ 1858 году сланъ былъ киргизамъ до Карабутаскаго форта. Отъ Карабутаза до Казалинска почта открыта была лишь въ 1862 году. Киргизы повели дѣло по своему: станцію у нихъ обыкновенно представляла кибитка (юрта); путешественники сплошь и рядомъ, прїѣзжая на станцію или—вѣрнѣе—на то мѣсто, гдѣ бы должна была находиться станція, не находили ея вовсе. Ямщикъ-киргизъ только и думалъ о томъ, какъ бы отпречь поскорѣе лошадей и уѣхать назадъ; если же и бывалъ останавливаемъ нетерпѣливыми разспросами проѣзжающихъ, то хладнокровно отвѣчалъ имъ, что станція куда-нибудь уочевала. Киргизъ переносилъ кибитку, исправлявшую должность станціи, на версту или на двѣ въ сторону, въ какойнибудь ближайшій оврагъ, гдѣ больше было защиты отъ сѣвернаго холоднаго вѣтра, и измученному, озябшему путешественнику, вмѣсто того, чтобы согрѣться и отдохнуть, приходилось по цѣлымъ часамъ отыскивать вочевавшую станцію. Почтовые лошади были плохи вообще, а весною, особенно раннею, на нихъ почти нельзя было ѣздить; изнуренныя долгимъ зимнимъ холодомъ и голодовкой, онѣ едва передвигали ноги. Иногда приходилось впрягать въ повозки по 8—10 лошадей—по три, по четыре въ рядъ; спотыкаясь, плелись онѣ передъ путникомъ, какъ стадо овецъ, и никогда не были въ состояніи подняться въ рысь. Верблюды, которыхъ иногда поставляли вмѣсто лошадей, оказывались ничѣмъ не лучше этихъ последнихъ, съ тою развѣ разницей, что который—нибудь изъ этихъ кораблей пустыни поднималъ вой, точно протестуя противъ всей этой процедуры, и уже не замолкалъ ни на минуту въ продолженіе всего переѣзда, верста на 30—35. Наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ трактъ былъ снятъ оренбургскимъ купцомъ Мякиньевымъ, и станціи были построены въ теперешнемъ ихъ видѣ.

Обращая вниманіе на изложенное гражданское преуспѣ-

яніе степи киргизовъ оренбургскаго вѣдомства, высшее правительство сочло уже своевременнымъ ввести ее ближе въ составъ имперіи, почему и была она передана еще въ 1859 году изъ-подъ опеки министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ которою находилась около ста двадцати пяти лѣтъ, въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ и переименована при этомъ въ Область оренбургскихъ киргизовъ. Вскорѣ затѣмъ была упразднена и должность султановъ—правителей.

Неудачи кокандцевъ заставили ихъ броситься барантовать въ другую сторону, въ сторону Семирѣчья; но и тамъ ихъ набѣги только побудили правительство наше передвинуть передовую линію изъ Семипалатинска въ Копаль и Вѣрный. Однако, набѣги кокандской вольницы стали учащаться и сдѣлались очень дерзкими; поэтому противъ нихъ двинуты были русскія войска, сначала подъ командой полковника Циммермана, а потомъ генерала Колпаковскаго. Славныя дѣла подъ Узунъ-Агачемъ, Токмакомъ и Пишпекомъ, въ которыхъ кокандскія войска были разбиты на-голову, заставили кокандцевъ сдать намъ Токмакъ и Пишпекъ. Это было въ 1860 и 1861 годахъ.

Съ занятіемъ оренбургскимъ отрядомъ еще въ 1857 году Янъ-Кургана и сибирскимъ отрядомъ Пишпека, а въ 1862 году Меркэ, наши обѣ передовыя линіи разъединены были пространствомъ въ 700 верстъ, въ которое, какъ въ ворота, безнаказанно проникали барантчи, а въ случаѣ серьезной опасности наши обѣ линіи не могли подать другъ другу помощи. Все это, а также воинственное настроеніе кокандцевъ заставили двинуть впередъ сибирскій отрядъ, подъ командою полковника Черняева, къ г. Аулія-Ата; а оренбургскій отрядъ, подъ командою полковника Веревкина къ г. Туркестану. Въ 1864 году полковникомъ Черняевымъ взята была штурмомъ вѣрность Аулія-Ата, а полковникомъ Веревкинымъ—Туркестанъ и въ томъ же году, соединившись, оба отряда взяли штурмомъ вѣрность Чимкентъ. Такимъ образомъ, произошло соединеніе сыръ-дарьинской передовой линіи съ сибирской и

состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи Туркестанской области, военнымъ губернаторомъ которой назначенъ былъ произведенный въ генералы Черняевъ.

По взятіи Чимкента, стало извѣстно, что часть чимкентскаго отряда бѣжала въ Ташкентъ, откуда, соединившись съ войсками бухарскаго эмира, думала идти на русскихъ. Чтобы выяснитъ положеніе дѣлъ, генераль Черняевъ съ небольшимъ отрядомъ предпринялъ движеніе къ Ташкенту; по малочисленности отряда не удалось взять Ташкентъ въ 1864 году,—нужно было отступить. Въ слѣдующемъ 1865 году былъ взятъ и Ташкентъ. По взятіи Ташкента и Чиназа, генераль Черняевъ, по повелѣнію Государя Императора, былъ вызванъ въ Петербургъ для принятія участія въ комиссіи по вопросу объ устройствѣ вновь завоеваннаго края, а вмѣсто него назначенъ былъ генераль Романовскій. Непріязненные дѣйствія ковандскихъ войскъ въ 1866 году заставили генерала Романовскаго съ войсками двинуться впередъ. Слѣдствіемъ этого движенія было взятіе укр. Ходжента, Нау, Ура-Тюбе и Джизава.

13 іюня 1867 года Высочайшимъ повелѣніемъ Туркестанская область была отдѣлена отъ Оренбургскаго военнаго округа и образовала Туркестанскій военный округъ; командующимъ войсками и генераль-губернаторомъ округа назначенъ былъ генераль Фонъ-Кауфманъ.

Въ 1868 году былъ изданъ указъ Его Императорскаго Величества о совершенномъ преобразованіи управленія киргизскими степями оренбургскаго и сибирскаго вѣдомствъ, равно какъ оренбургскимъ и сибирскимъ казачьими войсками. Изъ областей Оренбургскихъ и Сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинской, а также изъ земель Уральскаго и Сибирскаго казачьихъ войскъ были образованы четыре области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская.

Областнымъ городомъ для Уральской области назначили Уральскъ, а мѣстопребываніе областного управленія Тургайской области, до его перенесенія внутрь степи, было остав-

лено въ Оренбургѣ; для области Акмолинской назначили областнымъ городомъ Акмолинскъ, но до устройства въ Акмолинскѣ помѣщенія для областного правленія, управление на время осталось въ г. Омскѣ; для Семипалатинской назначили г. Семипалатинскъ. Главное управленіе двумя первыми областями сохранялось въ лицѣ начальника Оренбургскаго края, а въ двухъ послѣднихъ въ лицѣ генераль-губернатора Западной Сибири. По мѣрѣ учрежденія новыхъ управленій, существовавшія въ областяхъ Оренбургскихъ и Сибирскихъ киргизовъ и Семипалатинской были упраздняемы. Внутренняя киргизская орда, оставаясь въ завѣдываніи оренбургскаго генераль-губернатора, съ упраздненіемъ областного управленія Оренбургскихъ киргизовъ, временно должна была подчиняться Тургайскому областному правленію.

Набѣги бухарскихъ шаекъ, часто съ бухарскими военными начальниками во главѣ, доказывали, что бухарскій эмиръ не желаетъ жить съ нами въ мирѣ, почему генераль фонъ-Кауфманъ двинулъ весною 1868 года войска къ Самарканду—священному городу мусульманъ въ Средней Азій. Подъ страшнымъ огнемъ войска перешли по грудь въ водѣ всѣ рукава Зеравшана и 1 мая взяли высоты Чупанъ-Ата, а на другой день утромъ въ лагерь явилась депутація изъ г. Самарканда съ предложеніемъ сдать городъ безъ боя. Генераль Кауфманъ немедленно двинулся въ городъ и занялъ цитадель. 31 мая взять былъ Катты-Курганъ, а черезъ десять дней бухарскій эмиръ просилъ уже мира, и почетный миръ съ Бухарою былъ заключенъ. Изъ завоеванной зеравшанской долины образованъ былъ Зеравшанскій округъ. Бухарскій эмиръ, понявъ, что не возможно бороться съ русскими, смирился. Одинъ хивинскій ханъ, оруженый страшными песчанными степями, гордо держалъ свою голову и постоянно возбуждалъ противъ насъ сосѣднихъ киргизовъ, выдавая имъ оружіе, деньги, а иногда отправляя и своихъ военачальниковъ. Для обузданія хивинцевъ весною состоялся походъ подъ начальствомъ генерала Кауфмана. Это былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ по-

ходовъ. Отряды шли по песчанымъ и маловоднымъ мѣстностямъ, усѣяннымъ множествомъ песчаныхъ холмовъ—бархановъ. Люди, лошади, верблюды погибали, одолевая непомѣрно тяжелый путь; дневной жаръ достигалъ 45 градусовъ; но войска все превозмогали, и 29 мая, послѣ цѣлаго ряда атакъ хивинской кавалеріи, подошли къ г. Хивѣ. Здѣсь генераль фонъ-Кауфманъ встрѣченъ былъ депутаціей, заявившей о сдачѣ города. Послѣ этого были умиротворены туркменскія степи. По хивинскому мирному договору къ Россіи отошелъ весь правый берегъ р. Аму-Дарьи и образовалъ Аму-Дарьинскій отдѣлъ.

Въ 1875 году въ 2 часа ночи на 7 августа получено было въ Ташкентѣ извѣстіе о нападеніи кокандцевъ на наши пограничныя кышлаки Ходжентскаго уѣзда, а утромъ войска уже выступили въ походъ въ долину Ангрена и къ Ходженту, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на непріятеля. Отразивъ много нападеній, войска заняли у кокандцевъ вр. Махрамъ и—безъ боя—городъ Кокандъ—столицу ханства. Сильныя волненія внутри страны заставили наши войска еще подвинуться впередъ и взять съ боя Маргеланъ, Наманганъ, Андижанъ и много людныхъ кышлаковъ. Видя, что кокандцы не могутъ безъ волненій управляться въ своей странѣ, а также снисходя къ просьбѣ жителей, желавшихъ мира, Государь Императоръ повелѣлъ занять гор. Кокандъ и присоединить все кокандское ханство къ Россійской имперіи, образовавъ изъ него Ферганскую область. Присоединеніе это состоялось въ 1876 году.

Въ 1875 году, на основаніи пятилѣтняго опыта управленія краемъ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей, было выработано особою комиссіей новое положеніе, и реформа 1867 года сдѣлалась, такимъ образомъ, достояніемъ исторіи.

Въ 22 день ноября мѣсяца 1888 г. Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: 1) упразднить существующія въ Уральской и Тургайской областяхъ укрѣпленія:

Тургайское, Иргизское, Уильское, Акъ-Тюбинское, Темпрское и фортъ Карабутакскій, при чемъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ должно быть дано назначеніе артиллерійскому вооруженію и имуществу поименованныхъ укрѣпленій,— 2) мѣстныя команды, расположенныя въ помянутыхъ укрѣпленіяхъ, оставить въ нихъ въ прежнемъ штатномъ составѣ, а равно и казачьи команды въ г. Тургаѣ и въ Иргизѣ—полусотнѣ въ каждомъ.

Въ концѣ первой половины 1889 г. состоящая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій объ управленіи въ областяхъ: Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской, окончивъ свои занятія, выработала проектъ измѣненій въ существовавшемъ административномъ устройствѣ названныхъ областей. Тургайская область по проекту, упразднялась и вмѣстѣ съ ея образовалась новая степная область—Казалинская. Уѣзды Илецкій и Николаевскій (Тургайской области) присоединялись къ Оренбургской губерніи, а изъ уѣздовъ Иргизскаго и Тургайскаго, вмѣстѣ съ Казалинскимъ и Перовскимъ, входившими въ составъ Сыръ-Дарьинской области, образовывалась новая область—Казалинская, которая должна была уже состоять въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Центромъ управленія Казалинской области является Казалинскъ. Значеніе этого города исключительно торговое, такъ какъ онъ стоитъ на пути каравановъ изъ Бухары черезъ степь въ Оренбургъ и изъ Ташкента—туда же; кромѣ того, тутъ же у станціи Майлибашъ совершается переправа бухарскихъ каравановъ черезъ Сыръ-Дарью; поэтому въ Казалинскѣ и поселился исключительно торговый людъ, и только въ послѣднее время поселены тамъ были уральцы, которые и дали начало рыболовству и поставили его на прочную почву. Проектъ комиссіи 1889 года такъ и остался проектомъ.

25 марта 1891 года Высочайше утверждено новое степ-

ное Положеніе объ управленіи областей Акмолинской, Семирѣченской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской.

Въ 1898 году опубликованъ Высочайшій указъ о раздѣленіи Сибири и Средне-Азіатскихъ областей на военные округа. Признавъ за благо, говорится въ указѣ, ввести новое раздѣленіе Сибири и Средне-Азіатскихъ областей на военные округа, повелѣваемъ: 1) отдѣливъ въ Иркутскомъ генераль-губернаторствѣ военное отъ гражданскаго управленія, образовать изъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей: Акмолинской, Семипалатинской и Якутской одинъ военный округъ съ центральнымъ управленіемъ въ Омскѣ, съ наименованіемъ Сибирскій военный округъ; 2) Семирѣченскую область изъять изъ состава Омскаго военнаго округа и Степного генераль-губернаторства, а также изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ со включеніемъ ея въ составъ Туркестанскаго военнаго округа и генераль-губернаторства, съ передачею въ вѣдѣніе военнаго министерства; 3) Закаспійскую область изъять изъ непосредственнаго, въ порядкѣ общаго управленія, вѣдѣнія военнаго министерства, включить въ составъ Туркестанскаго военнаго округа и подчинить главному надзору туркестанскаго генераль-губернатора на одинаковыхъ основаніяхъ съ прочими областями, входящими въ составъ сего генераль-губернаторства; 4) Иркутскому генераль-губернатору присвоить названіе иркутскаго военнаго генераль-губернатора съ подчиненіемъ ему войскъ, расположенныхъ въ предѣлахъ генераль-губернаторства; 5) о срокѣ приведенія въ дѣйствіе новаго управленія Сибири и средне-азіатскихъ областей военный министръ имѣетъ сдѣлать особое представленіе.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія киргизскаго народа.

Въ настоящее время киргизы составляютъ главную массу населенія области Семирѣченской, сѣверной части Сыръ-Дарьинской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, зауральской части Уральской области и сѣверо-восточной части Астраханской губерніи. Въ Семирѣченской области киргизы сплошь занимають три уѣзда—Вѣрненскій, Сергіопольскій и Копальскій; въ Ауліе—Атинскомъ и Чимкентскомъ они составляютъ большинство относительно другихъ кочевниковъ и осѣдлаго населенія; въ остальныхъ уѣздахъ—Куралинскомъ, Джизакскомъ и Ходжентскомъ, равно какъ и въ Зеравшанскомъ округѣ они живутъ не постоянно, а только приходятъ на короткое зимнее время изъ разныхъ другихъ мѣстъ. Въ Сыръ-Дарьинской области киргизы занимають Казалинскій и Перовскій уѣзды. Самая сѣверная точка занимаемой киргизами страны находится приблизительно подъ 55° сѣверной широты, на лѣвомъ берегу р. Иртыша, недалеко отъ г. Омска; на югѣ киргизы, кочуя, доходятъ до 42° ; съ запада на востокъ граница земель ихъ простирается отъ $68^{\circ}35'$ приблизительно до 102° восточной долготы (отъ перваго меридіана). Сѣверную границу киргизскихъ земель, по направленію отъ востока къ западу, составляютъ небольшая часть Алтайскихъ горъ и рѣка Иртышъ; отъ этой рѣки до Тобола или, собственно, до Звѣриноголовской станицы границею служитъ такъ называемая „горская сибирская линія“, отъ Звѣриноголовской станицы до устья рѣки Уя-Тоболъ, далѣе—Уй и потомъ рѣка—Уралъ отъ Спасской до Нѣжинской станицы, отъ которой пограничная линія идетъ по рѣкѣ Бердянкѣ, по рѣчкѣ Буралѣ и по Илеку до его устья, а затѣмъ опять по Уралу. Западнымъ предѣломъ служитъ тотъ же Уралъ и часть Каспійскаго моря. На югѣ киргизы примыкають къ туркменамъ, кочующимъ на восточной сторонѣ Каспійскаго моря, доходятъ до Хивы, до Зеравшана, хребта Кашгаръ-Даванскаго, горъ Уртакъ—Тау, хребта Александровскаго и горъ Киргизынъ-Ала-Тау. Восточную границу составляетъ китайская укрѣпленная линія, идущая отъ „Малой

Бухаріи“ на сѣверъ до предѣловъ Россіи. Здѣсь киргизскія кочевья доходятъ до хребта Ала-Тау, озера Ала-куль, горъ Тарбагатайскихъ, озера Норъ-Зайсана и хребта Тянь-Шанскаго.

Киргизовъ около двухъ съ половиною милліоновъ. Это вѣрно сложенные коренастые люди съ толстой и короткой шеей, широкимъ и невысокимъ черепомъ, плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, маленькими восележащими глазами, рѣдкой бородой и очень смуглымъ цвѣтомъ кожи. Киргизы обладаютъ большою физическою силой, но очень вялы и неповоротливы; народъ этотъ умный, хитрый и любопытный; любопытство—одна изъ главныхъ его особенностей. Если въ кибитку киргиза заѣдетъ путникъ,— киргизъ замучаетъ его положительно самыми разнообразными вопросами: Кто онъ? откуда? зачѣмъ и куда ѣдетъ? какія новости знаетъ? Киргизъ интересуется положительно всѣмъ, что только можетъ совершаться въ подлунномъ мірѣ, близко принимая къ сердцу совсѣмъ даже не относящіяся къ степи явленія современной жизни. Образъ жизни киргизовъ обусловливается главнымъ ихъ занятіемъ—скотоводствомъ. Лѣтомъ они кочуютъ съ стадами своими въ поискахъ за пастбищными мѣстами, а съ наступленіемъ холодовъ поселяются на зимовьяхъ. Оставляя скотоводство, нѣкоторые киргизы начинаютъ заниматься земледѣліемъ, искусственно орошая поля. Жилищемъ киргизу въ лѣтнее время служитъ юрта, а зимою не особенно большихъ размѣровъ „мазанка“ изъ воздушнаго кирпича съ плоскою крышей. Въ юртѣ добрую половину ея занимаетъ обыкновенно цѣлая масса сундуковъ, сундучковъ и кожанныхъ мѣшковъ, всегда уложенныхъ въ симметричномъ порядкѣ и завернутыхъ въ узорчатые кошмы. Въ сундукахъ киргиза хранится все богатство, все его имущество. Поль юрты богатые устилаютъ коврами, а бѣдные кошмами; дверь закрывается войлочнымъ пологомъ. Пища киргизовъ состоитъ изъ мяса, молока и проса; любимый напитокъ—кумысъ; какъ послѣдователи Магомета, киргизы совсѣмъ почти не употреб-

ляютъ спиртные напитки; чай у нихъ въ большомъ употребленіи,—пьютъ его съ сахаромъ и безъ сахара утромъ, вечеромъ и въ полдень. Одежда киргизовъ очень проста; они носятъ обыкновенно тиковые или ситцевые штаны и бязевую рубаху съ прямымъ воротомъ. Ноги киргизы обуваютъ въ кожаные сапоги съ очень узкими носками и высокими, иногда деревянными, каблуками, сверху надѣваютъ они въ большинствѣ случаевъ желтаго цвѣта халаты или бишметы изъ нанки, казенету и плиса, которые опоясываютъ ремнемъ съ серебряными бляхами. На головѣ у киргиза всегда бываетъ шапка или шляпа изъ войлока; тюбетейка и фески встрѣчаются рѣдко. Зимой киргизы надѣваютъ овчинныя шубы и „аргаки“ изъ шкуръ молодыхъ жеребятъ, которые шьются вверхъ шерстью. Костюмъ богатыхъ киргизовъ дѣлается часто изъ шелковой матеріи и украшается, для дѣвушекъ, серебряными и даже золотыми бляхами и монетами. Семейный бытъ киргизовъ поражаетъ своею простотою, патриархальностью и замѣчательною устойчивостью семейныхъ началъ. Киргизы любятъ своихъ дѣтей и хорошо относятся къ женамъ, которыхъ могутъ имѣть по нѣскольку. Свадьбы у киргизовъ отличаются цѣлою массою мелкихъ обрядностей, имѣющихъ то или другое значеніе, обойтись безъ которыхъ не согласится ни одинъ киргизъ. Начиная съ сватовства и кончая послѣднимъ днемъ путешествія молодыхъ въ аулъ отца мужа,—совершается почти непрерывный рядъ празднествъ. Особенный интересъ представляетъ собою у киргизовъ погребеніе умершихъ, которыхъ хоронятъ всегда близъ дороги въ такой мѣстности, гдѣ есть ключъ, рѣченка или озеро, чтобы родные и пріатели усопшаго почаще могли совершать молитву надъ курганомъ, подъ которымъ лежитъ тѣло покойнаго. Для кладбища избирается всегда высокій холмъ, который далеко виднѣлся бы въ степи. Довольствуясь при жизни легкими переносными юртами, умершимъ своимъ киргизы воздвигаютъ нерѣдко массивныя вѣковыя жилища. Утомленные однообразіемъ и пустотою степи глаза путника невольно останавлива-

ются на сложенныхъ изъ камней и глины пирамидахъ, башняхъ и оградахъ, и онъ съ удовольствіемъ осматриваетъ эти сооружеvія, эти нерѣдко цѣлые города мертвыхъ. Проходя или проѣзжая мимо могилъ, киргизы считаютъ долгомъ совершить молитву съ колѣнопреклоненіемъ у подножія кургана и оставлять тамъ, для нуждающихся, разныя вещи, одежду, съѣстные припасы и деньги. Это—одинъ изъ видовъ степной благотворительности.

Такова въ краткихъ же чертахъ этнографія киргизовъ.

Лично и въ первый разъ я познакомился съ киргизами въ 1882 году, когда, по письму редактора-издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ М. Н. Каткова, посѣтилъ Тургайскую область, гдѣ и пробылъ около двухъ мѣсяцевъ. Киргизы, какъ молодой, свѣжій и здоровый народъ, произвели на меня чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Въ 1883 году я проѣхалъ изъ Оренбурга до Ташвента и съ тѣхъ поръ не переставалъ заниматься изученіемъ быта и особенно народной литературы киргизовъ до послѣдняго времени, т. е. въ теченіе 17 лѣтъ. Въ 1886 году я получилъ мѣсто инспектора народныхъ училищъ Внутренней или Букеевской орды, въ 1893 г.—Астраханской губерніи, а въ 1894 году перемѣщенъ въ Тургайскую область. Это обстоятельство поставило меня лицомъ къ лицу съ киргизскимъ народомъ, сблизило съ нимъ и дало возможность провѣрять на мѣстѣ литературные матеріалы. Въ 1887—88 годахъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ А. Н. Харузинымъ, посѣтившимъ съ научною цѣлью Букеевскую орду. Когда Алексѣй Николаевичъ задумалъ издать свой „Библиографическій указатель статей, касающихся этнографіи киргизовъ и кара-киргизовъ“, я взялся за разборку накопившагося у меня печатнаго матеріала и часть его отослалъ г. Харузину, но затѣмъ служебныя обязанности помѣшали мнѣ продолжить дѣло. Указатель Алексѣя Николаевича вышелъ въ 1891 году. Трудъ почтеннаго автора можно было признать выдающимся, но онъ былъ далеко не полонъ, особенно въ отношеніи провинціальной періодической печати, обстоятельно разрабатывающей мѣстные историческіе, этнографическіе и экономическіе вопросы. Издающійся нынѣ мною указатель не

только восполняетъ этотъ пробѣлъ, но и вообще является наиболѣе обширнымъ и полнымъ, нежели указатель А. Н. Харузина, тѣмъ болѣе, что въ него вошли статьи и книги, появившіяся уже послѣ изданія „Библиографическаго указателя“ г. Харузина, т. е. за послѣдніе 7—8 лѣтъ; при этомъ я останавливаюсь не только на трудахъ этнографическаго, историческаго и экономическаго характера, но и на трудахъ, касающихся описанія природы киргизскихъ степей и сопредѣльныхъ странъ.

Нѣкоторыя статьи приведены мною съ обширными выдержками изъ нихъ, у нѣкоторыхъ указано, напротивъ, только оглавленіе или приводится кратко содержаніе. Это объясняется слѣдующими обстоятельствами. Многіе писатели говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, съ одной и той же точки зрѣнія, въ одномъ и томъ же направленіи. Приводить изъ нихъ выдержки—значитъ иногда десятки разъ повторять одно и то же. Поэтому я выписывалъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ статей, а для другихъ подобнаго рода—оставлялъ заглавіе или кратко излагалъ содержаніе; въ общемъ же, „Указатель“ касается всѣхъ сторонъ жизни киргизовъ и рассматриваетъ ихъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. На погрѣшности, по возможности, указывается, а нѣкоторымъ книгамъ и статьямъ періодическихъ изданій предпосылается критическій разборъ, чего въ „Указатель“ г. Харузина почти не встрѣчается.

А.—Мѣстные извѣстія.—Асхабадъ, 11 ноября.—«Окраина» 1890 г., № 248.

Сообщается, что вопросъ о ремонтірованіи артиллеріи Закаспійской области лошадьми киргизскихъ породъ признанъ рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. Ни одной киргизской лошади не было забраковано. Корреспондентъ надѣется, что спросъ на лошадей киргизовъ подниметь уровень коноводства въ Средней Азіи путемъ конкуренціи между мелкими заводчиками, которыхъ съ каждымъ годомъ является всё больше и больше.

А.—Борьба и сила.—«Киргизская Степная Газета», 1897 г. №№ 32, 33 и 36.

Рожденіе, поминки, полученіе награды отъ начальства и другія подобныя событія въ жизни киргиза, пишетъ авторъ, обыкновенно знаменуются байгой, состоящей изъ скачки лошадей, иногда на огромную дистанцію, и состязаніемъ въ борьбѣ. Задолго до назначеннаго времени по ауламъ начинается распространяться вѣсть о такомъ празднествѣ, а ко дню его отовсюду съѣзжаются партіями киргизы, привлекаемые обильнымъ угощеніемъ и зрѣлищемъ байги. Празднества эти устраиваются преимущественно лѣтомъ, въ самый разгаръ кочевого времени. По принятому обычаю—являющіеся съ поздравленіемъ гости подносятъ хозяину кумысъ. Послѣ обильнаго угощенія, съ истребленіемъ огромнаго количества кумыса, гости переходятъ на открытую ровную площадку, предназначенную для состязанія. Въ каждомъ, хотя бы небольшомъ, аулѣ непременно имѣется свой борецъ, нѣрѣдко пользующійся извѣстностью на цѣлую волость и даже уѣздъ. Полуголые борцы по принятому обычаю выводятся своими пріятелями. Борьба, ачинающаяся быстрой схваткой, продолжается иногда нѣсколько минутъ и заканчивается паденіемъ одного изъ борцовъ на землю, что и признается достаточнымъ для полученія побѣдителемъ приза.

А. А.—Необыкновенные роды.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1891 г., № 13.

А., И.—Тургай.—«Оренбургскій Листокъ», 1880 г., №№ 16, 17, 20 и 24.

Говорится о падежѣ лошадей въ Тургайскомъ уѣздѣ.

А., И.—По поводу голода въ киргизской степи.—«Оренбургскій Листокъ», 1880 г., № 17.

О голодѣ въ Тургайской области, о стремленіи киргизовъ къ осѣдлой жизни и къ земледѣлію.

А., И.—Уральци.—«Московскія Вѣдомости», 1891 г., №№ 212, 213.

Бытовые и военные очерки.

А., Е.—Шайтанъ. «Воскресный Досугъ», 1868 г., № 269.

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ охарактеризовано суевѣріе киргизовъ, которые вѣрятъ въ шайтана, т. е. злого духа.

А., П.—Киргизская степь въ хозяйственномъ отношеніи.—«Экономическій Журналъ» 1888 г., № 8.

Эта статья посвящена специально экономическому положенію киргизскаго народа, которое признается авторомъ весьма тяжелымъ.

А.—С.—Компетенція третейскаго суда у кочевниковъ.—«Киргизская Степная Газета», 1898 г., № 48 и 49.

А.—С.—Поземельные споры киргизовъ. «Киргизская Степная Газета», 1898 г. № 50 и 51.

А.,—С.—Раздѣленіе киргизскихъ волостей и его послѣдствія.—«Киргизская Степная Газета», 1899 г., № 2.

А.—С.—Киргизскіе приговоры и ихъ значеніе.—«Киргизская Степная Газета», 1899 г., № 7 и 8.

Абдурахмановъ, А. х.—Сказаніе о происхожденіи киргизовъ.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 20.

Абрагамсонъ, А.—Двѣ недѣли въ Средней Азій.—Изъ путевыхъ воспоминаній инженера. Кіевъ, 1892 г.

Абрамовъ, Н. А. ¹⁾—Алматы или укрѣпленіе Вѣрное.—«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Т. I.

Абрамовъ, Н. А.—Рѣка Караталъ съ ея окрестностями.—«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Т. I.

¹⁾ Николай Алексѣевич Абрамовъ, сынъ священника, родился въ 1812 году въ г. Курганѣ, Тобольской губерніи,—съ 1834 года былъ учителемъ Тобольской духовной семинаріи,—съ 1836 года служилъ по министерству народнаго просвѣщенія, сначала учителемъ и потомъ смотрителемъ училищъ Ялуторовскаго, Березовскаго и Тюменскаго,—съ 1852 года оставилъ педагогическую дѣятельность и поступилъ на административную службу,—умеръ 3 мая 1870 года въ должности совѣтника Семипалатинскаго областного правленія (Энци. Сл.).

Абрамовъ, Н. А.—Городъ Капаль съ его округомъ въ 1862 г.—«Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Т. I.

Абрамовъ, Н. А.—Станица Верхлепсинская—«Тобольскія Губернскія Вѣдомости», 1868 г., № 13 и 14.

Авторъ говоритъ о принятіи частью Большой орды нашего подданства въ 1830 г., о рѣкѣ Лепсѣ, бывшей нашей границѣ, о положеніи Верхлепсинской станицы, о климатѣ Чубарь-Агачской долины, о растеніяхъ и животныхъ этой долины, о хлѣбопашествѣ и т. д.

Абуль-Гази Багадуръ¹⁾.—Родословная исторія о татарахъ. 2 т. Перев. съ французскаго В. Третьяковскій С.-Петербургъ (безъ означ. года, 1770).

Аверьяновъ. — «Труды Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Статистическаго Комитета за 1887—1888 годъ».

Въ статьѣ г. Аверьянова—«Обзоръ статистическихъ работъ съ 1866 по 1887 годъ по Сыръ-Дарьинской области» затрогивается вопросъ объ убыли кочевого населенія въ Туркестанскомъ краѣ. Сравнивая численность населенія области, съ одной стороны по «Проекту Всеподданнѣйшаго отчета» фонъ-Кауфмана за 1868—80 годы и съ другой—по свѣдѣніямъ за 1886 годъ, авторъ статьи усмотрѣлъ прибыль осѣдлаго туземнаго населенія въ количествѣ 57. 595 душъ обоего пола и убыль кочевого населенія въ размѣрѣ почти 4915 душъ обоего пола; изъ этого г. Аверьяновъ дѣлаетъ выводъ, что предшествовавшими статистическими данными руководствоваться нельзя (стр. 16—18).

Ошибки, вравшіяся въ работу г. Аверьянова, были указаны въ печати г. Хомутовымъ. Какъ бывшій начальникъ одного изъ уѣздовъ Ферганской области, г. Аверьяновъ, навѣрное, могъ бы, если бы пожелалъ, сообщить не мало цѣнныхъ свѣдѣній относительно дѣйствительной численности кочевого населенія (киргизовъ) въ близко извѣстномъ ему районѣ; это было бы гораздо полезнѣе, чѣмъ ополчаться противъ приблизительныхъ цифръ отчетовъ о народонаселеніи, приводимыхъ всегда условно и съ большою осторожностью.

А—въ, К—нѣ.—Падшай. Случай изъ быта киргизовъ. — «Иллюстрированная Недѣля», 1875 г., № 13 и 14.

Рисуется бытъ киргизовъ, имѣющій отношеніе къ положенію женщины въ семьѣ.

¹⁾ Абуль-Гази Мухаммедъ-Багадуръ—хивинскій ханъ изъ потомковъ Чингизъ-Хана, родился въ 1605 г., умеръ въ 1665 г., извѣстенъ по своей Исторіи турокъ, въ 9 кн., написанной на восточно-турецкомъ или джагатайскомъ нарѣчій и содержащей въ себѣ исторію Чингизханидовъ; она переведена на нѣкоторые европейскіе языки: Демезономъ на французскій языкъ (1871—74 гг.). Мессершмидтомъ на нѣмецкій (1870 г.) и Саблуковымъ на русскій (Библиотека восточныхъ историковъ И. Н. Березина, Казань, 1854 г., т. III).

А—въ, Л.—Очерки Средней Азии.—«Вѣстникъ Европы», 1869 г., кн. IX.

Адресъ-календарь Оренбургскаго края на 1854 годъ. Оренбургъ, 1854 г.

Адресъ-календарь и Памятная книжка Оренбургской губерніи на 1895 годъ. Оренбургъ, 1894 г.

Справочный хронологическій перечень событій, относящихся къ мѣстности иныѣшней Оренбургской губерніи съ половины XVI вѣка до настоящаго времени.—Библиографическій обзоръ газеты «Оренбургскій Листокъ» за 1876—1893 г.г.

Адресъ-календарь Тургайской области на 1897 г. Изданіе Тургайскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Оренбургъ, 1897 г.

Почтовые адреса волостныхъ канцелярій и поселковъ Тургайской области.—Сравнительныя вѣдомости о состояніи области въ 1882 и 1895 годахъ въ главныхъ проявленіяхъ ея жизни.—Вѣдомость № 1: приблизительная численность населенія въ области къ 1 января 1886 г. и къ 1 января 1896 года.—Вѣдомость № 2: количество собраннаго хлѣба въ области въ 1885 г. и въ 1895 году.—Вѣдомость № 3: количество скота въ области къ 1 января 1886 г. и къ 1 января 1896 года.—Вѣдомость № 4: заводы и промышленныя заведенія въ области къ 1 января 1889 г. и къ 1 января 1896 г.—Вѣдомость № 5: торговля въ Тургайской области въ 1885 г. и въ 1895 году.—Вѣдомость № 6: число учебныхъ заведеній и учащихся въ области въ 1885 г. и въ 1895 г.

Аджиковъ.—Киргизская сказка.—«Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1890 г., № 16.

Передается сказка о царѣ, забывающемъ свои сны, и молодомъ чело-вѣкѣ, разгадывающемъ ихъ съ помощью бѣлой змѣи.

А—въ, К—ъ.—Три побѣга. Очеркъ киргизскихъ нравовъ.—«Оренбургскій листокъ», 1882 г., №№ 21, 23.

А—въ, Л.—Наши дѣла въ Туркестанскомъ краѣ.—«Вѣстникъ Европы», 1868 г., кн. VI.

Аитовъ, Мухаммедъ-Шарифъ.—Хивинскій плѣнъ.—«Оренбургскій Листокъ», 1889 г., № 48.

По выступленіи изъ Оренбурга съ отрядомъ въ степь 16 ноября 1839 г. командиръ извѣстной экспедиціи генералъ-адъютантъ Перовскій предписалъ предсѣдателью Пограничной комиссіи Генсу командировать довѣренное лицо въ степь для найма 2/т. верблюдовъ, необходимыхъ для отряда, съ достаточнымъ числомъ погонщиковъ и доставить ихъ въ Эмбенское укрѣпленіе. Генералъ-маіоръ Генсъ возложилъ это порученіе на чиновника Пограничной Комиссіи, хорнета Мухаммеда-Шарифа Аитова, которому, выдавъ прогонныя деньги, предписалъ отправиться на нижнеуральскую линію до Гурьева го-

родка, а оттуда въ степь къ киргизамъ, кочующимъ по берегу Каспійскаго моря. Плату за верблюдовъ предложено было произвести по доставленіи ихъ въ Эмбенское укрѣпленіе на Чучка-Кумъ. Исполняя порученіе, Антовъ уѣхалъ и объявилъ киргизамъ, кочующимъ на берегу Каспійскаго моря, волю начальства, но получили отвѣзъ подъ тѣмъ предлогомъ, что верблюдовъ свободныхъ нѣтъ, такъ-какъ у нихъ для экспедиціоннаго отряда взято уже по одному верблюду съ кибитки. Однако, по убѣдительной просьбѣ Антова, киргизы собрали до 500 верблюдовъ съ 90 погонщиками. Генсъ лично прибылъ въ Гурьевъ и послалъ Антова въ степь къ отряду съ тѣмъ количествомъ верблюдовъ и погонщиковъ, какое имѣлось на лицо.

На пятый же день похода возчики-киргизы стали роптать, сомнѣваясь въ томъ, что имъ заплатятъ условленную плату за прогонъ и за верблюдовъ, а повѣрить-де на слово каратолмачу (такъ они называли Антова) нельзя.

На восьмой день пути Антовъ остановился на ночлегъ. Здѣсь одинъ изъ киргизовъ сказалъ Антову, что погонщики зарѣзали верблюда, читали между собою молитву и покушаются лишить Антова жизни, что подтвердилъ и киргизъ Ильяманъ, совѣтуя ѣхать ночью; но Антовъ не рѣшился ѣхать, полагаясь на волю Божию. По-утру, когда стали собираться въ путь, пришелъ въ жуламейку къ Антову киргизъ Кишинскаго рода и горько плакалъ; за нимъ вошли еще шесть человекъ и сказали, что далѣе ѣхать не хотятъ, — потому что боятся того, что имъ не заплатятъ. Антовъ опять убѣдилъ ихъ, и они согласились, но отойдя сажени четыре отъ жуламейки Антова, сѣли въ кружокъ и между собой повели секретно совѣщаніе. Антовъ сѣлъ на лошадь; но не успѣлъ отѣхать, какъ былъ оруженъ прибывшими шестью киргизами и сшибленъ съ лошади ударами дубины; его начали сильно бить, при этомъ тотъ киргизъ, который плакалъ, бросился на лежащаго и окровавленнаго Антова и защищалъ его своимъ тѣломъ. Киргизы начали бить защитника. Въ это время одинъ изъ бунтарей подошелъ и взялъ Антова къ себѣ въ жуламейку, раздѣлъ его, взялъ всѣ вещи къ себѣ, а избитаго Антова одѣлъ въ свою одежду и не далъ болѣе бить его никому, сказавъ, что онъ продастъ его въ Хиву и выручитъ хорошія деньги. Бунтовщики, разграбивъ имущество Антова, посадили его на верблюда, привязали за одну ногу и отправились назадъ. На третій день пути его посадили на лошадь и подѣхали къ новой толпѣ шумѣвшихъ киргизовъ, гдѣ между ними былъ и Ильяманъ, который укорялъ товарищей за сдѣланный проступокъ и грозилъ тѣмъ, что онъ ихъ броситъ, а они, какъ не знающіе дороги, безъ его указанія пропадутъ. Ильяманъ взялъ Антова съ собою. На третій день ѣзды изъ числа бунтовщиковъ, одинъ киргизъ, по имени Кульбатиръ, сказалъ Антову, что онъ намѣренъ въ ночь ѣхать; совѣтовалъ и ему то же сдѣлать, но Антовъ опять отказался. Кульбатиръ дѣйствительно ѣхалъ на той самой лошади, которая принадлежала Антову. Произведенная за нимъ погоня была безуспѣшна, и потому, не теряя времени, киргизы пошли далѣе мимо Александровскаго форта, черезъ кочеву Адаевцевъ, которые были весьма недовольны взятіемъ въ плѣнъ «каратолмача» и хотѣли его освободить, боясь русскихъ; но во избѣжаніе мщенія хивинскаго хана, и онѣ были въ нерѣшимости, тѣмъ болѣе, что вблизи кочевали турмены, намѣревавшіеся на-

пасть на Александровскій фортъ; они могли разграбить и ихъ аулы. Изъ числа Адаевцевъ одинъ, по имени Мурунъ, сынъ уважаемаго въ Адаевскомъ родѣ Суюнъ-Карыбатыръ, предлагалъ Аитову взять его къ себѣ и доставить въ фортъ Александровскій, не смотря на то, что туркмены могутъ разграбить за это его отца; но Аитовъ съ благодарностью отказался отъ этихъ услугъ въ силу служебнаго долга и полагаясь на Божию помощь.

На другой день пріѣхалъ еще киргизъ и привезъ приказъ отъ хивинскаго чиновника, разбиравшаго претензіи Адаевцевъ, чтобы плѣннаго «каратолмача» доставили къ нему. Хивинскій чиновникъ Мурадъ-Али распросилъ Аитова обо всемъ, сожалѣлъ, что не можетъ его отпустить и распорядился на другой день отправить его въ Хиву.

Аймановъ, А.—Корреспонденція изъ Баянъ-Аула.—«Киргизская Степная Газета», 1897 г. № 19.

О неурожаѣ травъ и гибели скота отъ безкормицы.

Аймановъ, Д.—Старикъ Шіазъ. Сказка.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 30.

Аймановъ, Д.—Лиса и перепель.—«Киргизская Степная Газета», 1894 г., № 32.

Не то басня, не то сказка.

Аймановъ, Д.—Дуана Хожа-Насыръ.—«Киргизская Степная Газета», 1895 г. № 24. Дуана Хожа-Насыръ былъ человѣкъ не то умный, не то глупый, не то злой, не то добрый. Ему не были знакомы ни горе, ни жестокость, ни мстительность, ни корыстолюбіе. Онъ былъ «Божій человѣкъ» и всегда жилъ тѣмъ, что у него есть, никогда не заботясь о будущемъ. Много о немъ существуетъ разсказовъ между киргизами, и г. Аймановъ знакомитъ читателей съ этими разсказами.

«Акмолинскія Областнія Вѣдомости», 1874 г., № 21.—Нѣсколько словъ о торговлѣ на ярмаркахъ Акмолинской области.

«Акмолинскія Областнія Вѣдомости», 1876 г., № 6—8.—Замѣтка о Семирѣченскомъ краѣ.

«Акмолинскія Областнія Вѣдомости», 1876 г., № 13.—Нѣсколько словъ о Байгѣ, бывшей въ Омскѣ 10-го іюля.

«Акмолинскія Областнія Вѣдомости», 1876, №№ 14 и 15.—Киргизскія пословицы.

«Акмолинскія Областнія Вѣдомости», 1876 г., № 15.—Нѣсколько словъ о байгахъ въ гг. Акмолинскѣ и Петропавловскѣ, бывшихъ 21-го и 27-го іюля, и выставкахъ при нихъ.

«Акмолинскія Областнія Вѣдомости», 1876 г. №№ 19—24.—Кульмесенъ и Абыль-Саза.

Киргизскія сказки, переведенныя Рахимомъ Шариповымъ
Абдрахимовымъ.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1877 г., №1—3.—
Киргизскія легенды.

Краткое извлеченіе изъ легенды «Баянь-Сулу и Козу-Курпечъ».

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1877 г., № 4—5.—
Байга въ 1877 году въ Акмолинскѣ.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1877 г., № 8 и 9.—
Нѣчто о киргизахъ и области, ими занимаемой.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1877 г., № 23.—
Нѣсколько словъ о киргизскихъ интернатахъ въ Акмолинской области.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1878 г., №№ 1—5.—
Байга въ 1877 г. въ Акмолинскѣ.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1880 г., №№ 14 и
15.—Матеріалы для статистики населенія Акмолинской области.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости» 1889 г. № 35.
Отзывъ о книгѣ «Султаны Кенисара и Садыевъ».

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1889 г., № 41—
Тамазлухъ.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1889 г., № 48.—
Къ вопросу о колонизаціи степи.

«Акмолинскія Областныя Вѣдомости», 1890 г., № 37.—
Объединеніе киргизовъ.

А - е о, Ст.—Исторія одного волостного управителя.—«Киргизская
Степная Газета», 1894 г., № 33.

А - е о, Ст.— По поводу переселенія крестьянъ изъ внутреннихъ гу-
берній Имперіи въ степныя области.—«Киргизская Степная Газе-
та», 1896 г., № 30.

Статья довольно обширная и представляетъ собою глубокой интересъ.
Переселенія въ степныя области русскихъ крестьянъ начались сравнительно
недавно. Въ Акмолинской области первыя селенія возникли въ 1878 году, а
въ Семипалатинской—только въ 1892—93 гг. Исключеніе составляетъ лишь
Семирѣченская область, гдѣ крестьянскія селенія начали появляться еще въ
60-хъ годахъ. Когда было положено (въ видахъ охраны государственной
границы) основаніе нинѣшнему Семирѣченскому казачьему войску, въ со-
ставъ его частью были переселены семейства сибирскихъ казаковъ, а частью
вошли семейства прибывшихъ для поселенія крестьянъ. Но такъ-какъ по-
слѣднихъ появилось въ области гораздо больше, чѣмъ требовалось для по-

полненія контингента казачьяго войска, то излишекъ и пошелъ на образование почти всѣхъ существующихъ въ настоящее время осѣдлыхъ селеній, не входящихъ въ составъ казачьихъ станицъ. Точно такое же происхождение имѣютъ прежнія русскія осѣдлыя поселенія и въ двухъ другихъ областяхъ, съ тою только разницею, что эти поселенія, расположенныя, главнымъ образомъ, по р. Иртышу, были образованы изъ казаковъ, почти безъ участія крестьянъ. Селенія эти, называвшіяся ранѣе фортами, впоследствии переименованы въ станицы и поселки.

А к р ы н ы н ь е .—Кокпэре (о киргизахъ).—«С и б и р с к і й В ѣ с т н и к ъ», 1889 г. № 122.

А к р ы н ы н ь е .—Чащевито (о киргизахъ).—«С и б и р с к і й В ѣ с т н и к ъ», 1889 г. №№ 111, 112.

А к ы л б е р е - т у г у н к ы н е (Изъ премудрости Іисуса, сына Сирахова), на киргизскомъ языкѣ. Казань, 1891 г.

Книга заключаетъ въ себѣ 33 просто и ясно изложенныхъ прекрасныхъ наставленій, необходимыхъ для всякаго человѣка.

А к ы н о в ь , А .—Вѣсти изъ степи. Изъ Баянъ—Аула.—«К и р г и з с к а я С т е п н а я Г а з е т а», 1894 г. № 49.

Между русскими, проживающими въ глуби степей, встрѣчаются симпатичныя личности, которыя, имѣя съ киргизами частныя сношенія, тѣсно сближаются съ ними и этимъ достигаютъ довѣрія и дружбы кочевниковъ ко всѣмъ вообще русскимъ. Такія лица не чуждаются лучшихъ киргизскихъ обычаевъ и особенно симпатичнѣйшаго изъ нихъ обычая-гостепримства и радушнаго угощенія въ своемъ домѣ всѣхъ, безъ различія національности. Такъ, нѣкто г. Я—овъ, проживающій на станціи Карасукъ, выдавая свою дочь замужъ, вздумалъ ознаменовать радостное семейное событіе устройствомъ пира для киргизовъ. Заколовъ 5 крупныхъ скотинъ и 10 барановъ, онъ недалеко отъ станціи выставилъ 10 киргизскихъ юртъ. Днемъ пира было назначено 8 ноября. Ко дню пира, по приглашенію, пріѣхали киргизы Акбетавской и Шакшанской волостей.

А л а т а у - Б а л а с ы .—Нѣсколько мыслей о настоящемъ и будущемъ киргизовъ. Корреспонденція изъ Семирѣченской области «К и р г и з с к а я С т е п н а я Г а з е т а», 1896 г., № 29.

Залогъ лучшаго будущаго авторъ видитъ въ просвѣщеніи киргизовъ.

А л а т а у - Б а л а с ы .—Незаконные поборы и партійная борьба.—«К и р г и з с к а я С т е п н а я Г а з е т а», 1897 г., №№ 49 и 50.

Передъ выборами состоятельные киргизы стараются подкупить сколько-нибудь вліятельныхъ кочевниковъ, съ цѣлью образовать себѣ лишнее число избирательныхъ шаровъ. По достиженіи должности, они стараются возратить расходы на подкупы. Ийдутъ тогда сборы «джуртчиликъ», «чишмовъ», «убитговъ» и пр. Бываетъ, что во время вербовки юртовладѣльцевъ на пяти-

десятничество, киргизы спорятъ изъ-за голосующихъ. Одни кандидаты считаютъ избирателей своими, другіе тоже видятъ въ нихъ своихъ сторонниковъ и тянутъ на свою сторону. Происходятъ драки, нагайки сыплются со всѣхъ сторонъ, только и слышно шлепаніе ихъ по шубамъ и халатамъ. Алчность киргизовъ во время выборовъ достигаетъ, дѣйствительно, большихъ размѣровъ. Тѣ-же самыя юртовладѣльцы, которые, по окончаніи выборовъ, терпятъ обиды со стороны должностныхъ лицъ, въ это время такъ и бросаются обирать претендента на должность, но все таки не въ такихъ размѣрахъ, какъ ихъ самихъ обирали. Ловкіе юртовладѣльцы приходятъ иногда къ кандидату одной партіи, берутъ у него деньги, затѣмъ идутъ къ претенденту другой партіи, тоже его обманываютъ, потомъ обираютъ и третьяго, а во время баллотировокъ они кладутъ свой шаръ за того, у кого они болѣе взяли денегъ. Власть, возможность наживы и почетное положеніе управителя—все это составляетъ завѣтную мечту каждаго киргиза.

Выборное начало—самое большое мѣсто въ киргизской степи, и большинство писателей, какъ мы увидимъ дальше, смотрятъ на него съ отрицательной точкѣ зрѣнія.

Алашбаевъ, Габдрахимъ. — Нужды киргизскаго населенія — «Особое прибавленіе къ Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ», 1889 г., № 23.

Александровъ, Е. — Пути кочевовъ киргизовъ Малой орды — «Туркестанскія Вѣдомости», 1884 г., № 51.

О кочеваніи киргизовъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ.

Александровъ, Е. — Изъ жизни степныхъ уѣздовъ. — «Туркестанскія Вѣдомости», 1885 г., № 17.

Г. Александровъ касается между прочимъ вопроса о бѣгахъ—это народныя судьи. Всякій богачъ, властолюбецъ передъ выборами бросаетъ деньги на подеуць, на кормленіе своей партіи, не жалѣя затратъ, стараясь лишь какъ можно больше народа, привлечь на свою сторону. Выбрали, наконецъ, бѣемъ! Надо же ему и возмѣститъ свои затраты. Вотъ и начинается онъ тянуть съ праваго и виноватаго.

Александровъ, Е. — Конокрадство въ средѣ киргизовъ. — «Туркестанскія Вѣдомости», 1886 г., № 10.

Алексѣевъ, А. — Къ земельному устройству киргизской орды. — «Астраханскій Вѣстникъ», 1897 г., № 2538.

Сообщается, что въ 1896 г. дѣйств. ст. сов. Титовъ въ письмѣ своемъ, представленномъ въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, указалъ на неправильную эксплуатацію земель, отведенныхъ въ пользованіе киргизовъ Внутренней орды. Письмо это въ томъ же году было передано въ министерство внутреннихъ дѣлъ и результатомъ явилось то, что красная администрація въ настоящее время занята подробнымъ обсужденіемъ возможныхъ мѣръ къ урегулированію землепользованія киргизовъ Внутренней орды и можно быть увѣреннымъ, что вопросъ столь громадной

важности въ самомъ недалекомъ будущемъ получить желательное разрѣшеніе.

Алексѣевъ, К.—Преданіе о происхожденіи киргизъ — кайсаковъ.— «Воскресный Досугъ», 1871 г., № 32.

Алекторовъ, А. Е.—Исторія Оренбургской губерніи. — «Оренбургскій Листокъ» 1882 г., №№ 34—40, 41, 42, 43, 49, 50, 52, и 1883 г. №№ 1—5.

Съ исторіей Оренбургской губерніи тѣсно связана исторія подданства Россіи киргизскаго народа. Въ статьѣ г. Алекторова говорится объ этомъ предметѣ довольно обстоятельно. Есть новыя, не бывшія въ печати свѣдѣнія, заимствованныя изъ архивныхъ дѣлъ бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора.

Алекторовъ, А. Е. Географическій очеркъ Оренбургской губерніи. — «Оренбургскій Листокъ», 1884 г. №№ 34, 35, 38, 39, 41, 42, 44, 46, 47, 48 и 50 и 1885 г. №№ 2 и 3.

Въ статьѣ г. Алекторова есть свѣдѣнія о торговой дѣятельности въ Оренбургской губерніи.—Природныя богатства и положеніе губерніи на границѣ Европы и Азіи, говоритъ авторъ, дали возможность развиться въ ней торговымъ предпріятіямъ. Оренбургъ и Троицкъ—вотъ города, въ которыхъ сосредоточилась по-преимуществу торговля. Обозы съ шерстью, солью и божьями на волахъ, верблюдахъ и лошадахъ,—караваны съ хлопкомъ, шелкомъ и другими товарами Средней Азіи тянутся цѣлое лѣто къ станціи желѣзной дороги, заворачиваясь подъ-часъ и къ воротамъ оренбургскихъ купцовъ. Съ половины іюля начинается дѣятельность на мѣновомъ дворѣ, близъ Оренбурга. Приѣзжаютъ башкиры, татары, киргизы, хивинцы, бухарцы... Замѣчается повсюду оживленіе... Кругомъ все движется... У мѣнового двора верблюды, коровы, овцы, лошади, бараны и осли... Ковры, платки и ситцы, коленкоръ, бязь, пилсъ, сукна и бархатъ, кожи, шерсть, халаты и разныя издѣлія наполняютъ лавки. При взаимной брани, спорахъ и привѣтствіяхъ происходитъ торгъ. Тамъ и сямъ снуютъ евреи, татары и полунагіе киргизы... Кто кого больше обманетъ, больше и выручитъ. Особенно помогаютъ обману и ловко обманываютъ, такъ называемые, маклаки или прасола. Они дѣйствуютъ и обществомъ, и каждый въ отдѣльности. Всякій, желающій сбыть лошадь, корову, овцу или козу дороже, чѣмъ стоитъ она, обращается къ посредству маклаковъ, которые, замѣтивъ покупателя, представляютъ изъ себя также покупателей той же лошади, коровы, овцы или козы, перебивая другъ у друга покупку. Когда возвысится до послѣдней возможности, маклаки уступаютъ покупке дѣйствительно желающему приобрести ее, если онъ дастъ имъ отступного. Увлеченный торгомъ, покупатель въ большинствѣ случаевъ попадаетъ въ сѣти маклаковъ и даетъ имъ отступного; продавшіи награждаетъ ихъ въ очередь за удачное веденіе дѣла. Случай одиночнаго прасольства бывають, когда покупателемъ является русскій, а продаетъ киргизъ или наоборотъ—киргизъ покупаетъ, а русскій продаетъ. Зная каждый свой языкъ, они не въ состояніи вести переговоровъ. При такихъ об-

стоятельствах необходимо прибѣгать къ помощи знающихъ русскій и киргизскій языки. Является прасоль. Принявъ роль переводчика, онъ объявляетъ цѣну покупателю выше той, которую запросилъ продающій, а продающему сообщаетъ цѣну ниже данной покупателемъ и продолжаетъ такую игру, пока не увидитъ, что дальнѣйшіе продѣлки, совѣты и убѣжденія съ его стороны не могутъ привести дѣло къ желаемому результату. Тогда онъ торопится ускореніемъ сдѣлки, но при этомъ старается установить цѣну все-таки выше цѣны, назначенной продавцомъ. Когда дѣло сладится, прасоль отбираетъ деньги у купившаго и, въ присутствіи послѣдняго, передаетъ известную сумму продавшему, а лишнее кладетъ въ себѣ въ карманъ. Торговля на мѣновомъ дворѣ продолжается цѣлое лѣто и осень (до 15 ноября); все время торговли Оренбургъ бываетъ наполненъ множествомъ пріѣзжаго народа изъ степей Средней Азіи, такъ-что жители его теряются между пріѣзжими. Также и Троицкъ—городъ торговый, его лѣтняя мѣна представляетъ собою постоянный базаръ или ярмарку. Приобрѣтаемый товаръ Азіи расходится изъ Троицка—въ «Нижній», Казань, Екатеринбургъ и многіе другіе города, лежащіе за границей Оренбургской губерніи. Во время торговли троицкіе жители получаютъ большія деньги, отдавая «въ постоя» свои квартиры, за которыя купцы изъ Средней Азіи платятъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Киргизы въ большинствѣ случаевъ кочуютъ за городомъ близъ мѣноваго двора, когда пригоняются ими большіе гурты скота, который составляетъ главный предметъ торговли. Значительна торговля и хлѣбомъ; она производится на базарной площади и ведется почти однимъ сословіемъ мѣщанъ, сбывающихъ перекупленный у казаковъ и крестьянъ окрестныхъ селеній хлѣбъ въ степи киргизовъ и горные заводы.—Торгъ прекращается въ концѣ августа или въ началѣ сентября. Торговля другихъ городовъ и селеній почти незначительна.—Въ Орскѣ продаются бараны и крупный скотъ, овчины, кожи и немного киргизскихъ халатовъ. Скотъ пригоняется на рынокъ киргизами. На мѣновомъ бываетъ ярмарка въ іюль и августѣ.—На базаръ въ Верхнеуральскѣ пріѣзжаютъ киргизы, башкиры, теятари, нагайбаки, казаки и горнозаводскіе крестьяне. Киргизы доставляютъ лошадей, рогатый скотъ и возятъ кошмы и кожи, теятари и башкиры—лѣсъ, рыбу, скотъ, сѣно и дичь; нагайбаки—хлѣбъ, яйца и курь; казаки—хлѣбъ, сѣно и огородныя овощи.—Въ Челябинскѣ стала подниматься торговля саломъ и достигла цвѣтущаго состоянія хлѣбная торговля. Особенно много отпускается хлѣба въ степи киргизовъ на пріиски и горные заводы.

А лек т о р о в ъ А. Е.—«Киргизы».—«Оренбургскій Листокъ».—1886 г., №№ 13—20, 22—25.

Преданія о происхожденіи киргизовъ,—принятіе народомъ этимъ русскаго подданства. До 1731 года киргизы жили почти внѣ всякаго отношенія къ народу русскому, а въ этомъ году принята была Малая орда.—Описывается самое событіе.—Не смотря на подданство Россіи Малой киргизъ-кайсацкой орды, киргизы ненавидѣли русскихъ; тайно и явно дѣлали они набѣги на наши селенія, грабили, угоняли скотъ, нерѣдко уводили людей въ плѣнъ и продавали ихъ въ Хиву. Всего больше отъ ихъ нападений страдали

при-уральскія и дальнія заволжскія селенія, расположенныя по Большому Иргизу и Узенямъ; впрочемъ, киргизы иногда вторгались и въ нѣмецкія колоніи.—Приводятся случаи набѣговъ и грабежа, описывается жизнь въ неволѣ.—Количество киргизовъ: въ Оренбургской губерніи,—до 6.325 кибитокъ, болѣе 34.150 человекъ обоого пола.—Физическія свойства киргизовъ,—нравственныя качества.—Бракъ.—Браку киргизы не придаютъ никакого религіознаго значенія и смотрятъ на него, какъ на торговую сдѣлку.—Разводъ.—Переходъ жены отъ умершаго мужа къ брату,—вредное вліяніе такого обычая на нравственную жизнь киргизовъ.—Похороны.—Суевѣрія киргизовъ.—Фалчи.—Ярунчи.—Бакса.—Одежды киргизовъ.—Кибитки.—Скотоводство,—описаніе лошади.—Земледѣліе киргизовъ.—Выдѣлка кожъ.—Образъ жизни киргизовъ зимою и лѣтомъ.—Статья написана довольно обстоятельно и можетъ быть рекомендована для прочтенія желающимъ познакомиться съ народомъ киргизскимъ.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Внутренняя Букеевская орда.—«О р е н б у р г с к і й Л и с т о к ъ», 1887 г., № 22, 24, 25, 26, 27, 29 и 30.

Краткій историческій очеркъ.—Внутреннее управление Букеевской орды и послѣдовавшія въ немъ измѣненія.—Количество земель Букеевской орды.—Хозяйственно-топографическій очеркъ пространства, занимаемаго Букеевскою ордою.—Численность народонаселенія во Внутренней Букеевской ордѣ.—Нѣсколько словъ о религіозно-нравственной жизни киргизовъ.—Степень умственнаго развитія киргизовъ и средства къ распространенію въ ордѣ просвѣщенія.—Господствующія въ ордѣ болѣзни и медицинская помощь.—Скотоводство.—Сущестующія въ ордѣ средства для пользованія скота.—Торговля.—Рыболовство.—Извозничество.—Наемъ въ работники.

А лект о р о в ъ, А. Е.—«Киргизскій праздникъ—байга. — «О р е н б у р г с к і й Л и с т о к ъ», 1887 г., № 31.

Описывается скачка.

А лект о р о в ъ, А. Е.—Имена киргизовъ — «О р е н б у р г с к і й Л и с т о к ъ», 1888 г. № 4.

А лект о р о в ъ, А. Е.—«Основаніе брака и свадебныя обычаи у киргизовъ».—«О р е н б у р г с к і й Л и с т о к ъ», 1888 г., № 11 и 12.

Совершеннолѣтіемъ для вступленія въ бракъ, по киргизскимъ обычаямъ, какъ для мужскаго, такъ и для женскаго пола считается пятнадцатилѣтній возрастъ, но киргизы могутъ вступать въ бракъ и до совершеннолѣтія, лишь бы не было жениху и невѣстѣ менѣе тринадцати лѣтъ. Киргизы обычаемъ этимъ пользуются весьма широко,—дѣвушки ихъ вообще не засиживаются; иная глядитъ еще ребенкомъ, а ее выдаютъ уже замужъ. Бремя семейныхъ обязанностей, раннее и частое рожденіе дѣтей изнуряютъ сильный организмъ киргизской женщины и она преждевременно дѣлается старой.—Калымъ,—его значеніе.—Пока калымъ не выплаченъ, свадьба не совершается, но женихъ имѣетъ право посѣщать свою невѣсту наединѣ и вмѣстѣ спать, не нарушая, впрочемъ, цѣломудрія.—Обряды посѣщенія женихомъ невѣсты.—На-

18) О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.

19) О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочневъ. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карацзинской библиотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Троицанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилахъ у Михеты, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ. В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библиотекѣ. Составилъ И. Э. Токмаковъ. 15 стр. 4^о. Цѣна 15 коп.

25) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8^о. Цѣна 30 коп.

26) Дружеской памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 19 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катановъ, Н. Э. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Со снимкомъ). Цѣна 15 коп.

29) Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I, 1878, выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп. Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп.; вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 2 ц. 1 руб., — 3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томы I, II и VII, а равно и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ и 3-й вып. XIII т. «Извѣстій», Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1899 годы по 25 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Казань, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ), б) Карлъ Риккертъ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14), в) Книжный магазинъ «Новаго Времени» (Москва, Неглинный бульваръ, д. Делре), г) Н. Киммельъ въ Ригѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты ежедневно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4—6 час. веч.

Въ 1900 г. «Извѣстия Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ» будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азій и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіяся къ Восточной Россіи: важныя оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ периодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ заведеніяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: проф. Д. В. Айналовъ, проф. А. И. Александровъ, А. Е. Алекторовъ (Кустанай), И. В. Аничковъ (Ташкентъ), проф. А. С. Архангельскій, о. Н. А. Архангельскій, Г. Ахмаровъ, проф. В. А. Богородицкій, В. Л. Борясовъ, проф. Е. Ф. Будде, Д. В. Васильевъ, В. Н. Витевскій, А. А. Диваевъ (Ташкентъ), И. А. Износковъ, проф. Н. Ф. Кагановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), акад. В. В. Латышевъ, В. К. Магницкій, о. Е. А. Маловъ, проф. Ф. Г. Мищенко, В. А. Мошковъ (Варшава), А. Д. Нестеровъ (Казалинскъ), епископъ Никаноръ (Орель), Н. Н. Новокрешенныхъ (Пермь), Н. П. Остроумовъ (Ташкентъ), Н. Н. Пантусовъ (Вѣрный), Н. М. Петровскій, П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, В. М. Терехинъ (Пенза), проф. А. А. Штукенбергъ, И. Н. Юркинъ, проф. Н. Н. Эирсовъ и др.

Статьи, присланныя для помѣщенія въ «Извѣстіяхъ», подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Цѣна годовому изданію 5 руб.; желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Обществу Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна этого выпуска 1 рубль.